

АВТОР
БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЛЕДОКОЛ» И
«АКВАРИУМ»

ВИКТОР СУВОРОВ ЗМЕЕЕЕД

1936 ГОД. НАЧАЛО «БОЛЬШОЙ ЧИСТКИ».
ОН ДЕЛАЕТ КАРЬЕРУ В ОРГАНАХ.
КАКУЮ ЦЕНУ ОН ГОТОВ ЗАПЛАТИТЬ
ЗА НЕОГРАНИЧЕННУЮ ВЛАСТЬ
И ВОЗМОЖНОСТЬ РАСПОРЯЖАТЬСЯ
СУДЬБАМИ ДРУГИХ ЛЮДЕЙ?

Приквел остро-
сюжетных романов
«Контроль» и «Выбор»

★★★★★

Новая повесть от автора
супербестселлеров
«Аквариум» и
«Ледокол»

ВИКТОР СУВОРОВ ЗМЕЕЕЕД

ПОВЕСТЬ

★★★★★

КНИГИ ВИКТОРА СУВОРОВА

Освободитель

Аквариум

Ледокол

День М

Тень победы

Беру свои слова обратно

Самоубийство

Очищение

Кузькина мать

трилогия «Последняя республика»

Последняя республика

Святое дело

Разгром

повести и романы

Змееед

Контроль

Выбор

опубликованы на английском языке

Inside the Soviet Army

Soviet Military Intelligence

Spetsnaz

The Chief Culprit

киносценарии

Контроль

ВИКТОР СУВОРОВ

ЗМЕЕЕЕД

*Приквел остросюжетных
исторических романов
«Контроль» и «Выбор»*

*Новая повесть от автора
супербестселлеров
«Аквариум» и «Ледокол»*

ДОБРАЯ КНИГА

УДК 821.161.1

ББК 84

С89

Суворов, Виктор.

Змеед / Виктор Суворов. — М.: ООО «Издательство «Добрая книга», 2012. — 296 с., 20 отд. л. ил.

ISBN 978-5-98124-567-1

Действие новой остросюжетной исторической повести Виктора Суворова «Змеед», приквела романов-бестселлеров «Контроль» и «Выбор», разворачивается в 1936 году в обстановке не прекращающейся борьбы за власть, интриг и заговоров внутри руководства СССР. Повесть рассказывает о самом начале процесса укрощения Сталиным карательной машины Советского Союза; читатель узнает о том, при каких обстоятельствах судьба свела друг с другом главных героев романов «Контроль» и «Выбор» и какую цену пришлось заплатить каждому из них за неограниченную власть и возможность распоряжаться судьбами других людей.

Повесть «Змеед» — уникальная историческая реконструкция событий 1936 года, в том числе событий малоизвестных, а прототипами ее главных героев — Александра Холованова, Ширманова, Сей Сеича и других — стали реальные исторические личности, работавшие рука об руку со Сталиным и помогавшие ему подняться на вершину власти. В центре повествования — карьера главного героя по кличке Змеед в органах НКВД от простого наблюдателя, агента наружной слежки и палача, исполнителя смертных приговоров, работающего с особо важными «клиентами», до уполномоченного по особо важным делам, заместителя одного из приближенных Сталина и руководителя специальной ударной группы, проводящей тайные операции по всей Европе.

В специальном приложении собраны *волге 50 фотографий* 1930-х годов, в том числе уникальные архивные снимки, публикующиеся впервые, рассказывающие о действующих лицах повести и прототипах ее героев.

Издательство «Добрая книга»

Телефон для оптовых покупателей: (495) 650 44 41.

Адрес для переписки/e-mail: mail@dkniga.ru

Адрес нашей страницы в Интернете: www.dkniga.ru

Все права защищены. Любое копирование, воспроизведение, хранение в базах данных или информационных системах, передача в любой форме и любыми средствами — электронными, механическими, посредством фотокопирования, записи или иными, включая запись на магнитный носитель, — любой части этой книги запрещено без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Виктор Суворов, 2011.

© ООО «Издательство «Добрая книга», 2011 —
издание на русском языке, оформление.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	7
Глава 1.....	11
Глава 2.....	23
Глава 3.....	43
Глава 4.....	67
Глава 5.....	85
Глава 6.....	95
Глава 7.....	111
Глава 8.....	127
Глава 9.....	147
Глава 10.....	167
Глава 11.....	185
Глава 12.....	197
Глава 13.....	207
Глава 14.....	223
Глава 15.....	239
Эпилог.....	255
Послесловие.....	257

Виктор Суворов о своих книгах и о себе ... 265

Перед началом Великой чистки в высшем руководстве НКВД был 41 комиссар Государственной безопасности.

Звание Генерального комиссара ГБ равнялось званию Маршала Советского Союза. Это звание тогда носил только один человек. Он был арестован и расстрелян.

*Из семи комиссаров ГБ 1-го ранга
были арестованы и расстреляны семеро.*

*Из 13 комиссаров ГБ 2-го ранга —
арестованы и расстреляны 11, один отправлен
в кабинете нового заместителя главы НКВД, который,
в свою очередь, через год был арестован и расстрелян
уже во второй волне очищения.*

*Из 20 комиссаров ГБ 3-го ранга
трое покончили жизнь самоубийством,
15 арестованы и расстреляны, один бежал в Маньчжурию,
где позднее был убит японцами.*

*Из 41 комиссара Государственной безопасности,
которые накануне Великой чистки руководили тайной
полицией Советского Союза, 1937 и 1938 годы пережили
двое. После смерти Сталина один из них был арестован и
расстрелян, второй арестован, во время следствия сошел
с ума и умер в психиатрической клинике тюремного типа.*

ПРОЛОГ

— Выходит, что за всю свою жизнь ты не убил ни одного человека?

— Так оно и выходит: ни одного.

— Вообще ни одного?

— Да все как-то не выпадало.

— Никогда-никогда?

Совсем парень смутился:

— Никогда...

— Ну, ты даешь! Тебе скоро двадцать один, а ты...

— Так жизнь складывалась, что...

— А ты вспомни. Может, в юности... Ну хоть одного... или, быть может, в детстве?

— Не убивал.

— Зачем же тебя к нам прислали?

— Не знаю. Подписан приказ к вам явиться, вот и явился. Начальству виднее.

— Кем же ты раньше был?

— Разведчиком-наблюдателем по восьмой платформе Северного вокзала*.

* С 1922 по 1955 год Северным назывался Ярославский вокзал.

Переглянулись исполнители, присвистнули: вот это карьера!

— Ты, паренек, видно, с начальством дружишь: из разведчика-наблюдателя да прямо в подручного исполнителя в Лефортове! Такого взлета до тебя никто не делал. Такой приказ мог подписать только сам Народный комиссар товарищ Ягода.

— Вот он самый и подписал.

— Кто же тебя по служебной лестнице с такой скоростью тянет?

— Не знаю, кто тянет. Честное комсомольское, не знаю. Нет у меня блата. Безродный я. Из беспризорных. Знаете в Болшеве колонию НКВД для босяков? Имени товарища Дзержинского. Так я оттуда. Перековали, перевоспитали, — ив разведку. Два года на десятой платформе наблюдателем работал, потом повысили, на восьмую перебросили. Год я там отмотал, обещали на седьмую платформу перевести за ударный труд, а тут вдруг — бац: приказ — подручным исполнителя...

— Тут что-то не так. Так не бывает. Чтобы до таких высот дойти, люди всю жизнь трубят. И очередь в нашу группу длиннее Беломорско-Балтийского канала. К нам заслуженные люди просятся — не берем... К нам исполнители из республиканских наркоматов рвутся, мастера с многолетним стажем...

— А меня сразу к вам...

— Да может мы тебя в свой коллектив не возьмем, неграмотного! На кой ты нам?

— Так прикажете и доложить в секретариат товарища Ягоды? Приказ им лично подписан.

— Приказ — дело серьезное. Да только у нас коллектив сплоченный. Не вступишь — выживем. И товарищ Ягода не поможет. Сам от нас попросишься. У нас работа серьезная. Мы последнюю точку в каждом деле ставим. Тут

соображать надо. Давай-ка мы тебя на сообразительность проверим. Готов?

— Готов.

— Смотри, перед исполнением надо совершенно точно удостовериться, что это именно тот, кто тебе нужен. Для этого клиента к нам сюда заводят. Вот прямо в этот кабинет. Клиент не знает, что его прямо сейчас — того. Обстановка у нас, как видишь, располагающая, даже занавесочка на окне. Я за столом сижу. Дело передо мной. Листаю странички. Мы тут вежливость блюдем. Ему сесть предлагаю. И вопросики — про имя-отчество и год рождения... А на столе у меня по правую руку — пачка «Казбека» и спички. Что бы ты по левую руку положил?

В потолок парень взгляд метнул. Но на потолке ответа не оказалось. Посмотрел в окно. Но и там ничего интересного не обнаружил. Пришлось соображать самому. И он сообразил:

— Кулек мятных пряников.

Переглянулись исполнители. Согласились молча: верно парнишка мыслит.

ГЛАВА 1

1

- **М**еня Иолантой зовут.
- А меня... — он на мгновение задумался.
- А меня — Иваном Ивановичем.
- Вот и познакомились, Иван Иванович.
- Сколько же тебе, Иоланта, годиков?
- Уже восемнадцать, — глазом не сморгнув, — привычно соврала Иоланта.
- И... сколько это стоит?
- Три рубля.
- Сдурела?
- Найдите дешевле.
- Давай за два.
- Смерила Иоланта оценивающим прищуром глубину бездонного неба и согласилась:
- Пусть будет два, только денежки вперед.
- Так быстро она согласилась, что он даже пожалел: можно было бы рубль предлагать, а то и полтинник. Но было уже предложено и уже принято.
- Ладно. А где?
- У меня место есть.
- Что за место?

— Через площадь привокзальную, через трамвайные линии, за угол, там, в переулке, — трактир, за трактиром — конюшня, на чердаке — сеновал. Никого там нет, на сеновале.

— Хорошо. Только я заплачу, когда придем. Чтоб не удрала с денежками.

— Ах, мы такие недоверчивые... Идите за мной, только по той стороне улицы. И на меня все время не смотрите. Вроде гуляете. Вроде меня не знаете и не замечаете.

2

— Итак, все с самого начала.

— Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, все было как всегда. Но на этот раз лопнуло колесо...

— Надо было сменить.

— Запасное оказалось с проколом.

— Надо было звонить.

— Звонил, никто не отвечал, снова...

— Короче, на сколько вы опоздали?

— На два часа девять минут.

— Дальше.

— Прибыл на Северный вокзал с опозданием. Обыскал все. Его не было.

— В милицию обращались?

— Конечно, нет.

— Правильно. Так где же он?

— Не знаю, как сквозь землю.

— «Владивосток — Москва» прибыл на первую платформу?

— Как всегда, на первую.

— Выяснили, кто работал на первой?

— Должен был Звонарев, агентурный псевдоним — Брыль. Но он на переподготовке. Вместо него работал Змеед с восьмой платформы.

3

— Здравствуйте, Змеед.

— Здравия желаю, товарищ Народный ко...

— Дома я просто Генрих Григорьевич.

— Здравствуйте, товарищ Генрих Григорьевич.

Подал Генрих Григорьевич руку. Пожал Змеед нежную белую ладонь Народного комиссара внутренних дел.

— Садитесь.

Садится Змеед, а сам замечает: народный комиссар под столом эдак незаметно руку платочком вытер, да платочек батистовый с буковками вышитыми — в мусорную корзину. Опять же — незаметно. Но Змеед не зря три года разведчиком-наблюдателем на Северном вокзале оттрубил. Змеед все видит. Только виду не подает. Так приучен. У больших начальников, известное дело, к своим рукам почтение. Предшественник товарища Ягоды, товарищ Менжинский, ту же манеру имел, — в Болшево, в колонию беспризорную приезжал, всей шпане ручки жал. А потом, бывало, зайдет за уголок, чтоб незаметно, а там из особой канистры ему на руки спирт льют. Беспризорные ему однажды сказали, что лучше бы он им руки не жал и свои ладони спиртом не отмывал, а сразу бы им канистру отдал, так они б его за то пуще бы полюбили...

— Итак, дорогой Змеед, у вас теперь новая работа.

Подумал Змеед, что бы такое ответить, но ничего умного не придумал. Вместо ответа головой мотнул.

— Нравится?

— Еще бы!

— Это я вас на такую высоту поднял.
— Спасибо, Генрих Григорьевич.
— Приказ пока предварительный, но если будете хорошо работать, подпишу приказ окончательно.
— Постараюсь.
— Теперь — к делу. Прежде всего, подпишите вот эту бумагу. Это расписка о неразглашении. Вы, Змеед, никогда на моей даче не бывали, никогда меня не встречали, никогда со мной не говорили.
— Понял.
— Если понял, распишись. И выйдем в сад. Тут душно.

4

— Люська!
— Да.
— Люська, ты кого, стерва, привела?
— Бобра.
— Так он же чекист.
— А мне почему знать?

5

— Вот, товарищ Змеед, десять фотографий. Вы кого-нибудь из этих людей видели вчера на первой платформе Северного вокзала?

— Видел вот этого. Курьерский «Владивосток — Москва», прибыл в пятнадцать часов десять минут. Он вышел из шестого вагона.

— Постойте... В поезде двенадцать вагонов. В Москве выходят все пассажиры. И встречающих — толпа. Смена ваша — восемь часов. За смену вон сколько поездов прихо-

дит и уходит. И вы одного разглядели? Одного запомнили? Он чем-то привлек внимание?

— Нет, этот неприметным был. Но я всех разглядываю. Работа такая.

— Продолжайте.

— Этот был в сером костюме, в шляпе, с портфелем. Думаю, чекист. Средней руки начальник.

— Нет, нет. Он не чекист. А почему вы так решили?

— Просто повидал их на веку. Предположил...

— Вы ошиблись.

— Минут через пятнадцать, когда толпа схлынула, он снова на платформе появился. Явно кого-то искал.

— А потом?

— Потом ушел.

— Этот человек исчез. Как вы думаете, куда он мог пропасть?

— Вариант самый верный: жиганцы выставили шлендру гулящую и взяли бобра на прихват.

Сморщился народный комиссар:

— Вы по-русски можете?

— Простите, Генрих Григорьевич. Ехал человек почти две недели в поезде, а до того, может быть, пароходом шел на материк четыре, а то и пять дней, истомился, и тут — Москва, вышел на перрон, никто не встречает, походил, подождал, еще походил, а на площади трех вокзалов фартовые девочки промышляют...

— И что потом?

— Потом заведет такая лярва в укромный уголок, предложит выпить для начала. Сама, лахудра позорная, понятно, первая пьет, потом ему наливает. В этот момент ловкость рук все решает. Он глотнет — и с копыт. Тут партнеры проявляются, склячивают клифт, лопатник, бранзулетки...

— Ас ним что?

— А его под мост или в кусты на кладбище бросят. Отойдет он, голенький, через сутки — в голове шум, ничего не помнит. Вот только если он чекист, тогда хуже ему будет.

— Почему хуже?

— Потому что жиганцы залезут в лопатник, сообразят, на кого нарвались. Чекист так дело не оставит, всю жизнь потом их искать будет. Так чтоб не искал...

— Вот что, Змеед, этого человека надо найти. Может быть, он еще жив. Это очень важно. Я вам обеспечил небывалое повышение, еще и квартиру дам, будущее устрою, на вашей новой работе — самая высокая зарплата и много свободного времени. Все свободное время — на поиски. Докладывать только мне. Как думаете искать?

— Тут, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, не мне вам подсказывать: надо оповестить райотделы НКВД Москвы и Подмосковья, обшарить все чердаки и подвалы, все пустыри, развалины, сады, парки, разослать фотографию: пропал человек...

— Нет, нет, только не это...

— Тогда путь один: искать завлекалку. Всех шар, которые регулярно на трех вокзалах промышляют, я знаю. Туземная лярва на такое не пойдет. Да ее и не поставят. На такое дело только залетная годится.

— И вы вчера на вокзале... заметили новенькую, залетную?

— Приметил.

— Что вам нужно для поиска?

— Дайте мне картотеку на всех малолетних марух и воровак Союза. Желательно по районам — от Москвы до самых до окраин. Кроме того, в каждой московской школе, в каждом классе в конце учебного года групповые фотографии делают... Нужно собрать все фотографии со всех школ, детских домов, колоний для несовершеннолет-

них за последние два-три года... Уж больно недозрелая мелькнула.

— Собирать фотографии не надо. У нас в НКВД они все собраны. Я отведу вам помещение. Но если... Если она... не московская?

— Тогда буду искать ярославских, тульских, тверских...

— На завтра у вас много работы в Лефортове?

— Нет, у меня два свободных дня, а потом у нас на исполнении один только зиновьевец с процесса.

— Поступим так. В саду за яблонями и за сиренью — небольшой домик. Там никого нет. Вам подготовят место для работы, постель, обеспечат питанием. Повару заказывайте все, что только пожелаете. Мой секретарь Павел Петрович доставит каталоги малолетних преступниц. Потом подвезет фотографии со всех школ Москвы. Приступайте к работе прямо сейчас.

6

Дача, скорее поместье Народного комиссара внутренних дел СССР Генерального комиссара Государственной безопасности Ягоды Генриха Григорьевича — в поселке Коммунарка. Тут же — расстрельный полигон, который по размаху деятельности ничуть не уступает полигонам в Барыше, Бутово, Струмилино и даже в Куропатах.

Хорошо то, что от Москвы совсем близко. Врагов центральных по московским тюрьмам стреляют. Но это, так сказать, штучное производство. В редкие ночи — по несколько десятков. А если три-четыре сотни сразу, так это сюда, вон за те глухие ворота.

Еще и то хорошо, что не надо сил много тратить на охрану многих объектов. В Коммунарке все в одном букете —

и дачи руководства, и дом отдыха чекистов, и учебный центр с небольшим стрельбищем, и, ясное дело, — спецучасток за высоким серым забором.

Красота неопиcуемая. И тишина, когда расстрелов нет. Но и расстрелы особо тишины не расстраивают. Сосны вековые и зеленые елки надежно стрельбу глушат.

Сад у Народного комиссара огромный: яблони, вишни, крыжовник, смородина красная и черная, ежевика. А дальше в глубину — море сирени и черемухи. И там, в зарослях, — домик бревенчатый. Павел Петрович Буланов, секретарь Народного комиссара, завалил этот домик фотографиями. Звание у товарища Буланова — старший майор Государственной безопасности. В петлицах у него по два ромба, как у армейского комдива. У буржуев его бы генерал-лейтенантом величали. А в рабоче-крестьянском государстве генералов нет и быть не может. Генерал — пережиток проклятого прошлого.

Приветлив Павел Петрович. Все выпрашивает, не помочь ли чем. А чем Змееду поможешь? Он один смазливое личико в толпе приметил и тогда еще сообразил, что девочка не из приезжающих и не из уезжающих, не из встречающих и не из провожающих. Кто еще на вокзалах и вокруг вертится? Только тот, кто тут работает. И тот, кто чем-то промышляет.

Всех, кто на Северном вокзале работает, Змеед знает. Она — не из тех. Следовательно...

7

Весь пол папками фотографий запружен. Все столы и полки. Работает Змеед. Только иногда его от работы повар отвлекает. Персональному повару наркома в этот домик вход заказан. О работе Змееда знают только товарищ Ягода и

товарищ Буланов. Повару положено три раза в день в дверь осторожно стукнуть: чего изволите?

Змеед изволил водочки клюквенной и вареников с вишнями да со сметаной. Водочки — чтоб немного совсем. Для аппетита. А вареников — до отвала. Ну, а что на завтрак? И на завтрак вареников. И на обед. Так и далее держать.

Повар в саду под деревьями стол синей скатертью стелет. В тени. Тут бы самое время напиться досыта и завалиться под вишнями. Но нет на то времени. Ночь, день и еще ночь и день. Три часа сна, потом и еще два, и еще три.

— Вот эта.

— Уверены?

— Очень похожа.

8

На Красной Пресне, прямо возле тюрьмы, — высоченные заборы. Над заборами еще и проволока колючая. Въезд — через стальные ворота с красными звездами, вход — через проходную с суровыми вооруженными вахтерами. Это — Военно-пересыльный пункт, ВПП.

За заборами — здания типа барачных. Только бараки те — кирпичные, крепко сложенные еще Государем Николаем Александровичем. Окна — почти под потолками. По метру высотой, по два с половиной шириной. Чем-то на орудийные амбразуры похожие. Входишь — зал с кафельным полом. У входа — дневальный. Кого ни попадя сюда не пустят. Вправо и влево от главного зала — спальни. Койки — солдатские, железные. В два яруса. 160 мест в правой спальне. 160 в левой. Это общежитие холостяков Первой боевой группы Пятого отдела Главного управления Государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Тут живет

Змеед. У него — свободный выход за ворота: захотел — вышел, захотел — вошел. Хоть в полночь, хоть к рассвету. У Змееда — собственное спальное место и тумбочка, в железном шкафу — собственная секция с висячим замком. В шкафу — шинель со споротыми петлицами, пара яловых сапог, сапоги резиновые, полуботинки фабрики «Скороход», брезентовый плащ, полушубок, шапка-кубанка, валенки с резиновыми галошами, три рубахи, штаны запасные, револьвер с патронами и кастет.

Кастет свинцовый Змеед сам себе смастерил. Собрал пуль в тире, выплавил свинец, форму вылепил и отлил. Кастет в кармане неудобно носить — оттягивает. Потому Змеед заказал сапожнику кожаную сумочку на ремень. На дежурство он с револьвером ходит, а кастет — с собой, так, на всякий случай. Федя Сверчок, который все знает, давно разъяснил Змееду, что «кастет» — слово французское, *casser* — «разбивать», *tete* — «голова». *Casse-tete* — головоломка. Но русские термин заморский слишком прямолинейно истолковали.

Сидит Змеед на кровати, на синем суконном одеяле с черными полосочками, соображает. Все вроде хорошо. И что-то не хорошо. Новая работа подручного исполнителя интересна, увлекательна, почетна, денежна. В дни исполнения стограммовая доза предусмотрена, но дают сколько хочешь, на нормы не глядя. И кормят кашей гречневой с маслом, с котлетами. Худо ли? Но почему-то не нравится Змееду история с пропавшим на Северном вокзале пассажиром.

В дальнем углу Федя Сверчок книжку читает. Федя всегда читает. Не отрываясь. Подсел к нему Змеед:

— Слушай, очкастый, а как при царе Иване следствие вели?

— Два варианта: со следами и без.

— И как — со следами?

— Самый простой способ — веревками перетирали руки, ноги, живот или еще какие нежные места.

— А без следов?

— Способов уйма. Кладут на спину, руки-ноги растягивают и вяжут, на брюхо и на грудь — блюдо железное, на блюдо — гирю пудовую, одну, другую, если мало — третью...

— Какое злодейство самое страшное?

— Ясное дело: умысел на царя. Крикнет холоп Ивашка «Слово и дело!» — и закрутилась карусель.

— Что значит «слово и дело»?

— Это формула такая. Крикнул на площади, крикнул в трактире, и никто тебя после того тронуть не смеет. Наоборот, каждый тебя охранять должен. Клич этот означал, что ты что-то знаешь про заговор. Тебя каждый обязан был проводить прямо к царю. А кто против тебя пойдет — того огнем жечь будут: зачем правде путь пресекаешь, зачем ей перечишь?

— А если я в шутку «слово и дело» крикнул? Если крикнул, да ни черта не знаю?

— Тогда тебя на скотобойне под ребро на крюк подвесят. Чтоб не шутил. Или посадят в котел с водой, разведут под котлом большой огонь и сварят. А выпрыгнуть не позволят. На то дюжие мужики с молотками приставлены. Еще могут за ноги подвесить на двух веревках, так, чтоб ноги в разные стороны растянuty были. И пилой по промежности надвое распилят. Вдоль хребта к голове.

— Понятно, — сказал Змеед и вздохнул почему-то глубоко и протяжно.

Пошел в свой угол, достал лист серой бумаги, конверт, чернильницу и ручку со стальным скрипучим пером. Сначала написал на конверте: «Красная Пресня. ВПП. Спросить Змееда».

Долго молчал, невидящим взглядом уставившись в чис-

тый лист. Потом решительно вывел большими буквами
«Слово и дело».

ГЛАВА 2

1

Конец лета. И уж вроде осенью пахнуло. И скоро в школу. В десятый класс. И не хочется. Девочка московская, та самая, которую Змеед по фотографии опознал, с друзьями всеми почему-то перессорилась. И все по пустякам. Назло всем взяла да и махнула на недельку к деду своему на Украину. В Конотоп. Маленький такой городишко. Древний. Обрадовался дед. Вот, вспомнили старого. А то никто не помнит, даже НКВД.

Просидела девочка все утро в дедовом доме. Просидела весь полдень. И уж вечереет. К вечеру не вмоготу ей дома сидеть. А через улицу — стена кирпичная. За стеной парк старинный. В парке — танцы. Музыка там чарующая, слушай — заслушивайся...

И вдруг грянула мелодия божественная — «Волны амурские». Удивительно: у нас Амур — река, великая, могучая, свирепая, своенравная, коварная, а у французов Амур — это любовь. Может, связано это как-то. Любовь ведь тоже дело великое, дело могучее, свирепое и коварное. Опять же совпадение: у них амурные истории — это вымысел, но такой, что слез в глазах не удержишь. У нас

«Амурские волны» — такая мелодия, что надо часто моргать, чтобы слезы по щекам не катились.

Одним словом, поплыла мелодия над старинным парком, и не удержать больше девочку в дедовом доме. Цепями вяжите — упорхнет вместе с цепями.

А дед и скажи: шустрая, мол, какая. У нас тебе — не столица. У нас тут — Конотоп. Шпана то бишь. А девочку уж крылья в парк несут. Не повязать ее ни уговорами, ни замками, ни решетками.

Идти далеко. Весь парк стеной кирпичной опоясан. Вход — прямо с противоположной стороны. Если бы через стену кирпичную — было бы рядом. А так в обход: вдоль высоченной стены до угла, за угол и вновь вдоль стены, и снова повернуть — вот только там вход с огнями и откроется.

Хорошо, что лето сухое. Потому по улице пыль смерчем метет. А если дождь, то по этим улицам не проедешь. Конотоп — это место, где кони в грязи топнут. Благо до сезона непролазного еще месяц целый.

Вечером хорошо. Вечером светло. И кольнуло: а возвращаться при фонарях. А где они, фонари? Во-о-он один на горизонте. А включают ли его в темноте конотопские товарищи или режим экономии блюдут?

Обогнула один угол. Обогнула другой. Пришла. Над воротами буквы в человеческий рост: «Жить стало лучше. Жить стало веселее. И. Сталин». Билетик купила. Прошла ворота и себя прокляла: парк дикий, словно лес тропический. Аллея в танцевальную площадку упирается. Вдоль аллеи фонари. И на площадке фонари же. Но весь парк во мраке. И морды.

Вы знаете, какие морды в конотопском парке?

Нет, вы не знаете, какие морды в конотопском парке.

Если бы современные режиссеры попали в то время да в тот парк, да сняли бы фильм про блатных и приблатненных, то в момент бы «Оскара» заработали за сюрреализм.

И девки в конотопском парке тоже сюрреалистичные. Вульгарно измазанные. Девки тех же мастей: блатные и приблатненные. Расписные девки. В наколках.

Милиционер в конотопском парке для порядка выставлен: взгляд мутный, к нижней губе сигарка прилипла, на правой руке якорь сизый, на левой кривыми буквами — «ВАСЯ».

Обратили на девочку внимание. Из-под кепочек, на глаза напаянных, — взгляды насилующие. А один взгляд ей совсем не понравился. Взгляд тот ее не только насилывал, но и убивал.

— Аспид, ты посмотри какая краля!

— Нет, Ящер, не в моем вкусе. Мала. Годика через два.

— Заелся ты, Аспид. Бычий хвост за мясо не чтишь. А я займусь. Мне такая в самый раз. И ребятам моим. Да и милиции не грех попользоваться. А два годика ей не прожить. Попользуемся и заметем.

— Ходють тут всякие, а нам потом сто пятьдесят третью статью шьют.

— И сто тридцать шестую.

Откуда девочке знать содержание статей УК-26? Но поняла: отошла юность. Откатилась. Отсеклась. Как только в парк вошла — так и юности конец. По ту сторону ворот парковых — жизнь в мечтах розовых. По эту — жизнь взрослая. Без надежд и иллюзий. И жизни той последние часы отмеряны. Ладно. Пока деяний квалифицируемых означенными статьями не совершено, будет она танцевать.

А надо отметить особо: танцевать она была великая охотница и мастерица. Для танцев была рождена, для танцев сложена. И ничего кроме танцев в голове ее долго не держалось. Доводилось ей на закрытых просмотрах для привилегированных деток фильмы зарубежные, пролетариату не рекомендованные, разглядывать. И уж как высмотрит в фильме выкрутас какой танцевально-зарубежный,

так всю ночь и не спит, тренируется. Финтов танцевальных она знала не меньше, чем великий Капабланка знал финтов шахматных. Каждый раз на танцевальную площадку выходила она как на свой последний и решительный бой: или перепляшет всех соперниц разом или тут же и умрет вдохновенной смертью того героя, который отдал все силы до последнего великому делу освобождения рабочего класса. Жизнь дается человеку один только раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы.

Вот ей и не мучительно, ей и не больно, и годы ее не бесцельны. У нее цель в жизни великая. Великая и простая, и ослепительная в своей простоте: так танцевать научиться, чтоб на паркетном полу совершать плавный прыжок в три оборота! Не мечта ли!

Так она и жила, и еще пока ни разу не умирала. Зачем умирать, если на танцах всех соперниц переплясывала. А прыжок в три оборота — это придет. Обязательно придет!

Хорошо ей жилось в ритме вальса, в дрожании заморского перепляса. Но танцы ее и сгубили. Доплясалась. Что делать в такой ситуации? Ничего и не оставалось: только плясать. Правильно сказано: помирать, так с музыкой.

Музыка в конотопском парке как везде у нас: Утесов да Шульженко. И еще вальсы старинные: волны то амурские, то дунайские, или сопки маньчжурские.

Нарасхват девочка. Никому не отказывает. Пляшет как чертик заводной. Если бы музыка не останавливалась, то и она бы продолжала, а так прерываться иногда приходится. Эх, быть бы ей звездой эстрады, подпевать бы великим певцам, пританцовывая. Так бы оно и было, не попади она в тот вечер на конотопскую площадку. С того вечера пошел ее жизненный перепляс другим руслом.

Мимо эстрад.

Гремит оркестр. Хорошо ей в музыке. Все страхи забыла. Замотала десяток кавалеров до одышки, до зеленых чертиков в глазах. Больше ее никто не приглашает. Что ж, она и сама умеет. Одна. Всем на удивление. И поверьте слову, танцы ее изумления достойны. Где-то рядом в черных кустах морду кому-то бьют. Долго бьют. Утомительно. И стон оттуда, и всхлипы жалобные. И орет кто-то страшным голосом, и посвист молодецкий из темноты новый мордобой возвещает. И мусора буревестниками над парком реют. Мусор — это старинный термин. Дореволюционный. МУС — это Московский уголовный сыск. Сначала одних только московских сыскарей мусорами звали. Потом — и всех остальных, не только московских. После революции слова «сыск», «сыщик» как-то неприлично стали звучать. Неблагозвучно. Потому «сыск» на «розыск» сменили. А мусора остались. Вот они-то в конотопский парк крикливым вороньем и слетаются.

Если появились, так это к буре. Буря! Скоро грянет буря!

И грянула.

Разразилась драка, какая бывает только у нас в Союзе, только у танцплощадки в центральном парке провинциального городишки.

Вначале вроде порыв ветра мордобойного над толпою просвистел, попригнул кой-кого, попримял. И стихло. И тут же гроыхнула драка ураганным посвистом. Сверкнули ножи тысячей молний, взметнулись над головами колья да оглобли, хрустнули черепа орехами кокосовыми, зазвенел парк бутылками битыми. Хороша бутыл поллитровая недопитая для ударов об голову. И не жаль, что разбивается на чужой голове. Даже недопитого — и того не жаль. То есть жаль, конечно. Но не очень. Водка — это поч-

ти спирт. Разливаясь по битой голове, по стеклам, в череп влипшим, водка раны стерилизует. Водка — и антисептик, и анестетик. Народная медицина, так сказать. Так что, разбивая бутылку о голову ближнего, помни: в бутылке еще должно булькать. А бить человека по голове пустой бутылкой, прямо скажем, варварство. У нашего доброго народа так не принято.

Разбивать бутылку недопитую об чужую голову и тем хорошо, что, разбиваясь, оставляет она в руке бьющего инструмент колюще-режущий. Им-то и в морду пырнуть можно. И пыряют. И бритвами морды режут. И глотки. И велосипедными спицами отточенными, как шпагами, бьют в глаза, и в животы, и в задницы, и туда, куда и не следовало бы. Заостренная спица велосипедного колеса — в народе «пика» — кажется сторонним наблюдателям оружием жутким. Но эта самая пика свидетельствует в пользу моего великого народа. В пользу его благородных наклонностей. Уж не о рыцарских ли традициях мушкетеров она напоминает?

Одна девочка на танцплощадке осталась. Знай себе выплясывает. Никого вокруг. А ей дела нет. Ревет драка ураганом. И вальс над парком: «Краси-и-ива Аму-ура волна...»

3

Вдруг остановилась она. Опомнилась. Остановилась, потому как рев драки рев музыки заглушил, а без музыки танцевать — это вроде как... Сами понимаете.

Метнула взгляд на большие часы на башне, обомлела: без минуты полночь. Домой пора. Вырвалась с площадки, и один ей путь: по аллее к выходу. А там самый центр побоища. Не пробьешься. А если пробьешься — у ворот мусоров-буревестников косяк, палками резиновыми смирение в на-

род вбивают. Так что девочка наша рванула бы к воротам, да уж больно буревестники старательны, машут дубьем, вроде ковры кремлевские перед историческим съездом родной партии выколачивают.

Нет, туда путь заказан. Потому — в кусты, в темь непроглядную. После прожекторов в глазах круги — ничего не видать. Но она как мышь крылатая в темноте юбкой шуршит, на препятствия не нарываясь. Одна из очень давних ее предшественниц точно в такой же ситуации, убегая в полночь, потеряла хрустальный башмачок. История про башмачок, какой бы сказочной ни казалась, является чистой правдой. Древнее предание полностью подтвердилось современным опытом. Наша девочка, убегая, тотчас же туфлю потеряла левую, а на правой каблук обломала. Оно и к лучшему: без каблуков скорость выше.

Надо отдать должное и танцевальной выучке. У нас танцы современные десятилетиями порицались: мол, трата энергии молодежной. Мол, нет бы им, плясунам, энергию ту в дело потребить. Повернуть бы, к примеру, северные реки к южным берегам, заставив их течь вспять. Ан нет. Кобылируют и скачут кобылицами. В суждении таком есть резон. Но надо заступиться и за танцы. Хребтом виляние, задом колыхание и ногами выбрыкивание имеют и положительное влияние на молодой растущий организм: укрепляются мышцы ног и спины, плечевого и тазобедренного поясов, улучшается кровообращение, работа сердца и легких. Так что, если по ночному непролазному парку сверкать пятками, обходя крутыми виражами дерущихся, лучше сверкать пятками тренированными.

Вот и стена кирпичная. И деревьев у стены предостаточно. Белочкой амурской, мартышкой древесной, влетела она по стволу к гребню стены. Напоследок двинула туфлю обломанной, но все еще остроконечной, кому-то, схватить ее пытавшемся. Двинула туда, где ноги сходятся.

Попала.

Точно говорю, что попала, ибо визг ответный тому свидетельством. И опять доброе слово танцам скажу: регулярная тренировка в танцевальном кружке или в студии хореографической повышает точность движений. Вот если бы не тренировалась бы она, не плясала бы каждый день до упаду, то, глядишь, и не попала бы. А так, хлесть — ив яблочко.

Перемахнула забор. С высоты с самой — бубух на дорогу, да в домик к себе! А дед Макар слышит шум сражения и воображение его страшные ужасы рисует. С ружьем дед караулит, и пес с цепей спущен. Но знает старый, что уж внученьки ему не увидеть. Не сберег, не усмотрел. Попасть в лапы шпане конотопской — то же самое, что попасть в чистые, теплые, добрые руки родной советской власти.

Тут-то она и прыгнула с забора почти рядом, да как мышка в норочку — юрк. А за стеною кирпичной — вопль. Вроде кого по самым нежным местам чем-то острым ткнули.

— Дед, у тебя револьвер-то есть? — личико у самой счастьем светится.

— Такого не держим-с.

— Врешь, дед! Ты же надеешься дожить до момента, когда эту власть резать будут. Что ж, у тебя на тот случай даже револьвера нет?

— Ружьишком обойдусь.

— Врешь, дед!

— Револьвер — баловство. Если ружьишка не хватит, так я их пулеметом.

— Ну вот, заговорил. Пулемет. С пулеметом мне завтра на танцы несподручно. Но дай мне пулемет, я как-нибудь с пулеметом.

— Нет, девка, с пулеметом тебя завтра повяжут, пуле-

мет отнимут, а мне что останется? Всю жизнь жду... Как же я тогда без пулемета? Иди спать.

Забралась она на чердак, расстелила на сене душистом одеяло, укрылась другим, лежит, в темноту смотрит. Завтра на танцы она идет. Это решено. Как славно под «Амурские волны» выплясывать. Как очаровательно быть центром внимания в этой милой провинции, где нравы столь первобытно просты и не искажены притворством. А пулемет бы в кустах заранее спрятать. Чуть что — вжик их всех из пулемета, и дальше пляши. Чертов дед, где же он пулемет прячет? Весь сад перерой — не найдешь. Уж прятал так, чтоб и чекисты не нашли. Понятно, что ей и пытаться нечего тот пулемет искать. Хрыч старый, сам на танцах не пляшет и людям пулемета не дает.

Покрутилась-покрутилась — не спится. Встала, свет засветила. Хорошо на чердаке. Жаль, луны в окне нет. Ночи почти сентябрьские. Вызвездило небо, а по низам темнотища. Книжку бы какую почитать. Чердак у деда всяким добром завален. Есть тут и книжки. Правда, малоинтересные: какой-то Гудериан, «Внимание, танки!», опять же Гудериан, «Танки — вперед!», Москва, Воениздат, 1935 год. Или вот совсем новенький «Полевой устав РККА 1936 года». ПУ-36. И на черта конотопскому деду Гудериан? И что он в ПУ-36 вычитать может?

С другой стороны, почему бы и не почитать? Вот зависти будет у соперниц, когда в тесном кругу друзей на память ПУ-36 перескажет!

4

Ночь к рассвету, а она страницами шелестит. Занимательная книженция. Уж под утро загрохотал дед железяками во дворе, перекинулся шуткой с подкатившим шофером, и

унесло деда по его делам, которые нам совсем не интересны. Тогда и решила она пулемет искать.

Искала — не нашла. А жаль. И вопрос на повестке дня: что делать? Ах как поплясать вечером хочется. Хоть бы три часика, не больше. Ну хоть часок! Хоть танец один, самый-самый пристойный. Ну хоть бы одним глазочком на танцы глянуть. А возвращаться как? Без пулемета? Хорошо, вчера драка выручила. Можно надеяться и сегодня на драку. Но если нет, тогда как? Ведь бывают же исключительные дни, когда в конотопском парке драки нет. Что если такой день и выпадет?

Осмотрела весь чердак в поисках чего-нибудь, что пулемету заменой могло бы служить. Добра, повторюсь, на чердаке том предостаточно. Вот, к примеру, старинные часы-ходики. Чем не оружие! Лежат часы в пыли, кукушечка вся давно проржавела и в домике ее паук-кровосос поселился. Не кукует больше кукушечка: знать, паук-злодей всю ее кровушку вылакал. Знакомая тактика — многие так поступают: написал донос на соседа и отправил его куда следует. Постучат ночью товарищи, шею соседу свернут, а домик свободен, забирайся туда, как паук-мухоед.

Впрочем, кукушкино гнездышко нашу девочку мало занимало. Гирька на цепочке — вот что интересно. Расклепала цепочку щипчиками. Взвесила гирьку в руке — свинец литой. Граммов на четыреста тянет. Прикинула, как гирька на цепочке смотрится. Красиво смотрится. А вот если не цепочку, а тот ремешок кожаный сыромятный в ушко продеть? Помяла ремешок, в масле подсолнечном вымочила, еще размяла, высушила, в ушко свинцовой гирьки продела, двумя узелками прихватила. Покрутила гирьку на ремешке, вспомнила знаменитых гимнасток, которые со скакалочками и прочими штуками на ковре выплясывают под гром аплодисментов. А потом вспомнила, что всю ночь не спала. Рада бы и не спать, но к вечеру ей свежей быть

надо. И потому вытянулась на душистом сене, улыбнулась сама себе, да так с улыбкой и уснула. А уж солнце взошло и крышу раскалило, жара на чердаке, а в жаре самый сон непросыпный. Разбросалась, разметалась девочка в наготе очаровательной. Вот если бы в тот момент на том чердаке оказался бы какой знаменитый Гойя с кистями да с красками, увековечил бы. Но не оказалось в тот момент на чердаке ни холста, ни кистей, ни красок, ни самого Гойи, и потому мне вместо него выпало картину описывать. Но сказано: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Как словами опишешь то, на что взирать надо? Я и не описываю. На слово верьте — было на что посмотреть.

5

Она спала глубоко и спокойно. Снился ей старый добрый британский ручной пулемет. «Льюис». 1914-го года. 47 патронов в диске... В Гражданскую войну вон их сколько навезли. Не все ведь погибли. Не все конфискованы. Народ у нас бережливый. Не пропадать же добру... Кто-то где-то прячет... а как найти?

А еще снился ей конопотский парк. И танцы. И музыку слышала во сне. Вальс. «Дунайские волны».

Счастлив тот, кто музыку во сне слышит.

Испугалась: не проспала ли танцы? Встряхнулась-встрепенулась, из липкой непросыпной тьмы вырвалась в явь чердачную. Видит: солнце к закату. Слышит: за стеной кирпичной танго точно труба фабричная ревет, пролетариев вроде на дела праведные созывает. Схватилась она и давай умываться-причесываться. Час только и прошел. Ну, если не час, то от силы полтора часа, а она уж и готова. В лучшем виде: чулки черные, юбка черная, свитер легонький, черный, на шее косынка шелка азиатского. Черной не

оказалось, потому синяя. Темно-синяя. На сегодня решила без каблуков. Стиль сегодня другой.

Подивился дед: штой-то ты, девка, в черном. Не на похороны ли? Смешно деду. А она и вправду на смерть в черное нарядилась: если за вечер танцев надо жизнью платить — заплатит. Жизнь без танцев — все равно не жизнь. Кому такая жизнь нужна? Поцеловала деда в щетину ключую троекратно, сумку черную — на плечо.

И пошла.

6

Гремит парк революцией патефонной. И морды по аллеям. И мусор Васька с сигаркой. Может, со вчерашнего дня та самая сигарка на губе и прилепилась. И не поймешь: блатной в мусора суканулся или мусор под блатного хляет. Идет она парком и пока не боится. Морды все знакомые. Не старалась она морды те запоминать и клички. Но до того народ живописный: хотела бы харю звериную забыть и кличку ее, но не забудешь вовек.

Вот и Аспид. Вот и Ящер. Вот мелкая шпана шелухой вокруг: Минька Гондон, Баклан Соловьевич, Жмот Тугосий и сопливый такой корешок белоглазый по кличке Срань Тропическая. Всех их она вчера одним взглядом схватила, в память свою каждого отдельно как букашечку в коллекцию занесла, предварительно на булабочку наколов.

Не старалась, но помнит всех и улыбается всем: привет, Аспид! Ящеру — пламенный!

Нехорошо Ящер глянул, на приветствия, не ответил. Ощерились шпанистые. Ну и ладно.

Танцует она в удовольствие свое. Час, и другой, и третий. Хватилась только, когда далеко за полночь прощальный вальс объявили. И опять «Амурские волны» парк кач-

нули. Бьют людей по парку там и тут, а драки большой нет. Вот тут ей первый раз страшно стало. До того страшно, что и вальс заключительный танцевать не хочется. Вышла на аллею и, одинокая, домой пошла. Миновала ворота освещенные, во мрак окунулась. Далеко-далеко фонарик мерцает. Собака воет. Ночь — глаза выколи. Прохладой осени дохнуло. Глаза понемногу к темноте попривыкли. Никого позади. И вроде идут. Прибавила шагу. Слышит: те тоже поприбавили.

Оглядываться совсем нехорошо в такой ситуации. Не оглядывается. Просто слышит: их — пятеро-шестеро. Хотелось бы рвануть жар-птицей в поднебесье. В страшных снах она всегда так и делала: чуть какая опасность — р-р-раз на крыльях, и улетела. Но не во сне она. И крыльев нет. А ногам своим непослушным привередливым командует, чтоб не неслись так быстро. Понимает: это как от собак бежать, побежишь — и они побегут. Только быстрее.

Миновала первый поворот, а до второго за целую вечность не доскачешь. Стенка кирпичная вдоль широченной улицы к самому горизонту невидимому подступает. По другой стороне улицы — заборы в два роста, и дома за заборами темные, мертвые, собаки за теми заборами зубищами лязгают.

Идет она и идет. Те позади ожили — шуточки, смешочки, а то как гаркнут голосищем страшным, и хохочут точно гиены в Африке. Уж не знает она, как до угла следующего добраться. Идет-идет, а он не движется навстречу.

Наконец вырисовался угол во мраке, а те позади вроде бы отстали. Так ей хочется рвануть за угол этот желанный, уж так хочется. И момент самый подходящий: отстали. И вдруг поняла она, что в западне. Там-то за углом ее и ждут. Оттого и отстали задние, чтоб она за угол рванула, чтоб, значит, тем, кто за углом, в лапы самые угодила. И уж знает она наперед, кто там, за углом. Ящер — вот кто. Ему такую

кличку за глаза змеиные немигающие дали. И блатной мусор Васька с ним. А сзади отстали — это Аспид с придворной шпаной. Они в западню ее гонят. Не наседаая.

Сдавило ее голову обручем железным. Пулемет бы ей. «Льюис». Жаль, он со снаряженным магазином 17 килограммов весит. Его под полкой не скроешь. Револьверчик бы самый захудалый... Но и его нет.

Дальше она повиновалась не разуму. Дальше она действовала вроде солдата заводного: пружинка железная, а голова деревянная, не думающая. Повернула она круто назад и к тем, отставшим, навстречу пошла. Нет, не от храбрости. От страха. Туда идти — хоть знаешь, чего ждать, а как за угол кирпичный завернуть, в неизвестность жуткую?

Не поняли пятеро маневра ее. Остановились — ждут, когда подойдет.

Подошла.

— Жаль, мальчики, что вас пятеро, если бы двое-трое, так я бы и добровольно согласилась.

— Гы, — ответили мальчики.

Звериным чутьем понимает она, что сказать надо еще что-то такое, на что они бы не лапы к ней потянули, а промычали бы: «Гы». Сказала она им такое, и ответили они дружно.

А гирька свинцовая от часов-ходиков на сыромятном ремешке уж не в сумочке, а в ладони зажата, а ремешок на кисть руки петелькой накинута. Заговорила она, а сама ладонь разжала. Скользнула гирька к ногам, на ремешке у самой земли покачивается, и не замечена никем.

— Решили, кто первым будет? Ты что ли, Аспид?

— Гы, — ответил Аспид.

Рванулась она к нему тигрицей уссурийской. Правое плечо и рука далеко позади. Падая вперед, рубанула словно топором. Руку ее чуть из плеча не вынесло. Свистнуло

над нею: не то сабля, не то молния черная. Обожгло Аспида по щеке, по шее, по спине. Вроде ятаганом турецким или проводом стальным раскаленным огненным хлестнуло его, пиджак с рубахой бритвой вспоров, а сзади вроде кто в тот же момент по позвонку с ребрами кувалдой врезал. Звякнуло-булькнуло внутри. Взопил Аспид, захлебнулся: в горле вроде горячий камчатский гейзер ударил. Дернула она ту штуку на себя, ухо правое Аспиду обрывая, и вроде бы всю его тушу на себя двинув. Подкосились Аспидовы ноги, грохнулся он мордой вперед, закрутило его, заломало, машет ногами, зубами пыль дорожную куснуть норовит.

Махнула она своей не то саблею, не то черт его знает чем, а лиц-то перед нею и нет. Шарахнулись преследователи в разные стороны, словно гуси-лебеди от лисы прыгнувшей, крылами округу всполошив. Только спины в темноте. Тут она и врубилась по чьей-то. Хрястнуло-треснуло в той спине. И непонятное свершилось: врезала по спине, а отдалось в ногах. Подломились оба колена разом, и тело без воплей и криков в дорогу врезалась, вроде паровоз с рельс слетел.

Отскочила она в сторону, повалилась на дорогу, замерла. Вылетают из-за угла двое.

— Аспид! Аспид! Твою мать! Где она?

Прижалась она к земле. Лежит в колее глубокой, не шелохнется. Голову косынкой накрыла. Не зря во все черное наряжалась. С понятием. Пойди заметь. Жаль, перчаток на руках нет. Ничего, руки под себя спрятать... Жаль, в кусты не прыгнула. Затаилась прямо на дороге.

— Васька, свети по кустам!

Полоснул Васька-мусор лучом по кустам, полез медведем ветки ломать: да где ж она, мать ее!

Лежит она прямо посреди дороги немощеной. Влипла в пыль, втиснулась в колею. Вот сейчас фонарик полоснет

по лицу, и взовьется она коброй иранской. Тут уж бить надо насмерть. Не через плечо. А прямо по голове. Гирькой свинцовой. На ремешке сыромятном.

— Ящер! Нет никого!

— Невидимая?

— Как сквозь землю.

— Аспида поднимай!

— Аспид, чем она тебя?

— Блю-блю,— Аспид горлом клокочет.

— Где эти шестерки подлые? Разбежались? Впятером с одной ссыкухой справиться не могли? Ну я ее завтра поймаю. Ноги-то выдеру.

Лежит она в пыли, совсем рядом Аспид горлом булькает. Второй, которого она прижарила, отходить начал, стонет-всхлипывает. Васька-мусор все кусты вокруг обшарил, матерится.

— Васька, шестерок собирай!

— Пошли, Ящер, вдвоем. Она, ведьма, из темноты сейчас выскочит-выпрыгнет, саблей изрубит.

— Схлюздил, мусор? Дрогнула душа фраерская?

— Да нет, Ящер, я чтоб с тобой рядом...

Свистнул Ящер посвистом соловьиным, аж в ушах заломило. Отозвался из темноты пересвист.

— Пошли, хлюздопер! Как до лягавки своей добредешь, красный крест вызывай, а то Аспид кочернуться может, а Мясистый вон землю жрет. Чем же она их так изукрасила?

Пошли Ящер с Васькой-мусором обратной дорогой, из темноты ватага вокруг них собирается, растет тучей грозовой. Тут бы девочке нашей тенью неслышной к заборам прижаться, да кустами домой бы. Но нет. Закрыла все лицо косынкой темной, гирьку на ремешке в кулаке зажала и неслышным привидением скользнула за Ящеровой шайкой.

Собралось шпаны табун целый. Туда повернули, сюда. Идет табун как орда Мамаева, крушит все на пути своем: скамейки через заборы мечет, урны чугунные в осколки дробит. В тихом городе черти водятся, и по ночам силы зла господствуют безраздельно. Один фонарь над Конотопом горел — и тот потушили, вместе со столбом из земли выдернув. А городочек привычен: попритих, окошечки ставнями позакрыв, свет вырубил, мертвым прикидывается. Ни звука, ни огонечка. Только стонет эхо разгульное в переулочках, только воет ветер по железным крышам, только лязгают псы цепные зубищами за заборами неперелазными, только бухает дверь в брошенном доме, где вчера семью вырезали, где некому дверь ту прикрыть.

Прет табун шпаны путем неисповедимым. Куда повернет? Влево? Вправо? Повернули веселые ребята влево. Повернули вправо. Ларек табачный ковырнули, пошел над табуном дым клубами. Встретился прохожий случайный, сбросились по кулачку, морду набили. Потом занесло весь рой снова в городской парк. В парке все как прежде, только свет уж давно вырублен и на центральной аллее, и на танцплощадке. Понесло орду по темным дорожкам, в один конец, в другой, пока не угнездились все на детской площадке. Ваську-мусора на стремя поставили, хотя бояться тут некого. Появилась откуда-то жидкость бодрящая. Пошли бутылки по кругу. Ящер совет держит.

— Так чем она Аспида приголубила?

— Саблей!

— Брось, падла, врать! Откуда у нее сабля?

— Нет, то не сабля, то был американский электрический мордобойник. На кнопочку нажал и... Мой брат в загранке был, там, говорит, у каждого свой персональный мордобойник есть!

— Брось трепать, сопливый. Лучше расскажи, кто она такая, откуда появляется.

— Этого, Ящер, не знаю.

— Я знаю.

— Говори, Жабец.

— Соседка моя. К деду Макару в гости приканала.

— Ну что, олени, спалим дом?

— Брось, Ящер. С дедом Макаром лучше не связываться. Гадом буду, у него пулемет в доме есть. У него половина Конотопа в друзьях, а другую половину перестреляет.

— Так мы ж его в доме сожжем вместе с его ссыкухой.

— Нет, Ящер, дед Макар не горит. Он из огня как змей выползет, тебя найдет и ноги выдернет.

— Как он меня найдет?

— Без проблем. Поймает любого хлюздопера, пометелит, тот и расколется до самой дупы.

— Дело говоришь, Муравьятник. Хлюздоперов у нас развелось как крыс на зоне. Сегодня эта ссыкуха чем-то молотила Аспида и Мясистого, а с ними еще трое было. Им бы усечь, чем она машет, так нет же — разбежались. Давай их всех сюда, потолкуем.

Лежит она в траве так близко от Ящера, что слышно, как он зубами скрипит.

— Ну что, огольцы, делать с хлюздоперами будем?

— Бутылки на головах бить!

— Соберем все скамейки парка, перевернем вверх ножками и будем этих красавцев раскачивать да на скамейки бросать!

— Свяжем, положим на землю и с детской горки на них прыгать будем, пока каблуками ребра не переломаем!

Были у обвинителей предложения и более радикальные: схлюздили — пусть ответ держат.

Тут надо отметить, что в любой группе есть люди преуспевающие, уважаемые, и есть — не очень успевающие,

не очень уважаемые. Вот те, которые не очень, — те всегда самые злые, самые ревностные блюстители законов и правил. Это точно как в Союзе советских писателей. Есть писатели маститые, талантливые, уважаемые. А есть шпана писательская, шушера, ничего кроме доносов сочинять не способная. Так вот эта писательская шпана и есть самая жестокая, самая кровавая часть писательского сословия. Отъявленные бездарности являются самыми рьяными борцами за чистоту нравов. Союз писателей СССР, как известно, был организован на манер банды, и царила там все та же уголовная этика, потому сцена в конотопском парке живо походила на разбор персональных дел на пленуме правления Совписа. Только оргвыводы строже.

Вынесли решение. Выполнили его. Долго смеялись. Допили что было. Понемногу табун распадается стал. Решено было дома деда Макара не жечь, а поймать завтра на танцах ссыкуху шестнадцатилетнюю и наказать по всей строгости конотопских нравов.

Откололась от кодлы кодлочка и пошла с песнями в одну сторону. Откололась другая кодлочка, пошла в другую сторону. Тает орда, расплывается, разбредается. Вот и один совсем Ящер остался.

Но это только так ему чудится.

ГЛАВА 3

1

Не дай бог свинье рогов, а холопу барства.

Генриху Григорьевичу Ягоде дал бог и барства, и рогов. Не в том смысле, что жена ему ветвистые наставила. Про то я не осведомлен. Может, и было что, но мне не докладывали. Я про другой рог. Был Неистовый Генрих когда-то тихой мелкой зверюшкой. Вроде хорька. В аптеке дальнего родственника за конторкой стоял, принимал рецепты, микстуры по стеклянным баночкам разливал, ярлычки клеил. А стал зверем многотонным, шкура непрогрызаемая, как броня на крейсере, а оружие его — тяжелый рог НКВД, которым брюхо можно пороть кому вздумаешь: хоть льву хвостатому, хоть крокодилу пресноводному. Стоит такая животина по колено в болоте, жует лопухи африканские, лениво по сторонам поглядывает, от мух жмурится, хвостиком помахивает, потом как взбесится — и понесся. Вот тут уж берегись! Лети с дороги птица! Зверь с дороги уходи! Зашибет!

Генрих Григорьевич Ягода — Карающий Меч Революции.

Ох, много он врагов извел. Счет на миллионы. Одних только мужиков во время коллективизации в тайгу да в

голые степи двадцать миллионов вывез. Чтоб все там на морозе передохли! А 27 мая прошлого, 1935 года подписал Железный Генрих приказ НКВД № 00192. Два ноля, с которых начинается номер, означают, что документ имеет гриф «Совершенно секретно». У документов с грифом «Секретно» впереди один только нолик. Приказ от 27 мая требовал образовать «тройки» во всех районах, областях, республиках. В составе «тройки» самого низшего уровня — районный партийный секретарь, прокурор и начальник райотдела НКВД. Тот же состав и на всех остальных этажах власти в областях и республиках, только там начальники рангом выше.

Наши родные пролетарские суды так и продолжают вершить свое правое дело. А кроме того, помимо судов, врагов в лагеря направляют «тройки». Им в соответствии с приказом № 00192 предоставлено право сажать сроком до пяти лет. Им не нужно никакого суда, никаких адвокатов, им незачем вызывать подсудимого, вопросы задавать, ответы выслушивать, что-то выяснять. Все стало проще: собрались три начальника, выпили, закусили, список подписали — и гудят паровозы, и везут в телячьих вагонах провинившихся в тайгу да на крайний север. Вот и вкалывай, родной, на лесоповале или на никелевых рудниках.

Пять лет, правда, маловато. А с другой стороны, ведь не каждый способен оттянуть пять лет на золотых приисках Дальстроя. Кроме того, кто мешает потом еще пятерочку накинуть, и еще?

Долго Железный Генрих на верхах идею «троек» пробивал. Пробыл, понимая, что задавать тон во всех сотнях и тысячах «троек» будут люди из НКВД — его люди!

Так ведь это только начало — давать пять лет лагерей без суда и следствия, давать, не глядя на подсудимого, не разговаривая с ним, давать не персонально, не человеку, на тебя смотрящему, глазами моргающему, а бездушному

списку любого размера. Дальше и десять лет пробьем, и двадцать пять, да и высшую меру тоже. Добьется Генрих того, что любая районная тройка будет сама подписывать расстрельные списки. Не всё сразу. Дай срок.

Ласков с друзьями Железный Генрих, страшен врагам. Тот, кто ближе к лику его, тот обильно величием и лаврами наделен. На том отраженным светом слава Генриха играет-переливается. Холуйство великое вокруг себя Генрих учинил. Скажи кому: да вы-то знаете, кто я такой? Да я советник помощника заместителя! Да над нами сам Генрих Григорьевич!

Тут уж — шапки долой! И вопросик ласково-восхищенный: и *самого* встречали? И ответ небрежно-снисходительный: случилось.

Несется, бывало, Генрих по Москве в открытом «Линкольне», мотоциклетки стасей вокруг, словно рыбки-лоцманы возле акульего брюха. Несется Генрих по Москве — постовые в свисточки свистят, полосатыми палками велют всему московскому люду на месте застыть-замереть да смирно ждать пока под переливистый вой сирен с гиком и посвистом не пронесется мимо стальная кавалькада. Гайдуки на мотоциклетах, того и гляди, с хлыстами ездить начнут, щелкать ими словно укротители, да черни орать: пади!

А сирены тогда вовсе не такие были, как сейчас. Сейчас-то наука вон каких высот достигла! Звуковой сигнал спецмашины теперь нежный, слух ласкающий. Плывет большой начальник по Москве, шинами шурша, синими огнями сверкая, малиновым звучанием слух граждан улаждая. Любо-дорого посмотреть да послушать. Но во времена, о коих речь, сирены были рычаще-квакающими, ухорвущими.

Сам Генрих Григорьевич — на заднем сидение утопает. Всегда один. Всегда задумчив. На нем мундир пепельный

тончайшей шерсти шотландской, в синих петлицах — звезды первой величины. На челе — дума великая.

Донесли про нововведения Народного комиссара внутренних дел Украины комиссара Государственной безопасности первого ранга товарища Балицкого Всеволода Аполлоныча. Приехал означенный Всеволод на Днепро-ГЭС непорядок высматривать. Полюбовался турбинами, из Америки доставленными, довольным остался. Трансформаторы поют-гудят — тоже вроде вредительством не пахнет. Потом узрел толстенный американский кабель и вовсе в восторг пришел. Приказал отрезать полметра. Повертел в руках: ни дать, ни взять — колбасина резиновая. А внутри медный жгут. Хрястнул той колбасиной по ящику деревянному с вражеской надписью «Made in USA», полетели клочки по закоулочкам. Совсем хорошо стало товарищу Балицкому. Тут же повелел огромную катушку размотать, на куски порезать, а из Америки новых катушек выписать. Теми орудиями меднорезиновыми и вооружил товарищ Балицкий милицию Украины.

Так что, споткнувшись в повествовании о резиновые палки, коими мусора в конотопском парке помахивали, не упрекайте меня в незнании предмета, не уличайте в невежестве и преувеличениях. Ничего я не выдумал, ничего не напутал. Рассказываю точно так, как было, ничего от себя не добавляя, ничего не выдумывая. Сомнения в точности и правдивости описания могли возникнуть просто потому, что у моего народа память короткая. Мой народ помнит, что резиновыми успокоителями милицию вооружил товарищ Хрущёв в июле 1962 года. А ведь хрущёвские палки — это всего лишь второе пришествие. А первопроходцем был товарищ Балицкий, на десятилетия почин Никиты опередивший.

Палки те потом отменили, но только после того, как выяснилось, что продажный мерзавец Балицкий — враг

народа и британский шпион. Но это случится в следующем 1937 году. А у нас речь о 1936-м годе, когда кабель Днепро-ГЭСа в воспитательных целях использовался очень даже широко. В те времена в великом и могучем языке даже глагол особый появился — «дрыновать», то есть охаживать дрыном массы народные.

Летят мимо товарища Ягоды кварталы московские, дума покоя не дает: не распространить ли великий почин Балицкого на всю страну великую, от края и до края? Неплохо бы, да только не повернули бы злопыхатели и завистники блистательную идею против самого Генриха. Не знаешь ведь, как слово твое отзовется. Не ведаешь, каким боком тайные недруги наизнанку вывернут, каким манером великую идею извратят, испоганят, против тебя же выставят. Много у Железного Генриха скрытых недоброжелателей. Вот звонил вчера Колька Ежов, мелкий такой человечешка, секретаришка из Центрального Комитета, требовал протоколы допросов и очных ставок Зиновьева, Каменева, Смирнова и всяких прочих. Ишь, вздумал! В дела НКВД нос совать! Железный Генрих секретарю своему Буланову Павлу Петровичу, махнув рукой, решил нехотя: дай уж что-нибудь этому заморышу, пусть отстанет. Чем бы дитя ни тешилось... Эх, подшутить бы над этим заморышем Колькой Ежовым! Вот вчера в кремлевском коридоре встретил Железный Генрих своего давнего противника товарища Томского Михаила Павловича, бывшего члена Политбюро, бывшего полновластного повелителя и хозяина всего Туркестана, да и пошутил:

— А вас, Михал Палыч, еще не арестовали? Странно. А мои ребята по вам работают.

Сегодня утром доложили: застрелился товарищ Томский.

Есть порода людей, которые шуток совсем не понимают.

В 1922 году на самом верху семеро их было: Ленин, Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Пятаков.

К тому времени уже пророс и расцвел буйным цветом культ личности товарища Ленина. Но сам он, официально обожаемый и обожествляемый, был изолирован от всего мира и отстранен от власти. Это чтобы его драгоценное здоровье побережь. Товарищ Сталин так повернул дело, что Центральный Комитет обязал именно его покой дорогого Владимира Ильича блюсти.

И товарищ Сталин, повинувшись решению партии, блюл. Или блюдил. Уж не знаю, как тут выразиться.

Ради сохранения бесценного здоровья товарища Ленина сталинские врачи запретили дорогому Ильичу любые встречи, кроме встреч со Сталиным. Ленину не давали ни книг, ни газет. Чтобы не волновался лишний раз, вникая в наши победы и свершения. Писать Ленин уже не мог. Правая рука и правая нога парализованы. Отчего парализованы, говорить тогда было не принято. А зря — молодому поколению была бы наука: с дорогого Ильича пример не берите, иначе не только руки-ноги паралич расшибет, но и нос провалится.

Товарищ Сталин, будь его воля, вообще все контакты Ленина с внешним миром перерезал бы. Но все перекрыть не вышло. Не было тогда еще у товарища Сталина силы такой. Ленину разрешали диктовать пять, от силы десять минут в день.

И он продиктовал «Письмо к съезду».

Ленина товарищ Сталин обложил как медведя в берлоге. Но не досмотрел самую малость. Не доглядел. Упустил.

И содержание письма стало известно руководящим товарищам по верхам партии. В этом письме Ленин дал характеристики вождям.

Сталин, по мнению товарища Ленина, сосредоточил в своих руках необъятную власть. Товарищ Ленин был во все не уверен, сумеет ли товарищ Сталин всегда достаточно осторожно пользоваться той властью.

Троцкий, по ленинской оценке, отличается выдающимися способностями, но увлекается чисто административной стороной дела, то есть бездушный он бюрократ. А еще товарищ Троцкий боролся против Центрального Комитета Коммунистической партии. Это Ленин ему и припомнил. И тут же в письме еще одно, совсем уж убойное сочетание слов: небольшевизм Троцкого. Проще говоря — ужасно способный товарищ, но не наш. В нашей партии — чужой. А кто не с нами, тот... Да еще и против ЦК боролся.

При желании ленинскую оценку Троцкого одним словом можно выразить: враг! Враг с выдающимися способностями. И это не единственная оценка товарищем Лениным своего соратника. Ленин Троцкого публично обзывал Иудушкой.

Товарищи Зиновьев и Каменев в октябре 1917 года, когда было принято решение о захвате власти, трусили и решили переворот сорвать, дабы не попасть под карающую руку полевого трибунала. Но как сорвать государственный переворот? Очень даже просто: планы захвата власти они опубликовали в газете. Будь тогда во главе России люди с головой да крепкими нервами, узнав о планах восстания, поразвешивали бы на фонарях всех большевичков. Но во главе России стояли выдающиеся импотенты. Только потому переворот и удался. Зиновьев и Каменев тут же примазались к победителям и заделались вождями. Но через пять лет после переворота Ленин, давая характеристики своим соратникам, прошлое вспомнил и высказал, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева вовсе не был случайностью. Если проще — измена и трусость у них в крови. От них и дальше кроме паники и предательства ждать нечего.

Бухарин — по ленинской оценке — не только ценнейший и крупнейший теоретик коммунизма, но еще и любимец всей партии. Однако его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским. К этому Ленин добавил: он никогда не учился и никогда не понимал вполне диалектики.

Лучше не скажешь: ценнейший и крупнейший теоретик марксистской партии — большой путаник. И сочиняет он то, что с большим сомнением может быть отнесено к этому самому марксизму. А что же сочиняют другие теоретики рангом пониже? Кроме того, любимец партии никогда не учился...

А Пятаков — человек выдающейся воли и выдающихся способностей. Даром, что на него нельзя положиться в серьезном политическом вопросе.

Были в Политбюро Центрального Комитета в тот момент еще товарищи Рыков и Томский. Но Ленин их вспоминать не стал. Всем все ясно было и без ленинских комментариев.

Из письма Ленина следовало, что только у Сталина нет политических пороков и недостатков. Ленин лишь нутром чувствует, что товарищ Сталин в грядущем не всегда с достаточной осторожностью будет пользоваться своей необъятной властью.

Сталина никто тогда вождем не считал, но Ленин почему-то именно его поставил на первое место. И именно о нем сказал: Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть. По ленинской оценке, Сталин — единственный из всех, кого нельзя назвать врагом, трусом, предателем, путаником, паникером. И в серьезном политическом вопросе на него положиться можно. Один ему упрек: уж очень силичи у него много. И опасение: не наломал бы дров.

В письме содержалась единственная рекомендация соратникам по партии: Сталина снять с поста Генерального

секретаря Центрального Комитета! Врагов, предателей, трусов, паникеров, путаников и тех, на кого в серьезном политическом деле положиться нельзя, оставить. А Сталина снять!

Ясное дело, после того письма товарищ Ленин больше ничего существенного и важного не диктовал. Может быть, и диктовал, но до соратников не дошло.

И, написав такое письмо, долго товарищ Ленин прожить никак не мог. И не прожил. Понял товарищ Сталин: как Ленина ни прячь, он все письма сочинять норовит. Мало ли что в его голову еще ударить может. Потому изоляцию ему товарищ Сталин обеспечил полную: Ленин умолк навеки, а чучело ленинское опилками набили и выставили на всеобщее обозрение в каменной пирамиде на Красной площади, словно дохлого фараона.

После Ленина остались три вождя: Троцкий, Зиновьев и Каменев.

Товарищ Сталин в вожди не лез, лозунги с трибун не кричал, гениальными сочинениями не обогащал золотой фонд марксизма. Товарищ Сталин черновой работой занимался, той, до которой у вождей руки не доходили. Товарищ Сталин взял под твердый большевистский контроль Учраспред ЦК — учет и распределение кадров: Иванова — возвысить, Петрова — опустить. Ушкина с уезда поднять на губернию, а Хрюшкина — наоборот.

Каждый районный руководитель — это номенклатура ЦК. То есть его судьбу только Центральный Комитет волен решать. Точнее, один из отделов Центрального Комитета — Учраспред. И каждый командир дивизии — номенклатура ЦК. И каждый директор крупного завода. И любой чекист достаточно крупного ранга — в номенклатуре. На верхах товарищ Троцкий речи кричит, товарищ Зиновьев варианты плана Мировой революции взвешивает, любимец партии товарищ Бухарин, который нигде не учился, трактаты

сочиняет, а по низам партии, по уездам и губерниям, уже сообразили, кто в доме хозяин, от кого судьба каждого зависит.

Тем временем товарищ Сталин рутинной работой занят. Он — организатор всех партийных конференций и съездов, потому он — и организатор всех выборов. И подсчет голосов — на его сталинской совести. Потому товарищ Сталин всегда знает, кто за него стоит, кто против, а кто еще сомневается. Товарищ Сталин знает, кто за Троцкого, а кто против, кто за Зиновьева и за Троцкого, а кто только за Зиновьева, но против Троцкого. Это полезно знать, чтобы врагов своих лбами сшибать.

А еще у товарища Сталина в руках — партийный контроль. Кто-то где-то подворовывает, кто-то по женской части слаб, а кто-то по ликероводочной. Кто-то план провалил, а кто-то документ секретный потерял. Всех их, нерадивых, на суровый суд партии! И товарищу Сталину в конечном итоге решать, кого карать, кого миловать. Хорошего человека можно и простить. А плохого — по всей строгости! Так идет выдвижение хороших, вытеснение, вытаптывание, вытряхивание плохих. Сорную траву с поля долой!

Но можно простить и плохого, предупредив: смотри, не той линии держаться будешь — припомним.

Тем временем товарищ Сталин сколотил «тройку» — Зиновьев, Каменев да он сам третьим. Общими усилиями Троцкого сбросили. После того товарищ Сталин с Бухариным союз заключил. Вместе с Бухариным Зиновьева с Каменевым от власти отодвинули. После того и до Бухарина очередь дошла.

И вот прошло 13 лет с момента написания Лениным «Письма к съезду». Изменилось все.

Теперь вождь в стране один — товарищ Сталин.

Троцкий врагом народа оказался. Недаром великий Ленин предупреждал: не наш он! Троцкий изгнан из пар-

тии и из страны. Он опозорен и проклят. Странно только, зачем товарищ Сталин его за рубеж выпустил?

Выяснилось, что бывшие вожди Зиновьев и Каменев — тоже враги народа, убийцы, террористы, заговорщики. Над ними суд идет. И мало кто сомневается в том, что наш самый справедливый в мире суд выпишет им и их поделщикам что-нибудь меньшее, чем высшую меру уголовного наказания.

Бывший вождь Бухарин снят со всех постов. Он кается и плачет. Он призывает партию сплотиться вокруг товарища Сталина. Он провозглашает на весь мир, что будет страшно рад, если расстреляют Зиновьева и Каменева. Их Бухарин обзывает собаками, омерзительнейшими из людей, падалью человеческой.

Бывший вождь Пятаков, человек выдающейся воли и выдающихся способностей, был когда-то главой правительства Украины. Теперь он понижен до первого заместителя наркома тяжелой промышленности. За ним — грех. Он когда-то давно выступал в поддержку Троцкого против Сталина. Он понимает, что товарищ Сталин ему это когда-то припомнит. Потому Пятаков старается. Он публично требует смерти Зиновьеву и Каменеву. Тем временем арестовали жену Пятакова. И Пятаков попросил Центральный Комитет дать ему возможность лично расстреливать любых врагов народа: от Зиновьева и Каменева до собственной жены включительно.

Человек выдающейся воли и выдающихся способностей не понял, что врагов стрелять есть кому и без него. Ему это доходчиво объяснили.

Но он все же нашел выход! Есть государственный обвинитель товарищ Вышинский. На процессе Зиновьева, Каменева, Смирнова и им подобных он обвиняет от лица государства, но почему бы не выступить еще от лица общества, от лица широких народных масс! Почему бы не рассказать

стране и миру, о том, как зиновьевы-каменевы-смирновы-мрачковские шпионили и вредили, как убили товарища Кирова, как организовали покушение на самого любимого человека, на великого товарища Сталина, как готовили свержение власти рабочих и крестьян? Почему бы не разоблачить и всех остальных заговорщиков, сидящих на черной скамье рядом с Зиновьевым, Каменевым, Смирновым?

Написал Пятаков письмо товарищу Сталину и получил ответ: молодец, правильно, давай!

Вот она — возможность отличиться! Вот он, шанс заглаживать ошибки прошлого.

Сочинил товарищ Пятаков речь обличительную, товарищу Сталину отправил. Очень та речь товарищу Сталину понравилась. И приказал товарищ Сталин ознакомить с содержанием обвинительной речи подсудимых Зиновьева, Каменева и Смирнова. А вот им та речь очень даже не понравилась. И сказали они дружно: ах ты гад! Нас топить вздумал? Не выйдет! Вместе с нами, падла, утонешь.

И все троем объявили, что сам Пятаков — враг, изменник, предатель, заговорщик, троцкист, отравитель колдунов и поджигатель посевов, шпион германский, японский, польский и румынский.

Пятаков этого пока не знал. Получив благодарность от товарища Сталина за позицию непримиримую, за пламенные обличения врагов, отбыл товарищ Пятаков в Ялту, в санаторий Совета Народных Комиссаров, здоровье восстанавливать.

3

Работа подручному исполнителя непыльная. Первым делом надо клиента из камеры выдернуть и к месту проверки доставить. А это — 55 пар шагов по коридору и 13 ступеней

вниз. Чтобы клиент не трепыхался, надо его не толпой целой гнать, а вести с одним только надзиралой, вроде и не на казнь вовсе, а на какое-то дополнительное выяснение.

Камеры смертников в Лефортове на два засова запираются, на два замка. Один ключ у начальника тюрьмы, другой — у корпусного. Так что даже если начальнику Лефортовской тюрьмы вздумается смертника выпустить, то ему самому это сделать не удастся. Согласие второго лица требуется.

Ключ начальник никому не доверяет, чтоб копию не сняли. И корпусной тоже никому не доверяет, даже своему начальнику. Какое тут доверие: слиняет приговоренный, на его место сядешь, вместо него в подвал с опилками тебя сволокут.

Каждого приговоренного и начальник тюрьмы, и корпусной сдают спецкоманде под расписку. Расписался Змеед в двух журналах. Начальник с корпусным каждый своим ключом отпирают замки и уходят. Дальше — не их дело. Спецкоманда в Лефортове работает, но начальнику тюрьмы не подчинена. У спецкоманды — прямое подчинение комендантскому отделу НКВД.

Змеед с надзиралой тяжеленную дверь распахивают, за ней — решетка с замком. Это для того придумано, чтобы арестант не бросился на того, кто первым входит.

Как только замки громыхнули, арестанту положено без команд лицом к стене развернуться, руки за голову, ладошками наружу. Это чтобы гвоздем или бритвой не полоснул. Ему-то терять нечего.

Не у каждого поначалу выходит ладошки на затылке наружу выворачивать. Но в Лефортове хорошие учителя. Вмиг научат: ладонями уши накрой. Теперь разверни ладони назад. Просто? Просто. И палкой резиновой, товарищем Балицким в НКВД внедренной, — по печени! Чтoб лучше запомнилось.

Впрочем, таить арестанту в руках нечего. Камера пустая совсем. Вдоль стены — широкая деревянная скамейка на бетонных опорах. Это тебе и диван, и кресло, и кровать. Матрас, подушка, одеяло — в полном отсутствии. Чтoб клопов не разводить. Стены досками обшиты. Древесина какая-то не из твердых. Это для того, чтобы руки на себя не наложил. А то хитренькие находились — сами головы об стены или об пол разбивали. Тут этот маневр не проходит. С одного раза никак не разобьешься до смерти. Второй попытки не дадут — рубаху накинут смирительную. А рубаха кожаная. Руки-ноги повяжут — не трепыхнешься. Еще и пару ведер воды на тебя выплеснут. Пока кожа мокрая — хорошо. А как начнет сохнуть, так волком вой — корежит всего.

Каждый, кто в такую камеру попадает, предупрежден, что лучше головой об стену не биться, хуже будет.

Ключ от внутренней решетки — у надзиралы. Если даже начальник с корпусным сговорятся арестанта выпустить, то и это не выгорит. Потому как к третьему ключу у них доступа нет.

— Заключение Смирнов, подойди!

Подошел.

— Повернись! Руки давай!

Развернулся спиной, просунул обе кисти меж прутьев. Застегнул Змеед блестящие браслеты американские. Расписался еще раз. Только после того надзирала шелкнул замком, решеткой скрипнул: выходи.

Молчит заключенный Смирнов. Змеед с надзиралой тоже молчат. Только Змеед Смирнова легонько пихнул, мол, иди. Пошел. Прошли коридором, по ступенькам спустились. Толкнул Змеед дверь в кабинет, кивнул надзирателю: все, свободен, дальше мы сами.

В кабинете две двери. В одну вводят, через вторую выводят, вернее — выволакивают. В кирпичной стене окно в два роста. Весь кабинет светом солнечным затоплен. Заключение

ный Смирнов аж зажмурился и скорчился от яркости такой. Отвык. Меж двух рам в мощные стены решетка навечно вписана. Но она вида не портит. На окошке занавесочка с узорами блеклыми. На подоконнике цветочек гераневый. Посреди кабинета несокрушимым бастионом канцелярский стол. За столом в кресле — начальник комендантской спецкоманды товарищ Крайний. В углу — сейф. Над товарищем Крайним огромный портрет Народного комиссара внутренних дел Генерального комиссара Государственной безопасности товарища Ягоды Генриха Григорьевича. Перед товарищем Крайним — личное дело Смирнова. По правую руку — пачка «Казбека» и спички. По левую руку — кулек. Товарищ Крайний пряник печатный грызет.

Растегнул Змеед наручники, толкнул Смирнова к табуретке к полу привинченной: садись.

Сам Змеед позади встал. У стеночки. Рядом с ним еще двое подручных — Рындин и Реут.

Отложил товарищ Крайний пряник недоеденный, прожевал задумчиво, дело раскрыл:

— ФИО...

— Смирнов Иван Никитич.

Побледнел Змеед, к стене прижался: а ведь сейчас, вот прямо через пару минут этого человека убьют.

— Год рождения?

— Восемьдесят первый. Рязанская губерния.

Саня Реут друзьям подмигивает, на Змееда кивает: сейчас бедняжка в обморок завалится, белый, как лебедь.

— Последняя должность?

— Народный комиссар связи СССР.

Коля Рындин тоже на Змееда поглядывает: слабоват товарищ, не на ту работу попал, не по Сеньке шапка, не по Хулио сомбреро...

— Кем был до того?

Расправил Смирнов плечи, гордо словом швырнул:

— Я, Иван Смирнов, был председателем Сибирского революционного комитета!

Прославлен товарищ Смирнов на всю Сибирь кроважностью звериной. Его вся страна знала как Сибирского Троцкого. Смирновские расстрелы Сибирь веками не забудет. На Енисее Смирнов плоты с повешенными по течению пускал, словно кораблики. Сёла жечь любил зимой, чтобы тот, кто не сгорел, окошел бы на морозе.

— После Сибири?

— После Сибири послан партией в Петроград. Был секретарем Петроградского комитета и Северо-Западного бюро ЦК.

— У Зиновьева?

— У Зиновьева.

Чистил товарищ Смирнов Питер не хуже Сибири. По приказу Зиновьева избавлял город от эксплуататорского элемента. Заодно квартиры царских генералов и министров освобождал под новых правителей. Удар смирновский — по бывшим буржуям, но попутно досталось и всем остальным, от кронштадтских матросиков до бывших офицериков, от инженеров до уличных босяков. С детской беспризорностью, со спекуляцией, с эпидемией сифилиса Смирнов своими излюбленными способами боролся — все теми же массовыми расстрелами.

И вот он теперь на табуретке сидит затылком к Змеееду. Знаком Змееед с товарищем Смирновым почти лично. Села сибирские огромные. Запалишь с одного конца, так чтоб по ветру, — долго гореть будет, если не тушить. Село Ферлюево, где вольные люди Ширмановы со времен царя Алексея Михайловича проживали, Смирнов сжег походя. В селе Ферлюево заложников Смирнов почему-то брать не стал, никого и не расстреливал. Только ребята его пулеметным огнем валили тех, кто тушить пожар пытался. Всех Ширмановых и положили. Один только малолетний

и остался. Подался он к лесным людям, вместе с ними чекистов, комиссаров, продотрядовцев ловил, брюхи порол и зерном набивал: обожритесь, гады, сибирским хлебушком! Там его Змеедом и прозвали. За особую злость. Погиб отряд в неравном бою, а Змеед вывернулся, волчьими тропами ушел. В Питер к беспризорным подался. А там снова Смирнов! Чуть Змеед под облаву расстрельную не попал.

Ох, знал бы товарищ Смирнов, кто у него за спиной зубами скрипит!

Совсем Змееду плохо. Томит, как перед потерей сознания. Рукам места не находит, то ворот расстегнет, то сам себе рот ладонью зажмет... Нашупал рукой на поясе кожаную сумочку с чем-то твердым, сообразил, что это головолломка французская, почему-то легче стало...

Допрос между тем своим чередом течет.

— Судимости?

— Первый приговор в двадцать седьмом. Три года ссылки за троцкизм. С троцкизмом порвал и публично осудил. Второй приговор в тридцать третьем году. За оппозицию зиновьевскую. Пять лет СЛОНа — Соловецких лагерей особого назначения. Срок не успел дотянуть — еще один процесс. Вместе с Зиновьевым и Каменевым — высшая мера уголовного наказания...

— Ну, это еще как сказать. Власть у нас народная, гуманная... Помилование просил у рабочих и крестьян?

— Просил...

Видит Змеед: аж затылок Смирнова напрягся.

Товарищ Крайний успокоил:

— Ответа пока нет... А ты не куришь?

— Не курю.

— Ну так пряником угощайся.

Даже не поверил Смирнов. Сколько лет пряников не грыз.

— Ну, бери!

Встал Смирнов, руку протянул, над столом согнулся. Это самая удобная поза для нападающих сзади. Стол-то широкий. Чтобы до кулька дотянуться, нужно пополам перегнуться, наклониться всем телом. Равновесие нарушено почти полностью. Это самое неустойчивое положение тела. Бери голыми руками. Курящим — «Казбек», некурящим — пряники. А подручным сигнал: только рука вперед протянется, бросайтесь разом, ласты за спину, да проволокой вяжите.

Не дотянулась смирновская рука до пряника. Змеед рысью уральской на спину прыгнул, рубанул кастетом по пальцам, и тут же, тем же кастетом — по ребрам. Левой рванул за плечо, разворачивая к себе ненавистную рожу, и вмазал между глаз в переносье. Рухнул Смирнов. Змеед табуретку за ножку — голову размозжить. Не поддалась табуретка — к полу крепко приварена.

Подручным вязать Смирнова надо, но нечего тут вязать. Лежит он мешком с картошкой в луже крови. Подручные на Змееда бросились, руки заломили: сдурел?

Сам товарищ Крайний из-за стола выскочил, кулек пряников зацепив, на пол просыпав.

Из расстрельной двери дежурный исполнитель товарищ Злыдень: что за шум? Злыдень облачением на пилота похож и вроде — на мясника. От пилота у него шлем кожаный, очки мотоциклетные, перчатки с раструбами до локтей. А от мясника — широкий длинный кожаный фартук.

Ругается товарищ Крайний. Как не ругаться — весь пол кровью заляпан. Для предсмертного мордобоя соседняя камера определена. А в кабинете зачем гадить?

Кончиком сапога коснулся командир расстрельной команды лица арестантского, развернул на свет. Не дышит. А жив ли, нет, — не понять.

Змееда подручные к стене прижали, угнув голову хватом смертельным. Командиру взглядом: что делать?

Махнул товарищ Крайний: да отпустите его. И Злыдню, пнув Смирнова сапогом:

— Вроде убит. Дострели для верности.

Подхватили подручные тело смирновское, потащили вниз по лестнице в подвал с опилками.

4

В большой чистой тюремной комнате с двумя высокими окнами собрана вся комендантская спецгруппа. Стоят, головы понутив.

Товарищ Крайний злостью брызжет.

— Товарищи, у нас в спецгруппе чрезвычайное происшествие. Наш новый товарищ, Змеед, нарушив инструкцию, бросился на приговоренного и нанес ему удары, которые привели к потере сознания или к смерти. Исполнение приговора пришлось проводить в условиях бессознательного состояния приговоренного или даже после его смерти. По инструкции мы обязаны в последний момент уже на лестнице исполнения задать вопрос, не желает ли приговоренный что-либо заявить. Змеед такой возможности нас лишил. За проявленную несдержанность, за нарушение инструкции объявляю Змееду строгий выговор. Перед руководством буду ставить вопрос об отчислении из спецгруппы. Всё. На сегодня свободны.

Вышел товарищ Крайний, дверью хлопнув.

Следом за ним дежурный исполнитель товарищ Злыдень рванул, дверь за собою плотно прикрыв:

— Ты что наделал?

— А что?

— Сообрази: осуждены Зиновьев, Каменев и их ближайшие подручные. Всего 16 врагов. Все они получили заслуженный и давно всем трудовым народом ожидаемый

высший приговор. Сегодня Зиновьева и Каменева шлепнут на Лубянке в присутствии товарища Ягоды. Но почему-то остальных разослали по разным расстрельным пунктам Москвы. Это для чего?

— Не знаю.

— На суде выяснилось, что Смирнов — посланник Троцкого в Советском Союзе. И он это признал. Его к нам привезли на исполнение. И тут же у нас в группе новый человек. Его сам Ягода к нам прислал. Для чего, спрашиваю?

— Не знаю.

— Для контроля! А кликуха ему — Змеед! Рассказал, что никого никогда не убивал, ты и поверил. Да ты на его рожу посмотри. На ухватки. Зря он с кастетом ходит? Зря он бледнел и дрожал? Да он дожидаться не мог, когда до убийства дорвется! Кабинет он тебе смирновской кровью заляпал, ты ему — строгача, еще и отчислением пригрозил. Ты во всем прав! Любой человек, которого приговорили к смерти, сообразив, что попал в расстрельный подвал, что это — конец жизни, может заявить что-то очень важное, то, что раньше утаивал. Потому в инструкцию внесено требование в последний момент спросить, не желает ли приговоренный что-либо сообщить. Змеед инструкцию нарушил. Ты его перед строем наказал совершенно правильно. Но! К нам же наверняка сексотов засылают, чтобы на каждого из нас материальчик иметь. Ты, командир, прав. Но ведь можно твой поступок вывернуть и так, что ты защищаешь центрального троцкиста от гнева народного.

— Понял,— отчеканил товарищ Крайний.

— Раз понял, действуй.

— Действую! Звони на проходную, чтобы никого из наших за ворота не выпустили. Еще никто далеко уйти не мог. Собирай срочно группу. И завхоза ко мне, пусть все, что надо, обеспечит...

Собрана группа в той же комнате. Построена в линейку.

Свиреп товарищ Крайний.

— Змеед!

— Я!

— Выйти из строя!

— Есть выйти из строя.

Отрубил Змеед три шага вперед, замер.

Молчит строй. И товарищ Крайний молчит. Вдоль строя не спеша расхаживает. Каждому в глаза жаждущим вампиром заглядывает. Потом вдруг остановился, круто развернулся.

— Мы тут всё про классовое чутье, про пролетарскую непримиримость болтаем. А вот Змеед сделал то, от чего я сам себя и вас всех с таким трудом удерживал. Надо б тебя, Змеед, покарать примерно за нарушение инструкции. Так я и делаю. Выговор с тебя не снят. Права я такого не имею — нарушения без наказания оставлять. Ты наказан. Но я на твоё нарушение светлым отцовским взглядом смотрю. Нарушай еще! Без наказания не останешься. Но вот тебе от меня лично.

Достал товарищ Крайний из жилетного кармана часы на золотой цепи, подает. Потом не сдержался, обнял.

— Нашему новому боевому товарищу Змееду за проявленную ненависть к врагам рабочего класса, за усердие в службе объявляю благодарность. Буду ходатайствовать перед вышестоящим руководством о денежной премии и бесплатной путевке на курорт. В нашей группе, товарищи, появился новый боец, в котором кипит и клокочет классовая злость. Пролетарское ожесточение некоторые из вас не оценили по достоинству. А ведь он просто не мог дожидаться момента, когда надо на врага бросаться. Троцкистско-зиновьевскую банду мы, товарищи, изведем. Побольше бы нам

таких кипучих и могучих, как наш новый сослуживец. Нашего полку прибыло. Прошу любить и жаловать побратима!

Распахнулась дверь в соседнюю комнату — на длинном столе бутылок целый эскадрон и скромная холостяцкая закуска: огурцы, помидоры, капуста квашеная, картошка жареная, колбаса вареная, розовое сало полосочками, селедка с луком, шпроты в масле, хлеб черный ломтями.

6

Вышел Змеед из лефортовских ворот. Куда путь держать? Этого он пока не решил. На подножку трамвайную прыгнул: куда вынесет. Ветер пыльного августа — в лицо. Звон встречного трамвая — в душу. Он никогда не ездил одним трамваем от одной остановки до другой. Он всегда прыгал на ходу, на ходу и соскакивал. И прыгал на другой. Он всегда путал след. Сам не зная зачем. Так служба приучила.

Спрыгнул с одного. Прыгнул на другой, на третий. И оказался где-то совсем рядом с Кремлём. Сел на лавочку. Призадумался. Потом решительно двинулся к Александровскому саду. Он знал: у Боровицких ворот в неприметном уголке, где почему-то нет охраны, висит простой почтовый ящик. На нем два только слова: ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ.

Сразу оговорюсь, что почтовых ящиков там не один, а сразу четыре. На одном надпись — «По Москве», на другом — «По стране», на третьем — «Зарубежные». А вот четвертый как раз для товарища Сталина. Так ящики расположены, чтобы любому нормальному человеку к ним подойти можно было, да чтоб никто посторонний увидеть не мог, в какой именно ящик письмо брошено. Народ московский тот уголок знает, письма в те ящики бросает. За всеми не уследишь.

Три дня Змеед носил конверт за пазухой. Теперь решил. Подошел. Поднял зеленую крышку, оглянулся и бросил свой серый конверт. Никто не видел? Явно никто. Теперь надо скорее уходить. Следы путая. Вскочил на извозчика: гони! Куда гнать? Вперед гнать! Сыпанул горсть серебра, соскочил — и переулками! И на подножку трамвайную!

Уж потом, отдышавшись, сообразил Змеед, что неспроста почтовый ящик в неприметном месте. Это для дураков, для тех, кто думает, что тут нет наблюдения. А оно есть. Без него, да еще в таком месте, не обойтись. Ясно, как заря апрельская, что следят за каждым, кто в этот ящик письмо бросил. Понимает Змеед, что и за ним вертлявые увязались. Да только не на того напали. Уходит от них Змеед одному ему известными, давно подобранными и проверенными маршрутами отрыва. Никого за ним нет. В этом уверен.

Если письма Сталину адресованы, тогда люди Сталина могут следить за теми, кто анонимки бросает. Такой слежки Змееду бояться нечего. Он написал письмо Сталину, назвав себя, свой адрес оставив. Но у Сталина много врагов. Тот же Ягода, например. Враги тоже следить могут за этим местом, выявлять тех, кто Сталину сигналы шлет. Вот они-то и опасны. Вот от них-то и надо уходить, путая след.

7

Тихо в казарме на ВПП. Кто-то после ночного дежурства похрапывает. Кто-то, наоборот, перед дежурством. Но большинство коек пусты — на работе народ.

В углу только Сверчок очкастый. Увидал Змееда и с книжкой — к нему. Вроде показать что-то интересное решил. Рядом сел. И тихо так:

— Ждут тебя. Кому про меня вякнешь — убью.

— Кто ждет?

— Выйди за ворота. На станции перейди через все пути. Между эшелонами проверь, чтоб хвоста не было. На той стороне за складами — ларек пивной. Знаешь?

— Знаю.

— Там тебя дядька на мотоциклетке ждет. Скажи, от Сверчка.

— Понял.

Вышел Змееед за ворота. Вдоль заборов прошелся. Наклонился шнурок завязать. Это поза удобная для того, чтобы осмотреться, но при этом воровато не оглядываясь. Вроде никто за ним из ворот не вышел. Никого кругом. Товарными эшелонами станция забита. Но тихо. Нырнул под вагон, под другой. Тут уже открыто озираться можно, подозрений не вызывая. Ведь крутят же головами все нормальные люди, железнодорожные линии пересекая.

Чудно Змеееду: не успел от Кремля до Красной Пресни добраться, а его уже ждут. Первая боевая группа Пятого отдела ГУГБ, а и в ней сталинский человечек притаился. Кто бы на очкастого Сверчка подумал? Тихоня тихоней, а тут вон какую речь завел: убью, говорит!

Попетлял Змееед переулками, к ларьку вышел. Стоит там дядька огромный в шлеме кожаном, в очках, в длинном черном плаще. На дежурного исполнителя уж очень похож.

Не дожидаясь слов заветных от Змеееда, сунул шлем и очки, на мотоциклетку кивнул: садись, только держись крепко.

Не узнать Змеееда в том шлеме, в тех очках.

Каблуком правым так дядька по рычагу саданул, что взревела мотоциклетка дьяволом непокорным, аж подпрыгнула, чихнув бензиновым дымом зело вонючим и поганым. И понесло их по гулким булыжным мостовым. Рев на три версты. Ветер в ушах да свист. Вцепился Змееед в спину могучую, ужас затаив.

ГЛАВА 4

1

Девочка озорная от дерева к дереву, от куста к кусту скользит. Очень уж ей интересно, где Ящер живет. Загремел Ящер калиткой. Пса с цепи спустил. Побрел в сад да там под деревом и залег.

А небо уж сереет. Времени у нее в самый обрез. Благо оказалось, что Ящер ей почти сосед. Понеслась она домой. Забор перемахнула. И — на чердак. Гирьку на цепочке бросила. Теперь оружие другое надо. Мощнее.

Вот ржавая цепь в углу под ящиками. Такими цепями привязывают тракторы к телеграфным столбам, чтоб сами собой в поле не укатывались, пока трактористы в запое. Хороша цепь. Лежит тут, наверное, давно. Цепь — это мощь. Вооружилась она цепью, как пролетарий на смертный бой. А вот — гитара в пыли. Гитара — это романтика. Но девочке нашей не до романтики.

Ее всегда учили: убивать нехорошо. Но убивать нехорошо только в случае, если абстрактный икс убивает столь же абстрактного игрека. А вот если комсомольцы-добровольцы беспокойные сердца убивают пахаря — так это очень даже хорошо. Ради социальной справедливости почему бы и не убить? А еще лучше, когда наши хорошие убивают

плохого под романтический ритм: «Чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». У своих крестьян землю отбираем, а испанским отдать обещаем. Диалектика.

Сорвала струну гитарную, спустилась с чердака — и к деду.

Спит дед Макар в саду, как Ньютон под яблоней. Растолкала деда, растормошила. Проснулся дед встревоженный:

— А? Что? Махновцы в городе?

— Нет, дед, успокойся. Уймись. Мы все еще при красных. Лучше Расскажи мне, дед, как собаку успокоить, чтоб не кидалась?

Отвернулся дед разочарованный, выдохнул засыпая:

— В рог бычий масла набей, темнота. Чему вас только в школе учат.

Понеслась снова на чердак. Нашла среди множества вещей удивительных рог бычий. Сбегала в погреб, набила рог маслом сливочным и — через забор.

2

Один переулочек. Другой. Жаль, что небо совсем уж серое с зеленой полосочкой на востоке.

Вот и Ящеров дом. И пес от ярости захлебывается. Не пес, а мерзость на ножках. Весь в пятнах. Не от одного папаши происходил, а от дружного коллектива. Ну, с ним все ясно, — сучий сын, что с него возьмешь. Бросила сучьему сыну рог бычий. Чует псина масло, языком рог лижет, зубами грызет. Но знайте, мое сочинение одолев, что пес разгрызть бычий рог не способен. Понятно, правильная конвойная, караульная или розыскная собака тренирована пищу из чужих рук не брать. Этот номер с тренированным псом не проходит. Но у Ящера пес был злым, как и он сам,

но не тренированным, потому принялся пес за бычий рог, не подозревая, что затея успехом не завершится: упругость и вязкость бычьего рога превышает кусательные способности любого сучьего сына.

Идет она прямо возле песей слюнявой пасти, возле мелких острых зубов, а глаза — к небу: трепетная девочка, нежная. Зарычал пес страшным рыком. Жутко девочке худенькой. Страшно так, что не передать. Так страшно, что хоть всю затею бросай и на танцы больше не ходи. Ощетинился пес, шерсть на загривке дыбом и слюна мерзкими ключьями. Шипит пес, разорвал бы девочку, но очень уж маслица лизнуть хочется, ни за какие коврижки из лап своих песьих тот рог не выпустит. Не отнимает девка добычу, ну и ладно, валит мимо, ну и вали, моего лакомства не трогай.

Крадется она мимо пса, а цепь в руке: ты, песик, только прыгни, врежу между ушей — опрокинешься, все лапки в небо задерутся.

Но не прыгнул пес. Так она в сад и прошла. Вот и Ящер под деревом спит, тихо похрапывая. Чудная яблоня над Ящером. Белый налив. Этим сортом яблок славен Конотоп. В конце августа от запаха конотопских яблонь дуреют молодухи, как весной от пьянящей сладости черемухового цвета.

Сорвала она травинку, Ящера в нос щекотнула. Отмахнулся Ящер. Еще щекотнула. Снова отвернулся, отмахнулся. Она — еще. Выматерился Ящер, поднял голову, оглянулся. Тут-то она ему на горло петельку и накинула. И затянула.

Считаю обязанностью доложить, что петелька из гитарной струны на горле, если ее быстро и туго затянуть, способна испортить сон.

— Ах, Ящер, лапочка, не трепыхайся.

Хрипит Ящер.

— И ручки не тяни. Ох, не тяни. Ты свое оттянул. Теперь мое время. Слушай, запоминай. Часов через пять ты очухаешься в городской больнице номер семь. В хирургическом отделении. Рассказывать, как тебя шестнадцатилетняя девочка побила, совсем ни к чему. Зачем репутацию мочить? Говори, что было много здоровых мужиков. Банда неизвестных.

— Кххрх,— хрипит Ящер.

— Так вот, очухавшись, требуй к себе Ваську-мусора. Через него передашь мне свои извинения. Если в восемь вечера на танцплощадке я твоих извинений не получу, до полуночи не доживешь. Ты меня теперь хорошо знаешь. Я свои обещания выполняю.

— Кххрх,— хрипит Ящер.

— Шутки твои про изнасилование мне очень не понравились.

— Покхршутил,— хрипит Ящер.

— Очень неуместная шутка. Этим не шутят. Я не за себя сейчас стараюсь, я за всех других девочек. Поэтому сейчас я сделаю так, что шутки про изнасилование в твою голову больше никогда не придут. Вот тебе подушка в зубы. Будь мужчиной, постарайся не орать. Это будет твой последний акт в мужском естестве. После этого ты мужчиной больше не будешь. Я тебе вечный нейтралитет обеспечу. Ну, держись. И не буди округу.

Одной рукой струну на шее натягивает, в другой — цепь. Не особенно удобно. Потому решила, что первый удар должен стать успокаивающим. Рубанула цепью тракторной. Дернула Ящера судорога, исказила морду, синевой губы налила, крик его в самом горле заглушив, вырваться из глотки не позволив.

Казалось бы: подросток не сложившийся. Ну какой там удар? Правильное замечание. Но надо принять во внимание тяжесть цепи и помножить ее на вдохновение, кото-

рое иногда посещает нежные поэтичные души. А удар был вдохновенным.

Кроме того, длину цепи надо помножить на точность удара. Она ведь не абы как била, а с полным пониманием анатомии. Это последующие удары были просто так, куда попало, как цепом по снопу, чтоб побольше зернышек выколотить, а первый был с умыслом: нейтрализующий.

Отмолотила Ящера, которого после того мужским именем Ящер называть не совсем точно, и — домой. Мимо сучьего сына, грызущего рог, мимо спящих домов и непреступных заборов. На чердак. Спать.

3

Она уснула сразу и глубоко.

Она спала долго и спокойно. Проснулась к вечеру. Оделась на этот раз в яркое платье: к чему траурный цвет? Надо веселиться. Жизнь так коротка. Подержала в руке гирьку литого свинца на сыромятном кожаном ремешке. Вдохнула и отложила. Решила идти на танцы так. Без всякого оружия. Хороша была гирька для внезапного удара. Второй раз не пройдет: пока замахнешься, тебя уж пикой три раза проткнут. Так что без гирьки, и даже — без сумки.

Вот и парк. Все в нем знакомо до последнего листика. Идет парком, расступается шпана, шепчется. Из всех углов глаза ее буравят. В ужасе мистическом. Идет она парком и грустно ей: ни Аспида не видать, ни Ящера, ни многих из их окружения. Только Васька-мусор все тут же, на боевом посту. Правда, сигарка уже отлипла и отвалилась. Увидал Васька девочку нашу, приветствовать спешит.

— Здравствуйте.

— Здравствуй, Васька.

— Позвольте полюбопытствовать, чем это вы вчера Аспида изрубили?

— Он сам поскользнулся и упал. Об дерево поцарапался.

— Да. Так оно и было. Так ему и надо. Ребята потолковать хотели. Познакомиться. А он, дурак, драться полез. Правильно вы его. Прокуратура дело возбуждала, так Аспид просил воздержаться. Говорит, сам во всем виноват. А вам он привет передает. Ребра у него сзади переломаны и еще что-то. Одним словом, воспаление нутра.

— Какая жалость.

— Именно так дело и обстоит. А Ящер просил передать извинения. Его вчера какая-то банда подловила да пометелила: тронешь девочку нашу, говорят, — убьем. Деликатно его так пометелили. Еле отошел. Врач ему так и сказал: «Жить будешь, но целоваться не захочешь».

Тут я должен заметить, что если уж дело до того дошло, чтобы правду говорить, то правда состоит в том, что Васька-мусор в тот момент ничего про целование не говорил. Он произнес какое-то совсем другое слово, но за прошеством стольких лет я уж и не помню, какое именно.

В другой ситуации девочка наша трепетная смутилась бы, зарделась бы яблочком наливным. Но не тот был момент. Сейчас в ней кипела спокойная ледяная ярость. Смотрит она в землю, слабо своему чему-то улыбается.

— Так, как решили? Прощаете вы Ящера? Как ему передать?

Тут подняла она голову, раскрыла ресницы и хлестнула Ваську-мусора взглядом синих глаз. Попятился Васька. Рот его вдруг просушило так, как сушит ветер аральский голую степь. Понял Васька, что сейчас она его рубить будет той самой штукой. И было бы за что! Хочется ей на руки глянуть. И страшно взгляд оторвать от глаз ее. Никогда Васька столько злости в одних глазах не видел. Ему бы одним глазком на ее руки косяка метнуть. И страшно. Вроде

в руках ее он ничего не видел, даже сумки. Но ведь и у фокусника циркового тоже в руках ничего вроде нет, а потом глядь — и пистолет. Жутко Ваське совсем. Что-то сделал не так. И не понять, что именно. Вроде бы ничем ее не обидел. Вроде подошел с приветом, с извинениями от Ящера. И на тебе. Отступил Васька еще на шаг, оступился и не то присел, не то на колени пал. Вдвоем они. Никого рядом. Но из всех аллей сотни пар глаз сейчас их сверлят. Очень даже настырно. Срамота. Но Ваське не до срамоты. Ваське шкуру спасать надо. Понимает: вчера шутила, сегодня убьет. И банда какая-то в округе объявилась: кто ее тронет — тому яйца дробят. А за что? За что, спрашивается? И озарило его. Понял вдруг, что не нужны ей извинения Ящеровы. Она Ящеру приказала извиняться только для того, чтоб ему, Ваське, намек был, мол, и тебе, дубина, извиняться следует, а не просто чужие извинения передавать. Понял намек. Понял, и полегчало сразу. Ну, просить так просить. Ничего, язык не отломится:

— Гражданочка, вы уж меня того. Вы уж простите, если что не так...

— Встань, Васька. Смотреть противно. Люди кругом.

Оглянулся Васька. Правда, люди кругом и молчание над парком. Все на него уставились. А чего смотреть? Он же не на коленях. Просто нога подломилась. Оступился.

— Ты, Васька, знаешь, ночами я одна люблю ходить.

— Знаю. Знаю. Как не знать?

— Так вот, для разнообразия будешь меня вечерами домой провожать. Вроде почетного караула.

— Понял. Как же, сопроводим.

— И передай вашим, что я не обижаюсь. Сегодня мои ребята никого в Конотопе бить не будут. Все. Пока свободен.

Отскочил Васька, а она пошла танцевать.

Это был ее прощальный вечер. Больше она никогда в жизни не танцевала. Зареклась.

Пассажирский поезд «Одесса — Москва». Зеленые вагоны. Паровоз — серии «ИС». Для непонятливых — Иосиф Сталин. Мощный такой паровозище. Для товарных поездов — черный «ФД», Феликс Дзержинский, для пассажирских — зеленый «ИС». Черкасы, Золотоноша, Пирятин, Прилуки, Бахмач, Конотоп. Стоянка поезда 10 минут. Пассажиров просят занять свои места, провожающих просят выйти из вагонов.

Обнял дед внучку. Махнула она ему из окошка синим платочком.

Вагон у нее красивый. Не такой, как все остальные. Она привыкла в красивых. В купе одна оказалась. Без соседей. А вот это странно. В другое время — ничего особенного. Но в последние дни августа забиты все поезда. Особенно те, что на Москву идут.

Только удивилась необычности такой, как пассажиров целая гурьба в вагон ввалилась. Здоровенные все мужики, горластые, с чемоданами тяжеленными. Загородили проход. Это места десятое, одиннадцатое и двенадцатое? Так нам сюда! И сразу теснота как на Центральном рынке. Вроде стадо слонов в третье купе ворвалось. И в соседние — тоже. Не протолкнутся. Взревел паровоз, дернуло поезд, хлопнула дверь купе, затворилась.

— Гражданка Стрелецкая? Анастасия Андреевна? Рождения 13 апреля 1920 года? Вы арестованы.

Ручки ей — клац — и застегнули.

Поезд только от вокзала отошел, тут же и тормозами заскрипел.

На руки ее кофточку серенькую набросили так, что браслетиков стальных американских и не видно. И под ручки ее из вагона вежливо выводят.

— Всем пассажирам освободить коридор! Кому, бля,

сказано! Освободить! Дверь захлопни, лупатый! Нос прищемлю!

Рядом с пассажирским поездом другой паровоз пыхтит — тоже серии «ИС». И один вагон с ним. Без окон. Девочку Настю из одного поезда — в другой. И чемодан ее туда же. И ватага шумная — следом. Чемоданы их только казались тяжелыми, пока в вагон втаскивали. Это для понта. А выносили их легко, как пустые коробки картонные.

Теперь пусть пассажирский поезд «Одесса — Москва» подождет. А паровоз с одним вагоном рванул к Москве. Без остановок.

5

Арестантский вагон новенький. Чистенький. Весь внутри краской пахнет. И совсем пустой. Если конвоя не считать. Конвоя — шесть дюжих мужиков и три тетки.

И одна подконвойная.

Половина вагона — для охраны, вторая половина разделена на шесть клеток. Но занята только одна из них. Занята единственным арестантом шестнадцати лет. Обыскивали Настю две тетки в синих беретах Государственной безопасности. Обыскивали с сознанием долга. С наслаждением. Одна тетка — ничего с виду. Вторая — чистая ведьма. У первой один кубик в петлицах. У второй — две шпалы. Начальница.

После обыска никто Настю не допрашивал. С ней вообще никто ни о чем не говорил. Молчание было ответом на пару ее вопросов.

Обвинений ей тоже никто не предъявлял. Но Настя и так свои грехи знает: двоим нанесла тяжкие телесные повреждения, одного искалечила до инвалидности.

Она знала давно: если ошиблась в споре, ошибку свою

надо признавать немедленно и решительно, не упорствуя в глупости. Но если совершила что-то непотребное, то признаваться нельзя. Про признание разное говорят. Признание облегчает наказание, а непризнание вовсе от него избавляет. А те, кто сидел, считают, что признание облегчает только муки совести, но наказание отягчает. Сколько в одном месте убудет, столько в другом неминуемо прибудет. Это великий русский ученый Михайло Ломоносов открыл. Это закон сохранения. Его в школе учат. Так зачем же облегчать совесть, отягчая грядущие кары?

Умный был человек Михайло Васильевич. И фамилия у него говорящая. Во всех научных диспутах побеждал; противники знали: с этим лучше не спорить — нос ломает, а то и череп проломит.

Одно ей непонятно, как о ее подвигах Государственная безопасность узнать изловчилась? То, что она Ящера калечила, знает один только Ящер. И ему нет интереса об этом болтать. И свидетелей нет. Если Ящер такое кому и расскажет, то кто же ему поверит?

С Аспидом и его шайкой тоже все ясно. Тут Настю упрекнуть трудно. Тут самооборона в чистом виде. Нападения, правда, не было. Но оно явно замышлялось и готовилось. А она нанесла упреждающий удар. Если Аспид и его корешки расскажут, как дело было, то их же и засмеют. И чем это одна девочка могла их сокрушить? И какой суд им поверит?

Про банду, которая ее якобы защищает, Настя сама слух пустила. Если спросят, то и тут у нее ответ готов. Какая банда? Кто-то эту банду видел? И кто докажет ее связь с какой-то мифической бандой? Откуда та банда появилась и куда ускакала, если нет ее следов ни в Конотопе, ни в окрестностях?

Хваткий следователь тут же работать начинает, не давая арестанту возможности опомниться. Но нет следователя в арестантском вагоне. Почему это? Почему ее никто не допрашивает?

И куда ее везут? И зачем? Если преступление в Конотопе совершено, то тут и разбираться надо. Опять же странность: в Конотопе, как, впрочем, и везде у нас, мордобой к разряду преступлений не относится. Подумаешь, кто-то кого-то побил, кто-то кому-то ребро поломал, зубы выбил или, к примеру, раздробил места какие-то нежные. Что ж, за это сразу так за решетку и сажать? Тогда уж всех сразу. Но всех не пересажает!

Нет, тут что-то не так.

И почему делом ее не милиция занимается, а Государственная безопасность?

И отчего столько конвойных? И зачем карнавал с переодеванием? Отчего арестовывали ее люди в гражданском? Зачем взяли ее так, что никто не увидел? Проще было мусорам на рассвете в дом деда Макара постучать. Тут же целая операция: продали ей такой билет, чтобы в купе посторонних не оказалось. И поезд остановили уже после того, как он от вокзала отошел.

И отчего такой почет: персональный паровоз с персональным арестантским вагоном? И почему вагон новенький совсем?

Новенький он, видимо, потому, что где-то у Народного комиссара внутренних дел стоит спецрезерв тюремного транспорта. Случись внезапные массовые посадки — мощности заранее подготовлены. Иногда для особого случая можно один вагончик из спецрезерва позаимствовать.

Если это так, то картина складывается совсем странная. Ходят по стране по каким-то маршрутам, по каким-

то расписаниям арестантские вагоны. И, надо полагать, не пустые. А раз так, то должны они быть внутри не совсем чистыми. Должны ароматами соответствующими благоухать.

А кто имеет право взять арестантский вагон из особого резерва Народного комиссара внутренних дел?

Тут два непонятных момента слились в один понятный.

Первый непонятный момент: охраны много, но нет следователя, который мог бы, воспользовавшись внезапностью ареста и растерянностью арестанта, выяснить многое из того, чего не выпытаешь из человека, которому дали время прийти в себя, собраться с мыслями, освоиться с обстановкой.

Второй непонятный момент: паровоз и целый вагон из спецрезерва для перевозки одного арестанта.

Понятный вывод: делом ее будет лично заниматься очень важный начальник, который ни рядовым, ни даже очень важным следователям не доверяет.

Если так, то возникает новая неясность: за что это с ней будет разбираться большой начальник? Никаких государственных преступлений она пока не совершала.

Объяснений может быть только два.

Первое: ее приняли за кого-то другого.

Второе: лес рубят — щепки летят. Где-то совершается нечто грандиозное, к чему лично она не имеет никакого отношения. Но исторический процесс захватывает и тех, кто от него хотел бы отгрести в сторону. Пилят на лесопилке огромное дубовое бревно, на бревне улитка... Никому та улитка зла не делала. Просто не на том бревне не в тот момент оказалась.

Представила себя Настя улиткой, слизняком. Это ей не понравилось. Тогда она себя резвой рыжей белочкой увидела. Такая на бревне сидеть не будет до тех пор, пока

ее, бедную, не распилят надвое. Такая, не спеша, легкими прыжками убежит: прыг-прыг.

Убежать из тюремного вагона ей никак не выгорит.

Потому решила силы беречь до момента, который может представиться.

Для этого надо спать. Спать на голых досках.

Она умела засыпать. Способов есть множество. Но не на всех и не всегда они действуют. А у нее был способ безотказный. Надо увидеть чистое лесное озеро с камышами, с белым песком по дну. Нужно увидеть легкую рябь на прозрачной воде, желтый листок, плывущий корабликом. И падающий в воду камень... Бултых! И — ко дну. И круги по воде. Эту картинку надо держать перед собой, не позволяя другим мыслям и образам ее оттеснить. И еще один камень. Вот он летит... Вот воды коснулся... Вот брызги... Он ко дну идет... Идет... Идет... И круги... И кру...

7

Стукнул Змеед в дверь. Открыл робко. Навстречу — Сталин. Совсем не такой, как на портретах.

— Здравствуйте, товарищ Змеед.

— Здравствуйте, товарищ Сталин.

— Заходите, садитесь.

Комната на сталинской даче простая совсем. Пожал Сталин руку Змееду. Отворачивается чуть Змеед, дает возможность товарищу Сталину незаметно платочком руку вытереть и незаметно же платочек в мусорную корзину метнуть. Но не вытирает товарищ Сталин руку свою.

— Ваше письмо я получил. Странное послание вы мне написали. Слово и дело. И что же это за слово такое? И что за дело? Выпить хотите?

Облизнул Змеед внезапно пересохшие губы:

— Хочу.

— Что налить? Есть вино грузинское, коньяк армянский, водка русская с рябиной, горылка украинська з пэр-цэм...

— Горылки, товарищ Сталин.

— Я с вами пью. Будем здоровы.

— Будем, товарищ Сталин.

Некоторые думают, что горилка — это такая маленькая обезьянка. Нужно признать, что это так. Это правда. Но не вся. Горилка — это еще и напиток лечебный. Снимает депрессию, хандру и застенчивость, отгоняет в дальний угол заботы и невзгоды, помогает устанавливать контакты между людьми и полное между ними понимание. Главное, чтобы была та горилка холодной, чтоб было ее в достатке, да чтоб закусить было чем. Хрустящий малосольный огурчик, лука кружочек да розового салца шматочек — это то, что усвоению способствует. Все это на сталинской даче с большим пониманием приготовлено.

Сдвинули стопочки, выпили разом. Огурчиками осадили.

— Еще по одной?

— Я бы с удовольствием, товарищ Сталин, но вы-то не пьете.

— Как же не пью? Я же вместе с вами выпил.

Змеед Сталину на чарочки головой кивнул. Не понял Сталин. Присмотрелся. И сообразил. Змеедова чарочка от ледяной горилки запотела самую малость. А сталинская — нет.

Хитер товарищ Сталин. И руки ловкие. Змееду — горилки, себе — воды. Как он это сделать успел, Змеед не засек, но, выпив и за огурчиком потянувшись, разницу почти не приметную подметил. Жизнь приучила Змееда на самые пустяковые мелочи внимание обращать. Можно было бы, сталинскую хитрость выявив, промолчать.

Но злость играет: не с дураком дело имеешь, товарищ Сталин!

Улыбнулся Сталин, извинился: дела государственные, не время пить, но если уж, товарищ Змеед, ты поймал меня на хитрости, то налей мне сам, штрафную.

Налил Змеед. Выпил Сталин. Вот теперь и его чарочку самую малость как бы туманом прихватило.

— А теперь вместе?

— Вместе, товарищ Сталин.

Сталин бутылку в руки больше не берет, раз уж попался. Разлил Змеед. Выпили. Теперь к делу.

— Так что же это за слово такое? И что за дело?

— Вы же знаете, товарищ Сталин, что это означает.

— Я-то знаю. Вы-то знаете?

— Я тоже теперь знаю. Разрешите по порядку?

— Разрешаю.

— Пять дней назад на Северном вокзале пропал чекист, который прибыл с Колымы. Одет он был в гражданское. Я дежурил на первой платформе. Меня вызвал к себе на дачу Народный комиссар внутренних дел товарищ Ягода. Потребовал найти пропавшего. Говорили мы в саду, чтобы никто не подслушал. Сидели за столом. За время разговора он одиннадцать раз коснулся рукой своего лица, слегка поглаживал ухо. Все остальное время руки держал под столом. Иногда его взгляд на мгновение уходил в сторону.

— И что это, по-вашему, означает?

— Как что? — изумился Змеед. — Означает, что врал.

— А я вот руки под столом не держу. Я левой рукой щеку подпер. Это тоже что-то значит?

— Конечно. Если бы подперли рукой подбородок, то это я прочитал бы как потерю интереса. Но вы, товарищ Сталин, ладонь прижали к щеке, пальцы вверх, касаются виска. Разве из этого не ясно, что вам, товарищ Сталин, мои слова чрезвычайно интересны?

— Правильно. Вы меня заинтересовали. А чем вас заинтересовали действия Народного комиссара внутренних дел?

— В Москве пропал человек. Человек настолько важный, что этим делом занимается лично сам глава НКВД. Но занимается он этим делом в частном порядке, не поднимая шума, не привлекая к делу всю силу НКВД, не поднимая на ноги всех, кого можно и нужно поднять.

— И что это, по-вашему, означает?

— Это означает, что пропавший человек связан с какой-то тайной, но тайна эта не государственная. Если не государственная, то какая? Антигосударственная, я так полагаю.

— Может, это просто личная тайна.

— Нет, не может. Пропал центровой чекист, его ищет главный чекист страны. Какая же тут личная тайна?

— Как вы узнали, что пропавший был чекистом?

— Попа и в рогожке узнаешь, а чекиста — даже в рясе. На левом боку под пиджаком у него явно был пистолет. Именно поэтому я на него обратил особое внимание. Блатные с пистолетами не ходят. Блатные — с перышками, простите, — с ножами. Военные ходят с пистолетами, но они в форме. Кто у нас в шляпе и с пистолетом? Инкассатор? Инкассаторы, дипкурьеры, фельдъегеря и вообще все, кто везет нечто ценное, по одному не ходят. И что инкассатор делал в поезде, который пришел из Владивостока?

— Почему вы думаете, что пропавший чекист прибыл с Колымы?

— Лицо обветренное, как у полярника. Но поезд не из Мурманска, не из Архангельска, не с севера, а с востока, с Дальнего Востока. Я товарищу Ягоде осторожно так, между прочим, соображение двинул, что вот, мол, ехал человек одиннадцать дней в поезде, а до того, может быть, три-четыре дня на пароходе его качало. Если это не так, то товарищ Ягода должен был возразить. Должен был сказать

что-нибудь вроде: да нет, его только пять дней в поезде трясло.

— А товарищ Ягода не возразил?

— Нет, товарищ Сталин, товарищ Ягода не возразил.

— Что мог чекист с Колымы везти Народному комиссару внутренних дел?

— Важное сообщение или золото. С Колымы больше везти нечего.

— Важное сообщение или золото, — с расстановкой повторил Сталин.

— Но сообщение можно передать по радио, по телефону, по телеграфу. Все почти средства связи в руках НКВД. И почти все шифровальные службы тоже. В крайнем случае, курьер мог прилететь самолетом. НКВД имеет собственную авиацию. Зачем важное сообщение пятнадцать суток поездами и пароходами везти?

— Значит, золото?

— Значит, золото, товарищ Сталин.

— Это воровство. В особо крупном размере. Но все же это всего лишь воровство. А где же заговор?

— Как где? Тут он, заговор. Народный комиссар внутренних дел рабоче-крестьянского государства обеспечен любыми благами по потребности. Что пожелает, то ему дадут. Деньги ему не нужны. Из страны уехать он не имеет ни возможности, ни права. Зачем тогда ему золото килограммами, а может быть, десятками и сотнями килограммов? На какие потребности?

— Правильный вопрос, товарищ Змеед. Возвращайтесь домой. О нашей встрече знают трое: вы, я и мой помощник, который вас сюда доставил. Сейчас повторите ему все, что рассказали мне. Благодарю вас. До свидания.

— До свидания, товарищ Сталин.

— Постойте, как ваша фамилия?

— Наша фамилия Ширманов.

ГЛАВА 5

1

— **М**еня Холовановым зовут. Для своих — Дракон. Понял?

— А ты меня на «понял» не бери! Понял?

— За что тебя Змееедом кличут?

— Так, прилипло.

— А я время помню, когда Змееедом можно было называть только того, кто чекиста убил. Хоть одного. Убивал?

— Случалось. Вот намереди одного пришлось. В дополнение к предыдущим. Правда, этого по приговору.

— Это кого же?

— Смирнова Ивана Никитича.

— Ну, того следовало. Без приговора тоже бывало?

— Бывало. Только что-то ты, товарищ Холованов, уж больно любопытный.

— Да уж я такой. Крайне ты мне интересен: раньше чекистов убивал, а теперь сам в ГУГБ НКВД состоишь. Ссучился?

— А ты меня не сучь. Лучше ссучиться, чем мучиться. Ты на своего пахана Гуталина полюбуйся! Тифлисское казначейство с партнерами курочил, нефтепромыслы в Баку под теплым крылом держал, брал обильный оброк, а теперь

ссучился, Генеральным секретарем Коммунистической партии Гуталин заделался. Ты пошто порожняк на меня толкаешь, пошто своего пахана Гуталина сукой не зовешь?

— Ладно, Змеед, не ершись. Нам с тобой клубок распутывать.

2

Тот, который на площади трех вокзалов назвался Иваном Ивановичем, скрючился подковой. Лицо белое с синевой.

Та, которая назвалась Иолантой, кивнула Аркашке-Хлюсту: готов.

Аркашка, хищно выскалив черные зубы, запустил лапу в карман пиджака над сердцем клиента и потянул на себя невиданный ранее в московских малинах тугой бумажник крокодиловой кожи.

Улов небывалый.

Одним взглядом охватил он пачку шелестелок, оценил и мыслью быстрой раскидал расходы. Поделиться надо со своими — в кассу урческой взаимопомощи лукнуть. Надо подмаслить мусоров, чтоб не цеплялись. Кирного бобра следует подальше вывезти и выбросить. Этим делом Шайтан займется. Ему еще и за транспорт особо добавить надо. Люське-Сыроежке — за ударную работу. Уж больно жирного бобра на сей раз зацепила. Расходов много, но все равно вон сколько Хлюсту остается. Да ведь ни Шайтан, ни Люська не знают, сколько в пачке. Можно притаить-притырить-передернуть. А еще бобер кирной в центровой костюмчик упакован и шкары на нем заграничные. Тикалки у него рыжие, в смысле — золотые, да на золотой же цепи. В портфеле — одно разочарование, бумаги какие-то. А мы по карманам пройдемся. Тут добро россыпью — портсигар не то серебряный в позолоте, не то и впрямь золотой. С ри-

сунком — охотники на привале. Еще и зажигалка желтенькая с красным камушком самоцветным.

А в жилетке что? В жилетке что-то твердое.

Ну-ка, на свет.

Глянул — и померк ясный день в Хлюстовых глазах. Две корочки там красненьких оказались. И на каждой золотом — щит и меч. Имя в обоих корочках то же самое, и рожа та же. Только и разницы: в первом удостоверении — Дальстрой НКВД СССР, во втором — ГУГБ НКВД СССР.

Дальстрой — это Колыма. Дальстрой — это сотни тысяч зэков. Дальстрой — это отдельное, самое обширное, самое богатое, самое жуткое и почти независимое царство в империи ГУЛАГа. Дальстрой — это золото. Много золота. Самые крупные в мире месторождения. Самая ударная добыча — рабсила даровая. Бобер — знатный воротила из руководства Дальстроя. Свидетельством тому — уж очень серьезный документ. Он этот документ на Колыме кому следует в нос сует. Но в кармане у него еще один документ, куда более серьезный, — ГУГБ! Вот его-то он там, на Колыме, уж точно никому не показывает. Гусь этот — тайный контролер Главного управления Государственной безопасности, внедренный в руководство Дальстроя.

Вот тут-то Аркашка-Хлюст и спросил в сердцах Люську, кого же она, стерва, привела. Она ему и ответила, что обеспечила образцового клиента.

А он ей пожелал того, что переложить на бумагу у меня никак не выходит. И добавил:

— Чтоб тебе на ноже торчать!

3

— Как дела, Змееед?

— Дела в Кремле, у нас делишки.

— Змееед, зачем ты Сталину письмо писал? В чем твой интерес?

— Мы с тобой, товарищ Холованов, вместе работать не сможем. Больно ты любопытен, как бабенка выпытливая.

— А все же.

— Сталин мой интерес не выяснял. Он без выяснения понял. Вот у Сталина и спроси.

— Я и так знаю.

— Ну и кушай на здоровье. Я тебе еще пирожок с гвоздями испеку.

— Когда Ягода с этим делом разберется, он тебя ликвидирует, как свидетеля ненужного. Ты, Змееед, это понял и к нам пришел шкуру спасать.

— Ах, долго же ты, мил человек, раздумывал. Ты мне покажи того, кто в нашей любимой стране шкуру не спасает. Ты что ли не такой? Со своим Гуталином-Сталиным?

— Ладно, не ершись. Расскажи лучше про ту кошечку, которая матерого чекиста с панталыку, с пути истинного сбила. Нашел ты ее дело?

— Нашел. По профессии — крадунья. Из беспризорных. Зовут Люська-Сыроежка. Она же Иоланта, Эвелина и Анжелика.

— Проститутка?

— Нет. У них с этим строго: воруют, но собой не торгуют. Если на этом деле свои засекут, из вороваяк выгонят. Она иногда только приманкой служит, когда на прихват берут.

— И ты ее по фотографии опознал и дело Ягоде отдал... Ее сейчас поймают, через нее на сообщников выйдут.

— Нет, товарищ Холованов. Ее я опознал, дело изучил, все запомнил, а товарищу Ягоде другую подсунул.

— Другую воровайку?

— Я же не душегуб! Если крадунья или лярвочка по этому делу в лапы Ягоде попадется, то пропадет, виновата

она или нет. Не брал я грех на душу. А показать ему кого-то надо было. Иначе с его дачи меня могли и не выпустить. Показал ему девочку примерную из хорошей семьи. Папа — комкор в Генеральном штабе. Стрелецкий ему фамилия. Показал Ягоде такую, которая явно к этому делу никакого отношения не имела. А у меня отмазка: обманулся. Специально выбрал такую, с которой ничего плохого случиться не может. Сообразит Ягода, кто она, и отпустит.

— Ох, и ошибаешься же ты, Змееед.

4

Я вам рассказал, что работа подручному исполнителя непыльная. Не сомневайтесь. Правду сказал. Непыльная, но кровавая. Исполнителю — что? Сам-то он в фартуке, в шлеме, в очках, в перчатках с раструбами до локтей. Кровь иногда фонтаном бьет. А ему что? У него спецодежда. Стрельнул в один затылок, стрельнул в другой, в третий. На том и работы конец. А кто трупы таскать будет? То-то. Это работа подручным. Кузов машины оцинкованными листами устелен, края загнуты. Это чтоб не текло. Подвал после работы убрать надо, к следующему рабочему дню подготовить. Уборщиц сюда не пускают. Так кому же убирать? Опять же подручным. А трупы доставить, куда прикажут. Хорошо, если в крематорий: сдал, расписочку получил и свободен. А если на Ваганьково, то там зарывать надо. Это сколько возни. А потом еще кузов машины вымыть, да свежими опилками застелить.

Но Змеееда сильно этой работой не изматывают. Его все больше прямо на исполнение ставят: мол, опыта набирайся, профессию осваивай, к повышению готовься. И уже пророчат ему блестящую карьеру — недолго ему подручным ходить. Тут еще от товарища Ягоды распоряжение

пришло: не нагружать особо нового товарища, времени ему давая на самостоятельную работу.

А что это за самостоятельная работа, не положено знать никому, даже самому начальнику спецгруппы товарищу Крайнему.

А раз так, то никто больше Змееда по кличке не называет. Вместо этого уважительно: товарищ Ширманов.

5

— Слушай, Шайтан, этого бобра выбросить никак нельзя. Этот пропасть должен. С концами.

— Это, Хлюст, твоя забота. Я мокрое дело на себя не возьму.

— Плачу.

— Плати за транспорт, а мокрушничай сам.

— Где он может пропасть?

— Раньше жиганы в Донском крематории таких по ночам жгли. Но кто-то звякнул. Накрылась халява.

— И как теперь?

— Есть у меня возможность, только дорого это стоит.

— Говори.

— Знаю места, которые никогда раскапывать не будут. Чекисты много народа по Москве стреляют. Часто — в самом центре, на Лубянке, на Никольской. Трупы жгут или закапывают. Знаю место на Ваганькове. Там без гробов. Навалом. А люди, которые на кладбище вкалывают, — правильные. Если заплатишь. Они вроде под контролем чекистов, но и свой интерес блюдут. Так вот, раскопают ровик, твоего голенького клиента в одну кучку с расстрелянными аккуратно положат. Там их много-много. Никто никогда там потом копать не посмеет.

— Идет.

— Только тут риск большой. Чекисты могут среди ночи внезапно нагрянуть. Они своих жмуриков вывозят трехтонными грузовиками завода имени товарища Сталина.

— Плачу за риск. Отработаю.

— Есть лучший вариант. Но и более дорогой.

— Не тяни.

— У меня на такой случай в запасе гроб красного дерева. С двойным дном. Завтра командарма хоронить будут. Мы твоего покойничка снизу положим. Как подкладочку. И похороним днем. С венками из алых роз. Под «Интернационал» и ружейные залпы.

6

Люська-Иоланта спряталась так, как прячется раненая лиса. Спряталась так, чтоб никто не нашел. Она умела. На тот случай у нее давно убежище приготовлено. Вокруг Москвы — дачные поселки на десятки и сотни километров во все стороны. На любом московском вокзале садись в пригородный поезд, езжай наобум, выходи из вагона через час движения, через два, через три, — все равно в дачный поселок попадешь. В последние годы стали провода от Москвы тянуть. Электрички вместо паровозов вокруг Москвы шныряют. Скорость — ужасающая. За пару-тройку часов вон куда уехать можно. Но из дачного мира все равно не вырвешься. Он тут — везде! Чем дальше от Москвы, тем чаще попадаются дачи давно заброшенные, с выбитыми окнами, сорванными ставнями, провалившимися крышами, с запущенными, крапивой заросшими участками. Тут не то что бедной крадунье-воровайке место найдется, тут прятать можно хоть партизанские отряды, хоть банды абреков. И повезло — конец сезона, детям в школу, пустеют дачные места, спешат

дачники в Москву, никто ни на кого больше внимания не обращает.

Но и найти убежище — полдела. Ночи-то холодные. Да и голод не тетка. Надо найденное убежище заранее к длительному залеганию подготовить, обеспечить себе тепло и питание. Люська и об этом в свое время позаботилась.

Но и это не все. Убежище надо искать такое, из которого есть тайный запасной выход. Неплохо еще и круговой обзор иметь, чтобы быть в курсе того, что вокруг происходит. В убежище том должен быть источник воды. Вопрос с туалетом решить надо. Неплохо бы на зиму и печку иметь с запасом дров. А как дым из трубы прятать? Ночью топить. А если ночь лунная? Еще и о том надо позаботиться, чтобы крысы запас продовольственный не расхитили. Да и о собственной защите от крысиных атак подумать. Съедят ведь. Сыроежка как-никак.

Обо всем этом она размышляла раньше. Все это нашла, запасла, заготовила.

И вот, забравшись в свою крепость, завалив вход балками, пустыми ящиками и бочками, закутавшись в тулуп, когда-то по случаю у зазевавшегося сторожа тяпнутый, пожевав в воде размоченный сухарь, задумалась Иоланта-Эвелина-Сыроежка о будущем. О своем собственном. О самом ближайшем. Пропавшего чекиста сейчас ищут мусора, ищут упорно и настойчиво. И не успокоятся, пока не найдут. И это страшная для Люски опасность. Смертельная, или почти смертельная.

Чекиста убил Хлюст, а Шайтан похоронил в гробу с двойным дном. Если их чекисты найдут — не помилуют. И простым расстрелом не обойдутся. Но найти Хлюста и Шайтана вовсе не просто. Это только если Люську поймают, да пытками имена вырвут, вот только тогда им высшая мера светит после долгих и мучительных кар. А пока Люську не поймали, они могут спать спокойно...

Стоп! А ведь Хлюст и Шайтан, наверное, за свои шкуры дрожат. И понимают, что если поймают Люську...

7

— Мы, товарищ Холованов, одну мелочь упустили.

— Какую?

— Не мог человек с Колымы с одним портфелем ехать.

— Не мог.

— У него только одежды теплой на целый чемодан должно быть.

— Правильно.

— И где тот чемодан?

— Почему бы не камере хранения?

— Нет, Дракон. Я точно помню: вышел он из вагона с портфелем. Я и на это внимание обратил. Странно ведь. Поезд дальнего следования. Самого дальнего на всей нашей планете, а он без чемодана. Даже если он в поезд сел не в Хабаровске, а в Иркутске или Новосибирске, должен быть чемодан. Путь-то вон какой.

— Значит, в вагоне оставил.

— И это не канает. Поезда дальнего следования в Москве разгружают и тут же отгоняют в тупик, там проводят техосмотр, санитарную обработку, моют, чистят, красят, к новому рейсу готовят. Никто вещей в поезде не оставляет.

— А если проводников найти и с ними потолковать?

— К этому и клоню.

ГЛАВА 6

1

— Плесни-ка, Хлюст. Да Расскажи, как себя чувствуешь.

— Чувствую я себя, Шайтан, очень даже прекрасно. Схоронили центрального чекиста, и тихо, как на кладбище. Пьем? Пьем! И будем здоровы.

— И я о том: мы-то здоровы, но все тихо.

— Вот и будем радоваться, и выбросим из головы.

— Не выйдет.

— Это еще почему?

— Потому что тихо.

— Худо ли?

— Сообрази, Хлюст: пропал чекист центральной. Должны сейчас мусора все чердаки, все подвалы, все развалины, все трубы подземные, овраги и балки обыскивать. Где обвалы? Где обыски? Где аресты? Где допросы? Где на вокзалах портреты пропавшего?

— А и действительно, где?

— И как ты это объясняешь?

— Никак. Ничего не понимаю.

— А я, Хлюст, понимаю. Они тихо ищут. И знаю кого. Люську твою, Эвелину-Иоланту-Анжелику-Сыроежку.

Это у них единственная ниточка. Найдут ее — найдут тебя. Найдут тебя — ты расколешься.

— Шайтан! Никогда.

— Расколешься, до самой жопы. Я тебя знаю. Да и умеют там колоть. Не таких как ты кололи.

— Шайтан! Я уеду. Завтра. На Кавказ.

— Ты расколешься — выйдут на меня. А за мной — серьезные люди.

— Шайтан! В Эстонию сбегу.

— Так вот, серьезные люди очень не хотели бы, чтобы на тебя вышли.

— Не выйдут!

— Ты меня понял?

— Уеду сегодня же.

— Ты меня не понял.

— И вправду не понял. Дай набой.

— Набой? Намека просишь? Я тебе без намеков. Одна к тебе ниточка тянется. От Люськи твоей. Если жить хочешь, режь... ниточку.

2

— Про чемодан я, товарищ Холованов, вот что думаю. Не было с ним чемодана.

— Почему?

— Еще и не это скажу. Не мог он один ехать. Должен напарник быть. Путь-то вон какой: четверо, а то и пять суток пароходом «Генрих Ягода» из Магадана до Находки. Сутки, если повезет, от Находки до Владивостока. И еще одиннадцать до Москвы. Больше двух недель с пересадками по портам да вокзалам, по перронам-причалам, по каютам да коридорам. А ведь надо и в ресторане посидеть... Ох, какие рестораны в поезде «Владивосток — Москва»! Или просто

на станции у вагонных ступенек постоять, воздуха свежего глотнуть, ноги размять. Да просто в туалет сбегать... А кто за вещичками присмотрит? Особенно если в вещичках самородки со слитками?

— Правильно. С ценным грузом никто, ни дипкурьеры, ни фельдъегеря, по одному не ездят.

— Я так полагаю. Купе на четверых. Было их трое. Купили четыре билета, чтобы постороннего с ними не было. Денег у них неਵпрогреб. Выгружать тяжеленный груз на первой платформе Северного вокзала Москвы — глупее не придумать. Они тут и не выгружают. Последняя перед Москвой остановка поезда «Владивосток — Москва» — в Ярославле. Там двое с тяжелым грузом выходят. Никто на них внимания не обращает: сибирские геологи с инструментом. А один налегке продолжает путь. Тут, в Москве, его встречают, на машине несутся в Ярославль и принимают гонцов с товаром. И никаких тебе телефонов-телеграфов, никаких писем и шифровок. Поездов из Владивостока больше одного в сутки не бывает. Ягоде только дату помнить, когда одного человека надо встретить в Москве.

— И откуда ты, Змеед, все это знаешь?

— Сел, представил себя Народным комиссаром внутренних дел, который ворует золото крупными партиями у рабоче-крестьянского государства, и разработал несколько вариантов курьерской связи. Этот — самый простой. Самый правильный. Самый надежный. Я еще и не такое скажу. Этот прибывший, видимо, кроме всего еще доставил и дату следующего привоза.

3

Дверь внезапно растворилась. Вроде ее стукнули чем-то тяжелым. На пороге — Люська-Сыроежка. Та, которую

еще зовут то Анжеликой, то Эвелиной, а то — Иолантой. В руке — маленький изящный пистолетик.

— А вы меня не ждали?

— Н-н-нет...

— И о чем воркуете?

— Да все о погоде.

— А я про какую-то ниточку услышала.

— Люся!

— Не трепыхайся! Убью!

— Люся! Мы тебя спрячем...

— На Ваганьковском кладбище?

— Люся! Обожди. Спокойно. Ты уедешь. Вот деньги. Смотри сколько. Вот портсигар. Думаешь, позолота? Нет. Золото чистое. А вот зажигалочка. Любуйся, какая красивая. С рубином. Люся! Осторожнее с оружием...

— Я всегда осторожная. Как лисонька.

— Откуда у тебя пистолет?

— Ты, Хлюст, меня всегда обманывал. И ты, Шайтан, — тоже. Когда это сообразила, то и сама вас обманывать стала. Как только бобер — с копыт, я у него лопатник открывала, немного себе брала, на место лопатник возвращала, а уж потом вас звала. А тут распахиваю пиджачок, на левом боку — аккуратненький такой пистолетик. Я о таком как раз и мечтала. Хвать его — ив сено. А кобуру спрятать не успела. Тут ты, Хлюст, проявился. Глаза жадностью горят. Ты все в лопатник смотрел. А я тем временем вроде тебе помогала, ремень на его пузе расстегивала. Заодно кобуру сдернула и спрятала.

— Люся! А воровайкам шпалер не положен. Кто шпалер в руку взял, тот ссучился. Брось его. Я никому не скажу, что ты его в руках держала.

— Не пугай меня, Хлюст. Закон не хуже твоего знаю. Шпалер нельзя взять из рук власти. А стырить можно. И от вороваск я решила отойти.

— Завязать?

— Нет. Отколоться. Одна на льдине.

— Давай, Люся, договоримся.

— Давай.

— Вот тебе деньги. Вот золотишко. А мы уйдем.

— Хорошо. Деньги я возьму. И золотишко.

— Вот и договорились.

— Но вы тут останетесь.

Рванул к ней Шайтан и осел под выстрела грохот.
Хлюст руками закрылся: не убивай!

— Я, Аркаша, не убиваю. Я ниточки режу.

4

— Дракон, эта Люська-Иоланта может уйти далеко: в Сибирь, на Алтай, в Крым, на Кавказ, а то и за кордон — в Латвию, в Литву, в Польшу. На границах нарушителей стреляют, собаками травят, но она-то, видать, рысь битая, уйдет. Если через кордон рванет — никогда не найдем. Единственная надежда на ее хитрость. Урки самое важное прячут на самом видном месте. А что если она прячется там, где ее сейчас быть не должно, там, где искать ее не будут, там, где обитала раньше? Места эти я знаю — Китай-город и Хорошевка. Если контакты навести, может, кто подскажет.

5

Проводники курьерского поезда «Москва — Владивосток» — это гвардия всего проводниковского сословия. Это же вам не «Ленинград — Москва» — ночь туда, ночь обратно. Это не «Воронеж — Киев», не «Хабаровск — Хасан»

и даже не «Ташкент — Новосибирск» с их смешными расстояниями. «Москва — Владивосток» — одиннадцать суток туда, одиннадцать обратно. В вагоне два проводника. Каждые сутки — 12 часов на брата. Делят те часы на двоих как сами решат. Во Владивостоке — один выходной. В Москве по возвращении — сразу три выходных и отгул за все сверхурочные часы. После того — новый рейс. Над всеми проводниками — начальник поезда. Кроме проводников ему подчиняются директор вагона-ресторана с поварами, буфетчицей и официантками. Начальник поезда — вершина карьеры проводника. Работа — лучше не придумать. За окном ветер деревья валит, дождь проливной хлещет, такой, что вода каскадом по окнам, или метель-пурга звенит-свиристует, а у тебя маленькое, теплое, уютное жилище. Несет тебя и качает, несет и качает, на стрелочных переходах постукивая. Красотища кругом. Одна только Кругобайкалка чего стоит. Звался раньше этот кусок магистрали золотой пряжкой стального пояса России. Это самый трудный для строительства участок железной дороги на всей нашей планете по имени Земля. И самый прекрасный. Справа — скала отвесная, иногда и по двести метров высотой, слева озеро невероятной красоты, глубины и прозрачности. По карнизу поезд скользит. Тоннель за тоннелем. По дыбистым скалам — кедры столетние и сосны золотые. Сквозь ущелья речки былинной прелести, хрустальной чистоты в Байкал несутся одна за другой, одна за другой. По камням журчат. И мосты, мосты, мосты.

Купе начальника поезда наполовину аппаратурой заставлено. Только рядом с Ангарой прошли, только сверкнула впереди синева священного, самого глубокого и самого чистого озера мира, как начальник объявляет всему поезду, что приближаемся, и пластинку заводит про дикие степи Забайкалья, про бродягу, с каторги бежавшего, а потом — про ветер-баргузин и омулевую бочку.

После Байкала на 7031-м километре магистрали у станции Амазар притормаживает поезд, гудит локомотив из всех своих паровозных сил, начальник поезда торжественно провозглашает: «Граждане пассажиры, наш поезд приближается к бюсту товарища Сталина, вырубленному в скале. Лучше всего бюст виден из окон левой стороны по ходу поезда. Теперь перейдите на правую сторону».

Медленно-медленно поезд мимо бюста плывет, ревет во всю мощь, приветствуя самого любимого человека.

Бюст заключенный враг вырубил. Лагереи тут видимо-невидимо. Уговорил начальника лагпункта: разреши попытаться. Разрешил. В неприступных горах, прямо над магистралью свечкой глыбища стометровая вознеслась. Вот ее вершину он и превратил в исполинский бюст. Три года скалу грыз. В прошлом, 1935 году завершил свой труд и получил прощение грехам. Сын-вrafoнок ему помогал. Сын прощения не получил, потому как с той скалы сорвался уже перед самым завершением работы. Да. Много их, врагов. Вдоль магистрали лагеря то справа, то слева, то справа, то слева. Как бусинки на ниточке. Потом Амур. Жуткий мостище у Хабаровска. Над ним аэростаты заграждения. И, надо полагать, — пушки зенитные по берегам под маскировочными сетями. Далеко внизу под опорами моста ужасающие серые водовороты. А начальник поезда на всю мощь «Амурские волны» врубает.

5 октября 1916 года первый поезд прогремел-прогромыхал по амурскому мосту, и это стало окончанием строительства магистрали. 9259 километров и 216 метров. 25 лет и 7 месяцев сквозь Сибирь пробивались. Завершили, тут империя и рухнула... И возродилась под водительство товарища Сталина. Почти в былых границах. От Питера до Великого океана. Жаль, оторвались Польша, Литва, Эстония, Латвия да Бессарабия. Но это временно. Дойдет и до них. Товарищ Сталин вернет! Дай срок!

«Москва — Владивосток» чуть не к самым океанским волнам подкатывает. И, отдохнув, возвращается, прогремывав через Яблонов хребет, плавно проплыв под бюстом величайшего из людей, преодолев тысячи подъемов и крутых спусков, сотни мостов и тоннелей, перекрыв невиданные просторы. И вот: «Граждане пассажиры, наш поезд прибывает в столицу нашей великой Родины и всего мирового пролетариата — город Москву!» И на всю мощь — «Интернационал» из всех динамиков.

А какие люди в курьерском поезде «Москва — Владивосток»? И моряки-тихоокеанцы, и пограничники, геологи, ученые, артисты цирка, изыскатели, летчики, ну и, понятно, лагерные вертухаи. Особая публика — вольные золотоискатели с полными карманами. А раз так, то и шулера-каталы тут промышляют. И девушки разные. Их гонять приходится. Потому как не положено. Тут и торговцы всем, что может пожелать душа. Так по вагонам и шныряют. Ну и воры-щипачи. И нищие с гармошками. Тех тоже взашей из поезда гнать приходится. А однажды мальчик в вагоне родился. Ему начальник поезда, как лицо должностное, документ выписал: рожден между станциями Заиграево и Хохотуй.

Иногда в самый хвост поезда цепляют красный салон-вагон с руководителем самого что ни есть высшего ранга. Ему начальник поезда представиться обязан: товарищ Маршал Советского Союза, начальник поезда Корнилов. Поезд к движению готов, разрешите отправлять?

Но чаще тюремные вагончики цепляют. За них начальник поезда ответа не несет. Там есть кому отвечать.

Всего поездов «Москва — Владивосток» — 24. Одновременно целый десяток в одном направлении прет — первый уже во Владивосток вкатывается, а десятый только от Москвы отошел. Навстречу им — другой десяток. Остальные — в техобслуживании, в ремонте, в подготовке к новому броску к океану.

Начальником одного из этих поездов состоит Корнилов Алексей Алексеевич. Налил ему Дракон еще раз, себе плеснул, чокнулись.

Алексею Алексеевичу в новый рейс пора, к океану. Но случилось непредвиденное. Один проводник шестого вагона попал под электричку. В Пушкино на платформе стоял уж слишком близко от края, зазевался. Второй проводник того же вагона в реке утонул. Август. Жарко в Москве. А вода-то холодная. До беды совсем близко. Судорогой тело сведет, и готов. У моста, который в Серебряный бор ведет, его еще тепленьким выловили. А сам поезд в ремонт загнали, хотя вроде бы не время еще.

— Вам, Алексей Алексеевич, я не зря встречу с такой конспирацией назначил. Мне бы с проводниками шестого вагона потолковать. Но кто-то опередил. Если кто о нашей встрече узнает, то и вам прямой путь под трамвай. Но если никто и не узнает, все равно ваша жизнь на паутинке качается.

— Я, уважаемый, закон не преступал, злодейств и преступлений не творил, никому зла не чинил. Ничего не боюсь. Стращать не надо. Не таких видавали.

— С вами, Алексей Алексеевич, я уже час говорю. Мне надо было выяснить некоторые моменты. Я совершенно четко определил, что вы действительно ничего не знаете по интересующим меня вопросам. Однако есть люди, которые могут думать иначе. Они могут вас считать опасным свидетелем.

— Пусть считают.

— Семьи у вас, как понимаю, нет.

— Да уж какая семья при такой работе.

— Я могу вас уберечь от опасностей. Много о вас знаю. По всем параметрам проверил. Предлагаю новую интересную работу по вашему профилю.

— Что может быть лучше «Москвы — Владивостока»?

Не предлагайте. Не приму.

— Хорошо, Алексей Алексеевич. Вот номер моего телефона. Звоните, если передумаете. Спросите Холованова.

6

Одна Люська на белом свете. Одна. Кто знает, что она Шайтана с Хлюстом успокоила с концами? Никто не знает. Без свидетелей. А кто знает, что она в тот проклятый день на Северном вокзале промышляла? Теперь уже тоже никто этого не знает. Хотя там, на каждой платформе, должны вертлявые отираться. Если так, если они там были, если ее засекли, то ищут. А если ищут, надо прятаться. Как?

Знала она, что обязательно такой день настанет, когда запоют над нею жареные птицы. Просто не думала, что он так быстро подоспеет.

Про день этот неизбежный она ночами думала, себя к нему готовила. И давно решила, что благоразумной лисоньке надлежит быть позади охотника.

7

В прошлом 1935 году лучшими представителями народов великой страны был принят генеральный план реконструкции Москвы, разработанный по инициативе и под руководством товарища Сталина. План — на 25 лет. В соответствии с планом центр города сохранит радиально-кольцевую систему улиц, а новые районы будут расти пятью лучами от старого центра. Это будет город-звезда! Между лучами звезды лесопарки гигантскими клиньями врежутся в городские районы. Измайловский имени товарища Сталина и Сокольнический имени товарища Бубнова

парки превратятся в генераторы чистого воздуха. Центром звезды станет Дворец Советов — самое высокое здание мира со стометровой статуей Ленина на вершине. Одна из веток московского имени товарища Кагановича метрополитена проляжет прямо под этим зданием. Станция метро так и будет называться — Дворец Советов. Делегатам грядущих съездов — прямой путь из-под земли в величественные залы, в которых им суждено принимать все новые республики в состав Советского Союза. Вместе со столицей расцветет и вся страна. От края до края пересекут ее грандиозные судоходные каналы, и Москва станет портом пяти морей: Белого, Черного, Азовского, Балтийского, Каспийского. Грандиозный речной вокзал уже возводится в Химках! Будут расширены старые и пробиты новые магистрали. От Охотного ряда не останется ничего, даже названия. Преобразятся площади у Саратовского и Белорусско-Балтийского вокзалов.

Все это будет, а пока идет расчистка под здания Дворца Советов, Всесоюзной государственной библиотеки имени Ленина, Совета Народных Комиссаров, Военной академии имени Фрунзе, гостиницы «Москва», Центрального театра Красной Армии. Пыль над городом. Трещит и рушится старая Москва. От Китай-города и Замоскворечья до Сокольников и Лужников караванами неутомимых муравьев выносят мощные грузовики тысячи тонн битого кирпича и щебня.

Когда-то, через 25 лет, в далеком 1960-м году все будет хорошо и даже прекрасно, все проблемы будут решены. А пока в невероятном переплетении старых улочек и переулков, в брошенных, но еще не разрушенных строениях, в подвалах и погребках, подземных ходах и галереях раздолье крысам и бездомным собакам. И блатной братии. Порхают птицы сквозь битые окна прижатых друг к другу домишек и магазинчиков, шныряют кошки через проломанные во-

рота и сорванные двери опустевших складов, заводиков, церквушек, мастерских. Все эти сейчас уже ничейные территории московской милицией контролируются слабо, а по большей части не контролируются вовсе.

Змеед блатным заделался. На правом ухе кепочка-шестиклинка с пуговкой на макушке. Из-под кепочки — чубчик кучерявый. На ногах сапожки хромовые в гармошку. Пиджачок серенький. Цigarка на губе.

— И кого тут дядя потерял? — чумазый парниша из беспризорных интересуется. — Любопытным могём и когти вырвать, могём и кровь пустить. Я вам прошу оставить нашу хазу.

— Шмару свою ищу.

— А дядя не мусорок случаем?

Рванул Змеед тельнягу на груди — любуйся картинками. Но парнишу не убедил:

— Много вас таких. Раньше — честный урка в синих картинках, теперь — урка в синих петлицах.

— Не шути, корешок. Пасть порву.

— Так кого ищем?

— Люську-Иоланту.

— Сыроежку?

— Ее.

— И зачем?

— Корефанка моя давняя.

— Уж и не помню, когда ее видел. Дай денежку, может и вспомню.

Сунул Змеед — оживился шпаненок:

— Следуй за мной! Заходи — не бойся, выходи — не плачь.

Туда повернули, сюда. Стекло битое под ногами хрустит. В подвал спустились. Не то кочегарка, не то пекарня, не то прачечная. Все тут разгромлено, развалено, разрушено.

Заглянул Змеед в одну дверь, в другую, удостоверился, что никого рядом нет. Только отвернулся, а за его спиной затвор пистолетный лязгнул.

И грохнул выстрел.

Пуля рядом с правым ухом в кирпичную стенку врезалась, пылью с мелкими кирпичными осколочками в лицо хлестнув. Рванул Змеед голову влево, но тут же и слева вторая пуля в стенку врезалась. Змеед — носом в стенку, а повернуться не мог, предупрежден: резкое движение будет последним.

— Так ты, мусорок, толкуешь, что Люська-Иоланта ко-рефанка твоя, а я тебя такого красивого один только раз видела на Северном вокзале, да и то на горизонте.

Тут только и дошло до Змееда, что попался. Он ее искал, а она шла по его следу Она поймала его именно там, где он надеялся ее найти. Как же не сообразил, что лучшая для нее маскировка — пацанчиком заделаться? Как же не узнал ее? Стриженная голова, чумазая рожа, одета босяком, но ведь мордочка все та же.

— Сейчас, мусорок, я тебя убивать буду. Держись.

— Я не в мусорах больше.

— Это на том свете доложишь.

— Постой. Не спеши. Позволь к тебе лицом развернуться.

— Зачем?

— Стрелять в затылок — подлость. Ты же не исполнитель приговоров из Лефортова.

— А сам ты людей в затылок убивал?

— Убивал.

— И тебе можно?

— У меня душа пропащая. А ты свою береги.

— У меня тоже пропащая.

— Нет! Еще нет. Когда убиваешь много, то хочется убивать еще и еще. Сколько ты в жизни убила?

— Ты третьим будешь.

— Вот и не спеши, а то желание неутолимое пробудится, без новых убийств прожить не сможешь.

— А у тебя?

— У меня пробудилось. И душит оно меня. Я без этого не могу. Когда к убийству дело клонится, трясусь весь, белею, предвкушая...

— У меня после двух не пробудилось. Один еще — не велика разница.

— Хорошо. Убивай. Только разреши повернуться. Позволь смерти своей в глаза заглянуть.

— Хорошо. Поворачивайся, только медленно. Я тебе в лоб стрелять буду. Скоро подгонят сюда американский паровой экскаватор, тебя, мусор, ковшом загребут, вывезут и выбросят на мусорную кучу.

Медленно поворачивается Змеед, понимает, что в правой руке у нее пистолет, потому по правой руке ничего не определишь. А вот по положению левой руки можно что-то установить. Не хотел бы он увидеть сжатый кулак, когда большой палец как бы замком запирает остальные. Но именно это он и увидел. Рука в локте не согнута, кисть крепко сжата. Это верный знак решимости. Такая вlepит кусок горячего свинца в лоб, не дрогнет. Змеед из той же породы решительных, потому не сомневается.

Увернуться от смерти не выгорит. Хватило бы силы не обмочиться жаркой струей. По профессии своей знает, что слаб человек. Как только сообразит, что попал в камеру исполнения, что надежды больше нет, так у него сами собой отключаются все сдерживающие центры, не властен он больше над ними. Понимает Змеед, что нет ему выхода, но центры пока еще не отключились. У него другая проблема. В преддверии неминуемой смерти в человеке просыпается дикий бешеный сексуальный порыв. Это нормальная реакция жизни на приближение смерти. Организму надо про-

должить себя, оставить после себя что-то живое в этом живом мире. Заодно требует природа насытиться вот именно сейчас всеми удобствами, отпущенными на всю грядущую жизнь.

На долгую жизнь определена каждому своя мера удовольствий. Змеееду было отмеряно сверх всяких мер. Но жизни больше не будет. Не удастся разверстать страсти по десятилетиям. Потому они вдруг вскипели все разом. Прижался спиной к стене, глаза зажмурил с силой, зубами закрипел, боли не чувствуя, и стон издал такой, что она испугалась: что с тобой, мусор? Вроде не от трусости это.

Открыл он глаза медленно-медленно. Стоит она перед ним. Разорвал бы ее, измял бы всю как черемухи цвет, зацеловал бы, поцелуями удушил бы. За такой момент не пожалел бы жизни. Пусть бы потом убила.

— Красивая ты, Людмила Павловна. Даже в этом наряде. Ох, не зря тебя завлекалкой ставили...

— Ты, мусорок, сладкие песни не пой.

Говорит она, а кулак слегка разжался, большой палец отошел от остальных, вроде как волк одинокий от стаи откололся.

— Откуда, мусор, отчество знаешь?

— Дело твое нашел и вник.

— И кому это дело показал?

— Никому. Губить тебя не стал. Отмазал. Вместо тебя другую подставил.

— И что с ней стало?

— Не знаю. Думаю, разберутся. Отпустят.

— Дурак. Оттуда не отпускают.

— Тоже может быть.

— Если отмазал, то зачем меня искал?

— Мне портфель того бобра нужен.

— Если портфель отдам, что со мной будет?

— Сменю тебе судьбу.

— Врешь.

— У каждого человека есть в жизни момент, когда он может судьбу свою поменять. Но для этого надо жизнь на кон поставить: пан или пропал, грудь в крестах или голова в кустах.

— В «Крестах» — это в Питере? Мне Таганки с Бутыркой хватит.

— Я не про то. Рискни. Поставь жизнь на кон и... Проиграешь. Поверь мне... И я тебя убью. Или, быть может, согласишься — согласишься...

— А ты жизнь на кон ставил?

— Да.

— Давно?

— Неделю назад.

— И как?

— Я в мусорах был. А теперь от этого дела отгребаю. Вот уже целую неделю живу и радуюсь.

Рука ее левая слегка коснулась подбородка. Тут ясно все. Этот жест у женщин однозначно указывает на раздумье. У мужчин это состояние выдается несколько иначе: рука мягко поглаживает подбородок.

— Ладно, мусор. Твоего бобра похоронили на Новодевичьем в гробу с двойным дном вместе с каким-то командармом. А портфель его — вон под той кучей гнилых досок. Забирай.

Развернулся Змеед к трухлявой куче. Наклонился. Тут-то и грянул выстрел.

Белый свет в глазах его померк не сразу, а медленно. Как бы нехотя. Затухая.

ГЛАВА 7

1

Корнилову Алексею Алексеевичу, начальнику поезда «Москва — Владивосток», много имущества не надо. Все, что у него есть, помещается в командирской рубке. Дом его — на колесах. Все, что есть, всегда с собой. А когда поезд на техобслуживание загоняют, ему ночлег обеспечен в Доме железнодорожника.

Народный комиссар путей сообщения товарищ Каганович поездным бригадам обеспечил уют. Дом железнодорожника — бывший купеческий особняк под вековыми липами в тихом уголке Москвы: и к центру близко, и парки вокруг, и тишина как на даче. Теплый вечер. Почти ночь. В конце августа рано смеркается. В переулке — только одна машина у тротуара заночевала. Странного ничего тут нет. Стоит и пусть стоит. Хотя ближе к ночи тут обычно никого не бывает.

Прошел Алексей Алексеевич мимо той машины, а сердце екнуло. Один в ней только человек за рулем сидит. И все бы ничего. Но слишком уж он прямо сидит. Вперед смотрит отрезанно. Головой не крутит. Не мигает. Больно серьезный. Так на задней парте второгодки демонстрируют примерное поведение, когда во время урока в карты режутся.

Идет Алексей Алексеевич к входу центральному, размышляет. Ведь войдешь туда — и не выйдешь. Потому заходить не стал. А так, не спеша, гуляючи, вразвалочку, побрел мимо. Бывает же иногда радость на душе даже и у начальника поезда. Не спится человеку. По ночной Москве ему привольно гуляется, как сытому коту, за целый день в тепле отоспавшемуся. Повернул за угол, песенку насвистывая. Переулки эти он с давних лет помнит. А за новым поворотом рванул. Бежит, слышит — бегут за ним, а вроде никого вокруг не было. За следующим углом развернулся всем телом и с размаху тому, который за ним следом вылетал, кулаком в рыло — хрясть! Несся тот изо всей мочи. Так что, получив в челюсть и щелкнув ею, бег продолжал, но уже по изломанной траектории со снижением и разворотом на спину.

Второго, запыхавшегося, из-за угла выскочившего, Алексей Алексеевич на руки поймал, как ребенка, улыбнулся ему и, обхватив огромной лапой затылок, ляпнул рожей об кирпичный угол.

Во времена его юности не было такого заведения, чтобы люди на арене друг другу морды били на потеху публике. В те славные времена на аренах цирков борцы в честном поединке мерились силушкой без мордобоя. Был Алексей Алексеевич в те годы борцом цирковым. Оттуда после переворота октябрьского его и забрали в охрану кремлевскую. Работал ладно, служил честно. Только после убийства товарища Свердлова решил он понемногу от того дела охранного отойти, больным сказавшись. Уж очень легко там, в банке паучьей, ни за что ни про что в виноватые попасть. Но через много лет судьба его и тут нашла. Где-то какое-то дело крутится, кто-то в чем-то виноват, а вертлявые за ним увязались.

Свои борцовские навыки начальник поезда «Москва — Владивосток» с годами не растерял. Если каких хулиганов

из поезда выставить, так это он сам, милиции не дожидаясь. Драться не любил. Делу этому никогда не учился. Но если следовало в личико кому врезать, то как-то само собой получалось.

Тряхнул за грудки Алексей Алексеевич одного лежащего, потом второго. Вроде дышат, но в этот мир пока не возвращаются, слегка только ногами дрыгают. Вывернул карманы: два револьвера системы Нагана, два бумажника с документами. Выглянул за угол — далеко за поворотом еще человек пять сюда бегут. Эти двое лежащих — первая пара дозорных. Остальная бригада чуть дальше держалась.

Их Алексей Алексеевич дожидаться не стал. Он дворами и подворотнями, через заборы и крыши сараев, срывая белье с веревок, разваливая дров поленницы, по пожарным лестницам и водосточным трубам, знакомыми улицами и незнакомыми проулками рванул совсем на другой конец великого города.

Сбил срывающееся дыхание, по карманам себя ощупал, нашел бумажку с номером, опустил монетку нужную в телефонную дырочку и спокойно с достоинством, подбабующим начальнику курьерского поезда «Москва — Владивосток», спросил товарища Холованова. Тот ответил немедленно, вроде бы у телефона сидел и звонка ждал:

— Холованов.

— Товарищ Холованов, это вас Сей Сеич беспокоит. Мы с вами сегодня встречались.

— Слушаю, товарищ Корнилов.

Начальник поезда безразличием голос наполнил:

— Вы что-то там про какую-то новую работу говорили. А я не дослушал.

— Да, Сей Сеич. Есть у меня предложение. Завтра объясню. Встретимся в то же время на том же месте. Идет?

— Идет! Вот и чудесно. Прямо завтра и встретимся. Прямо на том же месте. Очень даже здорово.

— Ну так до завтра.

— До завтра, товарищ Холованов! А не могли бы вы вот прямо сейчас на своей мотоциклетке подкатить?

2

У каждого человека великолепная память. Только не все ею пользоваться умеют. Память — это как умная машина, которая каждому из нас подарена при рождении, да только не всякий знает, на какие педали давить, на какие кнопочки. И в школах наших почему-то не учат тому, как надо запоминать, как память развивать, как ею пользоваться. А ведь это должен быть самый главный предмет в школе. Научи запоминать, а уж потом учи всему остальному. То-то толк будет.

Генриха Григорьевича Ягоду природа одарила могущественной и цепкой памятью. Но он дарами природы не удовлетворился. Он не стал ждать милостей от природы. Он упорно развивал и тренировал память так, как боксеры, борцы и штангисты тренируют свое тело. Железный Генрих разработал для себя систему упражнений на развитие памяти по четырем основным направлениям: скорость запоминания, точность, объем хранимой информации и длительность ее сохранения. Для каждого из этих направлений у него были свои приемы. Кроме того — несколько приемов комплексных. Самый из них простой: засыпая вечером, старался вспомнить весь день, но не с утра до вечера, а, наоборот, — с вечера до утра, во всех мелочах и деталях: вот я лег в постель и укрылся, а до этого зубы чистил, а перед этим... И так до самого момента пробуждения. Оно и для засыпания хорошо. Не успел вспомнить, какую вечером книжку листал, а уж и уснул глубоким спокойным сном.

Получается беспроегрышный расклад: или спишь безмятежно, как пьяный цыган на белой скатерти, или память

тренируешь, не проклиная бессонницу, а приветствуя ее. Если же весь день задом наперед во всех деталях вспомнил, но не заснул, вспоминай весь прошлый год. И опять же, на-оборот, с 31 декабря начиная.

Не спится Генриху. С боку на бок развернулся, прошлый 1935-й год вспомнил. Ах, какой год был славный. Какой декабрь! А до того — какой ноябрь!

В ноябре пяти высшим командирам Красной Армии были присвоены персональные воинские звания Маршалов Советского Союза. Кроме того, одному чекисту, а именно ему — Несгибаемому Генриху, — было присвоено звание Генерального комиссара Государственной безопасности. Маршалам — большие звезды в красные петлицы, Генриху — в синие.

А начиналось все раньше. В сентябре Президиум Верховного Совета своим указом учредил воинские звания в Красной Армии и специальные звания НКВД, которых раньше не было. До того все воинские и чекистские начальники были просто товарищами командирами.

Указ же не сам собой появился. Ему предшествовала встреча Генриха с товарищами Ворошиловым, Буденным и Тухачевским 13 апреля того самого 35-го года, тут, на даче Наркома внутренних дел в Коммунарке.

Пригласил Генрих красных командиров для обсуждения вопроса чрезвычайной важности: укрепление дисциплины в войсках. У вас в Красной Армии вон сколько народу, и у меня в НКВД тоже немало: одних только пограничников армия целая, да связь правительственная, да охрана лагерей и тюрем, объекты государственной важности надо бдительно охранять и стойко оборонять. А их вон сколько, объектов, — от мостов, тоннелей и электростанций до иностранных посольств и самого Кремля. Проблемы и у меня, и у вас, товарищи, общие, так давайте и решать их сообща.

Угостил Железный Генрих армейских командиров, как в НКВД умеют. Обсудили вопросы, меры наметили, а уж к самому концу Генрих им так невзначай и бросил, что нет дисциплины, потому как нет субординации, а субординации нет, потому как нет воинских званий. И умолк.

Ух, в какую точку попал! Воинские звания революция отменила, сделав всех товарищами. А без званий какая к чертям дисциплина? Какое к дьяволу подчинение? Какое повиновение?

Если бы рядом с четырьмя мужиками сидела стенографистка, то она бы, вне сомнений, зафиксировала оживление в зале. Но стенографистки в тот исторический момент на даче НКВД не оказалось. Потому верьте на слово: оживление было, и было много вопросов.

Ворошилов: так что ж, к золотым погонам и генеральским званиям возвращаемся?

Тухачевский: а поймет ли народ?

Буденный: и товарищ Сталин?

И далее втроем наперебой: так что, унтеров вводим? Это возвращение к проклятому царизму, который мы успешно сокрушили. А вместе с унтерами — прапорщиков, подпоручиков и поручиков заведем? Штабс-капитанов, подполковников и полковников? И генералы у нас будут? Как проклятые Деникины и Юденичи! И адмиралы??? Как мерзкие Колчаки????!!

Мудрый Генрих все ответы наперед заготовил: не будет у нас унтеров! Будут сержанты. Не будет прапорщиков и поручиков! Будут лейтенанты, младшие и старшие!

А ему, перебивая друг друга: как так лейтенанты? Лейтенант — это флот. А что мы в пехоте и в кавалерии флотские звания иметь будем?

Почему нет? — Генрих отбивается. — Лишь бы старые контрреволюционные звания не напоминало.

Выше лейтенантов — капитан. Ничего в этом звании

страшного. Почему нет? Есть же капитан корабля. Есть капитан футбольной команды. Дальше — майор. Было такое звание в России когда-то давно. Потом его отменили. В армии царя Николашки Кровавого не было такого звания, и у белых не было. Вот мы его и введем. Обойдемся без подполковника. Выше майора — полковник. Что в этом плохого? Есть у нас полки, пусть будут и полковники. А вот генералов не будет. Генерал и адмирал — кровавые псы контрреволюции. Будут комбриги, комдивы, комкоры, командармы. Форму красивую придумаем, но пока без лампасов и золотых погон. Не все сразу. Это мы потом пробьем.

Сказал это Хитрый Генрих и снова смолк.

Тишина звенящая на веранду пала. У Тухачевского глаза горят, как звездочки небесные, но молчит. А товарищ Ворошилов не выдержал: кем же буду я? И тут же поправился: кем же будем мы?

Генрих только того вопроса и ждал. У него гремящий ответ, словно засадный полк в лесу, затаился: вы будете генерал-фельдмаршалами! Не было во время трех русских революций ни одного генерал-фельдмаршала у Николашки. И у белых не было, так почему бы...

И снова молчание крылом своим накрыло четырех мыслителей.

Не позволит Сталин. Народ не поймет. В этом слове все равно генерал присутствует. А в фельдмаршале — подозрительное немецкое звучание.

Ладно, хорошо, будете маршалами. Маршалами Советского Союза!

Вот это правильно. Все согласны? Нет возражений? Только как это столь важное предложение перетащить через каменистый перекат по имени Сталин?

Но и об этом Мудрый Генрих подумал: инициатива с мест! Идет совещание командного состава где-нибудь на Дальнем Востоке, встает командир полка (только уж очень

хорошего, образцового полка) и высказывает деловое предложение... Потом на таком же совещании в Заполярье командир передовой дивизии выкладывает суждение. Потом кто-то в Генеральном штабе... Независимо друг от друга. Способны ли вы, товарищи, организовать инициативу с мест? Способны. А сами в стороне от этого дела держитесь, вроде сомневаетесь, колебания проявляйте... А я по линии НКВД инициативу с мест организую... В Центральном Комитете работу проведем осторожно...

— Ладно, — сказал Буденный, усищи покручивая. — А чего ты, Генрих Григорьевич, от нас в ответ получить хочешь?

— Да ничего я получить не хочу. Я дисциплину в войсках креплю.

— С дисциплиной понятно. Ты нас в этом правильном начинании поддержишь, мы тебе в твоих действиях подсобим. Твоим ребятам какие звания придумал?

— Высший состав — комиссары Государственной безопасности первого, второго и третьего рангов.

— Идет. А тебе-то самому какое звание будет? Маршал НКВД или как?

— Да мне бы хватило Генерального комиссара Государственной безопасности.

На том и порешили...

3

Бьет Люська Змееда по щекам: очнись, мусорок.

Очнулся. Огляделся, соображая, где это он.

— Я же пошутила. Еще разок пальнула. И снова мимо тебя.

Не знала Люська-Сыроежка, сколько выпало Змееду за эти дни: внезапное назначение в комендантскую спецгруппу.

пу Лефортовской тюрьмы, встреча с Ягодой, лихорадочная бессонная работа на его даче, письмо Сталину и встреча с ним. Не знала она, где Змеед работает, представить не могла, за что платят бешеные деньги не только лефортовским исполнителям, но даже и их подручным. А платят им за любимую, обожаемую, но все же очень и очень тяжелую и нервную работу.

Напряжение этих дней собралось в большой тяжкий ком, и внезапный выстрел за спиной в момент, когда его не должно было быть, стал тем хлопком, который срывает тысячетонные лавины со скал. Грянул выстрел — Змеед сознание потерял. Обморок был глубоким и долгим. Обморок — это как тяжкий сон, но только без сновидений. Он слышал какие-то шумы вокруг, не ощущая себя самого.

Он открыл глаза. Долго смотрел в проваленный потолок и в склонившееся над собою лицо. Затем правой рукой, обхватив за шею, привлек это лицо к себе.

— Людмила Павловна, Людмилочка, Люська, на тебя можно положиться?

— Можно, — ответила она тихо совсем.

4

Паровоз ИС доставил тюремный вагон на Киевский вокзал Москвы и загнал его в глухой тупик. Подкатил длинный лимузин к самым ступенькам вагонным. Арестованную Стрелецкую втиснули на заднее сидение меж двух надзирательниц. Руки в наручниках, на голову плащ брезентовый набросили. И куда-то повезли. Очень быстро.

Везли минут десять-пятнадцать. Но, может быть, и не так. Если не видишь происходящего вокруг, то восприятие, в том числе и времени, нарушается.

Потом стояли. Видимо, перед контрольно-пропускным

пунктом. Потом снова ехали. Но совсем недолго. Остановились. Хлопнула дверка. Две тетki под руки вывели Настю. Она все так же ничего не видит. Осторожно поднялись по ступенькам крыльца. Ступеньки, определила Настя, явно каменные. Всего восемь. Прошли вперед, повернули. Осторожно спустились куда-то. Настя насчитала 24 ступени. Еще вперед, влево. Громыхнула дверь. С ее головы сорвали плащ и толкнули вперед. Дверь грохнула, захлопнулась, лязгнули засовы, щелкнули замки.

Осмотрелась.

Тюремную камеру она представляла себе совсем не так. Тут большая комната, метров тридцать квадратных. Потолок каменный, сводчатый, как в кремлевских палатах. Окно одно. Явно тюремного типа. Очень высоко под потолком. Решетка старинная, кованая, красивым узором закручена. Толщина стены аховая — метра полтора, а то и все два. Окно — это как бы глубокий наклонный тоннель, который кто-то рубил под самым сводом, прорываясь вперед и вверх к свету. Но света в окне нет — решетка, за ней матовое стекло, за стеклом угадывается еще одна решетка. Дверь железная, кованая, тяжеленная в стену врезана. Эту внутреннюю стену тоже без восхищения описать не выходит. Проем для двери — вроде маленького тоннеля в несокрушимых гранитных блоках. Что интересно: в двери нет глазка для подсматривания за арестантами. Это еще почему? Пол паркетный, сверкающий. Солдатская железная кровать у стены. Стол маленький совсем, встроен в стенку. Табуретка привинчена к полу. В правом от входа углу за загородкой — туалет. Раздражающих запахов нет. Все чисто. За окном ночь. Под высоким потолком — одна лампочка, но выключателя нет. Он явно там, в коридоре. Свет, видимо, на ночь не выключается. Но свет не слепящий. И тишина.

Присела Настя на краешек кровати, прикинула, куда это ее занесло?

Конспиративная квартира Холованова — подвижная, точнее плавучая. В Химках у строящегося Северного речного вокзала столицы среди больших пароходов, плавучих кранов, землечерпалок, буксиров и барж притаился небольшой совсем, невзрачный, чумазый прогулочный пароходик профсоюза работников Главспецремстроя. На пароходике — капитан, механик и один матрос. С виду пароходик не ахти, а внутри уют.

Сюда Холованов и привез начальника поезда «Москва — Владивосток»: вот, Сей Сеич, каюта твоя, вот душ, вот одежды на выбор. Но для начала рассказывай все.

А что рассказывать?

Выложил начальник поезда «Москва — Владивосток» на стол содержимое карманов: два револьвера, два бумажника. Холованов раскрыл удостоверения. Первое — ГУГБ НКВД СССР, и второе — ГУГБ НКВД СССР.

— Вот так, Сей Сеич. Не милиция за тобой гонялась, не уголовный розыск, а Государственная безопасность.

— Так что конченный я человек.

— Это мы еще посмотрим. Налей, и будем на «ты».

Выпили. Холованов обстановку доложил: капитан, механик и матрос вооружены. У них — ручной пулемет ДП, Дегтярев Пехотный, три винтовки, запас патронов и гранат. У самого Холованова — пистолет «лахти». Рубка управления изнутри до уровня окон обложена броневыми листами. Одна каюта позади рубки — большой броневой ящик. Не только стены прикрыты броней, но еще пол и потолок. Из этой каюты выходы в рубку управления, в машинное отделение и в трюм. В броневом ящике — амбразуры для кругового обстрела. Снаружи их не видно. Они под вентиляцию задрапированы. В случае вооруженного нападения эта каюта — место сбора и обороны. Отбиться есть чем.

Но вооруженное нападение — не главная угроза. Для того, чтобы напасть, место это сначала отыскать надо. Не так это легко. Конспирация. Но есть вещи посерьезнее. Экипаж в наши дела не посвящен. Экипаж в случае нападения только поможет отбиться или уйти. Для нас двоих — угроза куда более обстоятельная. Наш враг — Ягода. Он ворует золото на Колыме, мы нечаянно узнали его секрет. Живыми он нас не оставит.

— Я его секретов не знал. Да и знать не хочу.

— А кому до этого дело? Лучший в поезде вагон — шестой. Там два проводника и сам начальник поезда. В том вагоне курьеры свой груз везли. Тут тебе и комфорт, и безопасность выше. Пока все было тихо-мирно, никому ты, Сей Сеич, не мешал. Но один курьер пропал, вся афера может раскрыться, потому Ягода убирает всех, кто мог знать хоть что-то. Могли знать проводники. Их нет больше. Ты — следующий на очереди.

— Да, дела...

— Я так полагаю, в одном купе ехали три мужика, имея четыре билета. Правильно?

— Правильно. Я на них внимание обратил. Уж больно дорогое удовольствие от Владивостока до Москвы лишний билет покупать. Простому советскому человеку не по силам. Да еще и в шестом вагоне!

— Вот именно. Двое из них в Ярославле сошли. С очень тяжелыми чемоданами. Так?

— Так и было. Откуда ты все это, Дракон, знаешь?

— Один сообразительный парнишка подсказал. А третий пассажир в Москву приехал. Налегке. С одним портфельчиком.

— Точно так.

— Нам бы тот портфельчик!

Невесело Генеральному комиссару Государственной безопасности. Вызвал секретаря НКВД Буланова Павла Петровича:

— Если портфель у блатных, они продать его могут.

— Не исключено, что в конце концов может попасть тот портфель самому Гуталину

— Что делать будем?

— Надо вам, Генрих Григорьевич, к самому Гуталину идти, упредить удар. Мол, всякие разные под руководство НКВД копают, небывицы сочиняют, провокации плетут.

— Правильно. Пойду. А что со Змеедом?

— Девчонку, которую он указал, уже привезли.

— Мне вот что, Дракон, объясни: если против меня Государственная безопасность, если сам Ягода мне враг смертельный, то почему я у тебя защиты искать должен? Не лучше ли мне в леса податься? Или к блатным, бороду отрастив. Или через границу махнуть. Кто ты таков? Как ты можешь меня защитить? Ты что, Государственной безопасности не боишься? Ты с самим Ягодой тягаться решил? И что это у тебя за контора с пулеметом ДП?

— С самого начала тебе растолковать?

— Уж с самого что ни есть.

— Свергнут старый строй, истреблены или выброшены из страны дворяне, купцы, дипломаты, министры, офицеры, генералы, адмиралы, полицейские, инженеры, журналисты, владельцы заводов, шахт, газет, пароходов, железных дорог — все, кто управлял. Образовалась жуткая пустота. В эту пустоту ринулись негодяи и мерзавцы всех

мастей, ринулись управлять и командовать. Партия у нас одна. И она у власти. Никаких других партий нет и не будет. Понятно, что проходимцы, ловкачи и прохиндеи всех цветов и оттенков метнулись в эту партию. Товарищ Сталин партию чистит, гонит из нее пройдох, авантюристов и аферистов. Но они лезут. Изгнанных из партии — уже полтора миллиона. Это мелкая сволочь, внезапно вознесенная к вершинам, но вскоре оттуда сброшенная. Это недавние начальники, от бригадиров до наркомов, потерявшие работу. Это троцкистско-ленинская сволочь. Это целый класс недовольных. Это динамит. И это может рвануть. Но даже и не это главное. В самой партии — целые табуны прощелыг, пройдох и прохвостов. Они еще не вычищены, но знают, что их ждет. Последний семнадцатый съезд партии был в феврале 1934 года. Он назван Съездом победителей. Рабочие и крестьяне прислали сотни подарков съезду, в том числе первый советский троллейбус. Тульские оружейники подарили товарищу Сталину снайперскую винтовку с оптическим прицелом. Товарищ Сталин из президиума через снайперский прицел рассматривал делегатов. Съезд бурно смеялся. Но не до шуток было ни Сталину, ни делегатам. У товарища Сталина слишком много врагов. Против него вся так называемая «ленинская гвардия» — все почти руководство партии. Против него многие в руководстве Красной Армии. Против него — руководство НКВД. Сталина пока не съели только потому, что эти три силы враждебны друг другу. А внутри этих сил — грызня группировок. И еще потому, что во главе НКВД стоит Ягода. Он гнет свою линию, но она выгодна Сталину. Неделю назад завершился суд над Зиновьевым, Каменевым, Смирновым и другими. Это враги Сталина. Они уничтожены. Процесс подготовил Ягода. Он готовит новые процессы против бывших членов Политбюро — Бухарина, Рыкова, Пятакова и прочих. Сталин не хочет ему мешать.

— А твоя роль во всем этом?

— Над государственным аппаратом товарищ Сталин тайно возводит аппарат своей личной власти, с собственной армией, дипломатией, полицией, статистикой, системами контроля, транспорта, связи. Этот пароходик — из состава личного сталинского флота.

— А ты, Дракон, кем в этом аппарате состоишь.

— Кем-то вроде начальника разведки.

— Ну, а...

— А тебе должность предлагаю начальника очень важного поезда и единственного в том поезде проводника.

— Маршрут?

— От Москвы до самых до окраин. С южных гор до северных морей. Поезд замаскирован под ремонтный, на самом деле — курьерский. Локомотив — самый мощный в стране. Идет?

— Идет. А Государственная безопасность?

— От нее мы тебя защитим.

ГЛАВА 8

1

— **З**дравствуйте, товарищ Сталин!
— Здравствуйте, товарищ Ягода.

— Товарищ Сталин, операция по уничтожению врагов народа Зиновьева, Каменева, Смирнова и всей их шайки успешно завершена.

— Поздравляю вас, товарищ Ягода. Прошу срочно представить списки особо отличившихся следователей и всех, кто был причастен к распутыванию этого змеиного клубка. Не забывайте исполнителей приговора и их подручных. Эти люди ставят последнюю точку в каждом деле. О них надо проявлять особую заботу. Всех участников этого большого дела мы наградим орденами, высокими должностями и званиями, денежными премиями, квартирами, путевками на курорты и в санатории.

— Завтра списки будут представлены.

— А что вы, товарищ Ягода, хотели бы получить в награду за блистательно проведенную операцию?

— Мне, товарищ Сталин, ничего не надо. Я борюсь с врагами народа. В этом мое счастье. Это моя награда. На очереди бывший кандидат в члены Политбюро Сокольников и бывший член ЦК Радек. Доберемся до Бухарина, Ры-

кова, Крестинского, Раковского.

— Хорошо, товарищ Ягода, очень хорошо.

— Товарищ Сталин, что делать с Пятаковым?

— В чем проблема?

— В том проблема, что член Центрального Комитета, первый зам наркома тяжелой промышленности Пятаков перестарался. Во время подготовки суда над Зиновьевым, Каменевым, Смирновым и другими Пятаков публично требовал для них высшей меры уголовного наказания, объявил, что готов лично их всех расстрелять.

— Очень правильно поступил!

— Да, но...

— Что «но»?

— Подсудимые Зиновьев, Каменев и Смирнов обиделись на Пятакова и объявили, что и Пятаков, и его жена тоже являются участниками их банды. Месяц назад жену Пятакова мы арестовали. Она призналась во всем.

— А что сам Пятаков?

— Пятаков объявил, что готов лично расстрелять собственную жену вместе с остальными врагами.

Отмерил товарищ Сталин двадцать шагов по кабинету. Развернулся, раскурил трубку. Долго молчал. Вернулся на свое место.

— Готов стрелять врагов. Но враги его опознали как своего. Арестуйте его, товарищ Ягода, добейтесь признания вины и выведите подсудимым на следующем процессе. Где он сейчас?

— Отдыхает в Ялте, в санатории Совета Народных Комиссаров.

— Но жена в тюрьме. Как же он?

— Мы к нему приставили девушку для услуг.

— Хорошо. Пусть отдыхает. Когда вернется?

— 23 сентября.

— Арестуете в вагоне в момент прибытия поезда в Мос-

кву. Блокируете коридор носильщиками. Всех выпустите из вагона, а его ототрете. Когда вагон опустеет, предъявите ордер.

— Понял. Разрешите лично появиться из соседнего купе?

Рассмеялся товарищ Сталин беззвучным смехом: разрешаю!

Шутки Сталин любил. Шутки подчиненных ценил. Сам был великим шутником. Шутка-малютка, а заряжает на час!

— Возвращаемся к вопросу о вашей награде. Так что бы вы хотели?

— Товарищ Сталин, повторяю: мне ничего не надо.

— А что если мы с товарищами посоветуемся да и сделаем вас членом Политбюро?

— Большая честь, товарищ Сталин. Вряд ли я достоин.

— Вы достойны. Готовьтесь. Сначала для порядка — кандидатом в члены Политбюро, а через полгода — полным членом!

— Можно по личному вопросу, товарищ Сталин?

— Можно.

— Товарищ Сталин, у меня много врагов. Меня боятся, многие горят желанием мне подгадить. Против меня плетут интриги, распускают сплетни, устраивают провокации...

— Товарищ Ягода, это не личное дело. Это вопрос огромной государственной важности. Вы делаете дело, которое не по силам никому другому. Мы вас в обиду не дадим. Сплетням не поверим. Клевету отметем. Клеветников расстреляем. Идите и спокойно работайте. Желаю успехов.

Змеед на связь вышел: товарищ Холованов, заberi из Китай-города. Только не один я, двое нас.

Это просто. Не на мотоциклетке самому ехать, а позволить кому следует, машину выслать.

Привез Змеед с собой шпаненка какого-то. Представил: Людмила Павловна, для своих — Люська.

Есть свободная каюта и для Люськи. Только одежды нет женской. Да ей, стриженной, и ни к чему. Лучше пока — под мальчика. Вот тельняга. Великовата, правда, будет немного. Вот бушлат. Рукава подвернуть. И штанины тоже. Вот и молодцом. Теперь к столу. Угощай, капитан.

Четверо за столом: Дракон, Сей Сеич, Змеед и Люська-Сыроежка.

Угощение простое: дюжина бутылок пива в бадье со льдом, хлеба черного краюха, воблы сушеной связка, огурцов и помидоров миска железная, колбасы непрогрызаемой палка полуметровая. Такой палкой хоть гвозди в стенку вбивать, хоть разгонять демонстрации. Даром что все у нас теперь согласные.

На завтра суп будет с фасолью и картошка жареная. А сегодня извиняйте — сухой паек. Гостей не ждали.

Переглянулись гости: вроде и так сойдет. И вдруг вспомнили все, что не ели сегодня ничего. Навалились. Колбасу сгрызли до самой веревочки. Ну и пива немного отведали.

Теперь к делу.

— Что у тебя, Змеед?

— Да вот портфельчик какой-то Людмил Пална нашла. Может быть, интересно будет. Тут что-то про добычу какого-то металла на Колыме. Какого именно, не сказано. Не знаю, что уж там за металл такой добывают.

— Посмотрим. А где нашла?

— Да так, в мусоре валялся.

— Ладно. Открывай.

Змеед замками щелкнул, содержимое на стол вывалил: бумаги, бумаги, бумаги. В бумагах — цифры, цифры, цифры. Если портфель с Колымы, с Дальстроя, то цифры могут означать расходы, затраты, добычу. Если посидеть, подумать, помозговать, можно и разобраться. Разберемся.

— Что у тебя, Людмила Павловна?

— Пока ничего.

— А потом?

— А потом посмотрим.

3

Ходыньское поле — это совсем недалеко от Кремля. На Ходынке — Центральный аэродром Москвы. Как следует из названия, Центральный аэродром — почти в центре столицы нашей великой Родины и всего мирового пролетариата. Вокруг — авиационные заводы и конструкторские бюро.

Сегодня на Ходынке — не только самолеты, но и планеры, танки, пушки, броневые автомобили, пулеметы, парашюты, инженерные машины, морские орудия, мины, торпеды, средства связи и сигнализации, приборы управления огнем, образцы формы одежды для жарких районов и для Заполярья, бетонобойные снаряды, маскировочные сети, оптика, переправочные средства, аэростаты заграждения, зенитные прожекторы, артиллерийские тягачи, огнеметы и прочее и прочее. Сегодня показ новейшей боевой техники. Показ Сталину.

Показывают не только то, что есть, но и то, что будет.

Невидимый самолет! Будет создан почти полностью из прозрачного материала. Видимым остаются только пилот, двигатель, винт и пулеметы, но и их прикроем зеркалами.

Проект сверхтяжелого танка прорыва. 300 тонн! Собирается из трех секций, каждая из которых может передвигаться самостоятельно.

Автожир! Самолет с огромным горизонтальным винтом. Способен взлетать почти вертикально вверх. Ему не нужны аэродромы.

А вот то, что уже есть и действует.

Звукоуловитель ЗУР-4, обнаруживает появление вражеского самолета за горизонтом!

Самолет-звено. Огромный бомбардировщик ТБ-3, под крыльями подвешены два истребителя И-16. У каждого истребителя — по две 250-килограммовых бомбы. Бомбардировщик, действуя над морем, над малонаселенными территориями или ночью перед рассветом, доставляет истребители на огромное расстояние, сбрасывает их и возвращается. Истребители в глубоком пикировании внезапно появляются с максимальной высоты и наносят точечный удар по особо важной цели. Топлива на возвращение им хватит — они его почти не тратили на полет к цели.

Еще один ТБ-3 с подвешенным плавающим танком Т-37. Танк доставляют в тыл противника, со сверхмалой высоты бросают в озеро. А дальше он сам плывет к берегу, выползает на берег и громит врагов. Диверсантам и десанникам даже с самым легким танком куда веселее, чем без него. А действовать предстоит против важных, но уязвимых и ничем не защищенных целей. Какая защита у электростанций, нефтепроводов, линий электропередач, мостов и железнодорожных разъездов в глубоком вражеском тылу? А если все это защитить, то сколько дивизий с фронта снять надо?

Гвоздь программы — принятый на вооружение в прошлом 1935 году быстроходный танк БТ-7. У него пока клепаная цилиндрическая башня. Но уже разрабатывается новая, сварная коническая. У этого танка самый мощный в

мире танковый двигатель — 500 лошадиных сил! Сбросив гусеницы, он может развивать по автострадам огромную скорость. Жаль, нет у нас автострад. Зато у нас есть взлетно-посадочная полоса Центрального аэродрома! Есть где потенциал демонстрировать.

Замер танк на старте. Замер аэродром. Взревела броневая машина и, рванув с места, проскочила всю взлетную полосу в клубах бензиновой гари. На том конце развернулся удалец-водитель, не тормозя, так, что с диким визгом понесло машину-красавицу кормой вперед. Выровнял водила танк, обуздал, как жеребца привередливого, и вновь разогнался чуть не до скорости самолетной. Тут и взлетной полосе конец. Ударил добрый молодец по тормозам, замерли катки опорные, но танк как по льду еще порядком по бетонке пронесло, черным следом взлетную полосу изукрашив. Аж дым из колес! Замер танк у самых ног товарища Сталина. Распахнул лобовые люки чумазый водитель. Весь улыбкой цветет. Товарищ Сталин — к нему Руку жмет, обнимает: молодец! Ах, молодец!

А на очереди самолеты. Дальний бомбардировщик. ДБ. Красив, зараза. Ух, красив.

— На полный радиус до Берлина дотянем?

— Дотянем, товарищ Сталин!

— А до Рура?

— И до Рура, товарищ Сталин!

— Только машину до серии довести надо. До ума. Нам бы испытания скорее завершить.

— Завершим, товарищ Сталин!

— Сколько осталось?

— Четыре месяца, товарищ Сталин!

— А за месяц нельзя?

— Нельзя, товарищ Сталин.

— Почему нельзя?

— Физические возможности, товарищ Сталин. Лет-

чик-испытатель под нагрузками нечеловеческими работает. Каждый полет — риск смертельный. Не знаешь, когда гробанешься. Садись после трех часов полета — руки дрожат, зубы стучат. Вылез из кабины, на траву валишься — ноги не держат. Три дня после полета в себя приходишь. Трясет в полете. Ух, трясет. Двигатели то на взлете откажут, то в воздухе горят. Первый экипаж испытателей схоронили — правое крыло в полете отвалилось.

— А если постараться, ну не за месяц, а за два можно завершить?

— Нет, товарищ Сталин. Выше человеческих возможностей. Рождение машины — это как рождение человека. Не говорим же мы женщине: ну-ка постарайся да и роди побыстрее. Если постарается, получится у нее? Недоноска, понятно, можно произвести. Или мертворожденную машину...

— Хорошо, не за два месяца, а за три можно испытания закончить?

— Не от нас зависит, товарищ Сталин. Сколько ни пытайся, через пропасть не прыгнешь. Не заложена такая возможность в человека.

— Ладно, — сказал товарищ Сталин. — Ладно.

И вдруг тему сменил:

— А сколько летчик за полный цикл испытаний получает?

— Двадцать пять тысяч, товарищ Сталин.

Ничего на это не сказал товарищ Сталин, только подбородком повел, выражая мысль нехитрую: ого!

И летчики-испытатели ничего не сказали, видом сожаление выразив: не за зря деньги казенные проедаем, к тридцати годам седые все, и сколько нашего брата-испытателя по инвалидности списано, сколько навек к кроватям приковано, сколько нас обгорелыми мордами девок отпугивает, детей до плача доводит, а еще больше по кладбищам нашего брата покоится.

— Ладно, — повторил товарищ Сталин. Руки пожал, успеха пожелал и пошел к грузовому десантному планеру конструктора Гороховского.

И вдруг обернулся:

— А если за полный цикл испытаний по сто тысяч платить?

— Ха! — сказали испытатели разом, — Ха! Да за сто тыщ мы ее, товарищ Сталин, за три недели!

— Не надо за три недели. Посоветуйтесь между собой. За месяц сделаете?

— Не надо нам советоваться, товарищ Сталин! Три недели! Слово коммунистов!

4

Повеселел товарищ Сталин, от дальнего бомбардировщика отходя. Тут, ловя момент, из-за плеча Холованов образовался:

— На Ягоду серьезный материал. Золото на Колыме ворует.

Помолчал Сталин, в землю глядя, повернулся к Холованову и ответил так тихо, чтобы даже и загоризонтный звукоуловитель расслышать не смог бы:

— Ягоду не трогать. Слухам и сплетням не верить.

Выждал Сталин минуту:

— Вам, товарищ Холованов, повторить? Повторю: любую работу против Ягоды прекратить.

5

Ягода Генрих Григорьевич сегодня тоже на показе присутствует. На другом. Показ на даче НКВД в Коммунарке.

Отчет держат художники-модельеры. Новая форма для командного состава НКВД! Картинки в полный рост человеческий по стенам развешаны. Тут тебе и рабочая форма, и повседневная, и парадная для строя, и парадно-выходная. Зимняя и летняя.

Но не только картинки тут. Есть и образцы в натуре. Одеты добры молодцы в гимнастерки, мундиры, шинели. Вытянулись, как екатерининские гренадеры на плац-параде. Одно дело — картинка, другое — человек живой. Придирчив Железный Генрих. К каждому образцу присматривается, рукой трогает, в детали вникает, со специалистами совет держит.

А гимнастерки — белые с синими кантами. И синие — с малиновыми. Есть пепельного цвета, с алой отделкой. Мундиры — стального отлива, еще какого-то, словами не выразимого, есть — цвета морской волны. Один совершенно замечательный: черный с белыми кантами. И фуражка такая же. Фуражек выбор небывалый: белый околыш — малиновый верх, краповый околыш — синий верх. Всех не упомнишь. Выбирай, Генрих Григорьевич! Глаза-то разбегаются? То-то!

Тюремным надзирателям — одно, конвойным войскам — другое, охране лагерей — третье, пограничникам — отдельно. Погранцам — черный бархатный околыш на фуражках и зеленый верх.

Государственная безопасность — статья особая, это каждому ясно. Это высшая каста. А в ней — верховные жрецы безопасности. Вот необычная форма для самого главного руководства. Для комиссаров Государственной безопасности. Их у Железного Генриха на весь Советский Союз — 41 человек: 20 комиссаров 3-го ранга, 13 — 2-го ранга, 7 — 1-го ранга. Над ними — Генеральный комиссар Государственной безопасности товарищ Ягода. Он, понятно, в единственном числе.

Комиссары Госбезопасности — эти люди с умными, чуть усталыми глазами. Они берегут страну от врагов. Этим людям особый почет, особая форма: белый тончайшей шерсти мундир на синей шелковой подкладке, синие брюки с голубыми кантами, лакированные туфли, на рукаве — маленький золотой меч в зеленом лавровом венке, на левом боку — вороненый Златоустовской стали кортик в золотой оправе, рукоять — слоновой кости! Знаки различия — ромбики и звезды в петлицах — можно было бы из каких-то красных самоцветных камушков выточить, а лавровый венок на рукаве изумрудами выстелить... Ну это не для всех. Это для самых-самых.

Секретарь НКВД старший майор Государственной безопасности Павел Петрович Буланов цветет. Умел сукин сын шефу угодить. Под контролем Буланова модельеры сделали все как надо и раньше срока. Теперь — только лучшее выбрать и утвердить.

Как же ладно на молодцах форма сидит! Все они из особой роты. Сегодня в Коммунарке одно только отделение из четвертого взвода. Роту эту Железный Генрих сам формировал. Каждого лично выбирал из тысяч кандидатов. Она вообще-то и не рота даже. Это только так называется — рота. Если же присмотреться... В каждом отделении — 15 бойцов с винтовками, гранатами, револьверами и ручным пулеметом ДП. Во взводе — пять отделений, да командир с заместителем, да пара снайперов. В роте — четыре взвода, да управление, администрация, радисты, санчасть, тылы, пулеметная команда, автотранспортное отделение... Все в роте рослые, все плечистые, все спортсмены. Дисциплина зверская, подготовка — жестокая: стрельба из всех видов оружия, рукопашный бой, метание гранат на дальность и точность, штурмовая полоса, марши с полной выкладкой чуть ли не сутками, вождение машин и мотоциклов, подрывное дело и еще много всего. Главное — готовность к

подвигу. Бегают, прыгают, ползают эти ребята только под настоящим пулеметным огнем, между настоящими разрывами гранат, бьются в запертой камере с настоящими уголовниками — и не на жизнь, а насмерть. Буланов Павел Петрович идею подкинул: почему бы витезей наших на исполнениях приговоров не использовать, почему бы приговоренных к смерти не забивать ногами, палками резиновыми, прутьями железными, вырабатывая у бойцов особой роты здоровую злость и ярость. Доложили Павлу Петровичу: в Лефортовском следственном изоляторе подручный исполнителя ударом кастета в переносицу убил врага народа Смирнова, приговоренного по первой категории. Буланов эту новость тут же Генриху донес.

Поинтересовался Железный Генрих: кто этот подручный?

Ответил Буланов: да это же Змеед! Вот бы опыт его в воспитательных целях использовать для ребят наших!

Согласился Генрих: опыт распространить! Приговоренных по первой категории использовать в качестве учебного материала для развития и укрепления боевого духа особой роты.

А Змееда наградить и возвысить.

6

На прогулочном пароходе профсоюза Главспецремстроя — производственное совещание. Два дня и две ночи разбирали бумаги, на счетах костяшками стучали, в тетрадках цифры писали и зачеркивали, прибавляли, отнимали, множили, делили, снова писали, снова черкали, считали и пересчитывали. Одна только Люська от этого дела увернуться пыталась: мол, малограмотная. Села в уголке, достала карт колоду, тасует, тасует, а потом — р-р-раз, и не глядя

выдернет из колоды один за другим четыре туза. Захочет даму пиковую достать — достанет. Только скажи ей, какая карта нужна, она ее тут же на стол метнет. Талантливая девочка. Только не поверил Дракон, что малограмотная. В каком году из колхоза сбежала? В 33-м? Значит, четыре класса есть. Ну-ка, садись рядом, вот бумаг тебе пачка — разберешься, доложишь!

Так все вместе и разбирались. Одни и те же бумаги через каждого прошли: сначала ты посмотри, может, заметишь что, потом я хозяйским взглядом оценю, потом Сей Сеичу передам, у него глаз острый, может, что приметит. Долго работали, до зеленых чертиков в глазах, до того, что столбики цифр в бумагах поплыли.

И к чему же пришли?

Пришли к тому, что все тут правильно. По каждому колымскому прииску, по каждой шахте золотоносной, по каждому участку добычи все сходится без обмана и плутовства.

Ясно, что много золота разворовывается. Но это по мелочам. Говорит, допустим, отощавший враг вертухаю: ты мне хлебца буханку, да чтоб настоящего, без опилок, а я тебе — горсть песчинок золотых. А за кусок сала — самородок. Кто устоит?

С этим бороться трудно. И даже невозможно. Дураку понятно: половина колымского золота крупными и тонкими ручейками налево уходит. Оно и ничего. Иначе все враги там давно бы с голоду передохли до прихода новых этапов, и вся добыча заглохла бы, замерла. Но как украсть много золота? На каждом рабочем участке контроль многослойный. Стукачи среди зэков, стукачи среди вольных, стукачи среди вертухаев и администрации. Стукачи везде. Стукачи докладывают куму. Стукачи докладывают на кума вышестоящему куму. Стукачи еще более достойного кума докладывают на стукачей нижестоящего. А стукачи нижестоящего — на вышестоящего. Сам начальник Даль-

строю товарищ Берзин и все его замы стукачами обложены. Вся их обслуга — адъютанты, телохранители, водители, личные пилоты и повара, парикмахеры и банщики, массажисты и шифровальщики, учителя и гувернантки их детей — завербованы какими-то контрольными органами и усердно стучат. Упорства стукачам не занимать. Упорства у них — как у дятлов сибирских. Стук над тайгой. Стук перекрестный, стук несмолкаемый и всепобеждающий.

И все начальники знают: они под прицелом. Точно как те хохочущие делегаты Съезда победителей под сталинским прищуром сквозь снайперскую оптику.

— Как же в этой ситуации украсть ну хотя бы одну тонну золота? По мелочам — пожалуйста. Но если крупной партией, то об этом узнают сразу в разных ведомствах и на разных уровнях.

— Может, Дракон, не воруют там крупными партиями? Вот и по документам все сходится. Нет тут нестыковок. Отчет по каждому участку добычи. Все, что на участке однажды учтено, затем проходит по всем сводкам. Все до грамма. Никаких расхождений.

— Дракон, можно словечко?

— Говори, Людмил Пална.

— Дракон, а как бы ты сам на месте начальника Дальстроя товарища Берзина воровство крупных партией организовал?

— Не знаю. Проблема в том, что стукачи работают на разные враждующие между собой ведомства. В любой момент с любой стороны контролеры и ревизоры подкатить могут. Из Совнаркома, из Наркомата госконтроля, из ГУГБ, из Главзолота. Да и сам товарищ Сталин не дремлет. Не может же он столь важное государственное дело без личного контроля оставить. Стукач всегда может быть прямо рядом с тобой. И как знать, на кого он работает. Никто ни на кого положиться не может.

— Я бы и в этой ситуации украла.

— Как?

— Да очень просто. У нас в тридцать третьем году все соседние села людоедством от голода спасались. А мы без этого обошлись. Потому как председатель был не дурак. Еще в тридцатом году, когда всех в колхоз сгоняли, он уже сообразил, что из этого выйдет. Он еще в то время сунул кому следует, чтобы в бумагах описочка закралась. Потому у нас в колхозе неучтенные гектары были, и две неучтенные коровы в стаде. Если начальник Дальстроя не дурнее нашего председателя, то и у него неучтенный участок добычи должен быть.

— Ах ты, умница моя! Дай же я тебя расцелую! А ведь и вправду система воровства может быть до смешного простой. Начальнику Дальстроя надо иметь всего одного верного счетовода, повязанного с ним одним преступлением. А доставку пусть сам Ягода обеспечивает. Несколько групп курьеров. Одна группа может другую и не знать. Все курьеры когда-то на чем-то попались, потому докладывать Сталину не побегут. Потому стукачей среди нет.

Сей Сеич кучу бумаг в сторону двинул.

— И как механизм работает?

— Просто. Все участки добычи пронизаны стукачеством. И пусть. Все участки, все шахты, все прииски сдают отчетность. И там все сходится. В Москву начальник Дальстроя отправляет всю документацию на все участки — кроме одного. Ну-ка, посчитаем, сколько всего участков добычи золота на Колыме, потом посчитаем, на сколько участков отчетность представлена.

Это с каждым из нас случалось: поймешь простую вещь, и тут же всю ситуацию видишь совсем в ином свете, и каждая деталь, каждое событие вдруг приобретают совершенно иной смысл. Казалось бы, почему бы всем участникам добычи золота не присвоить особые номера, почему бы

их не выделить в отдельный список? Так нет же. Охраняемых объектов, лагерных и промышленных зон, участков и лаготделений на Колыме великое множество. Но только малая часть прямо вовлечена в добычу золота. Остальные обеспечивают выполнение главной задачи: рубят просеки, прокладывают пути, валят лес, возводят поселки, города, лагеря и лаготделения, водокачки и электростанции, копают уголь для нужд Дальстроя, тянут проволоку колючую, возносят в небо линии электропередач и сторожевые вышки, сколачивают склады, бараки для эков и дома для вертухаев, разгружают пароходы. И все эти охраняемые объекты в единый список сведены. А ведь неспроста. Участки добычи среди тысяч других охраняемых объектов как в толпе затерялись.

— Ну что, счетоводы, сделаем дело, которое начальник Дальстроя почему-то делать не стал?

— Сделаем!

— Давайте из всех охраняемых объектов выделим в отдельный список те, которые непосредственно заняты добычей золота.

Сели снова, список охраняемых объектов просеяли, точно как старатель, который из песка золотые крупинки выбирает.

И насчитали, что на Колыме 205 участков добычи.

— А на сколько участков представлены отчеты?

— На 204.

— И какой участок пропущен?

— Малый Хабадан.

Все так просто. Чем проще, тем надежнее. Малый Хабадан — нормальный участок добычи. Такой как все. Там идет такая же работа, как и на всех остальных участках, шахтах и приисках. Там процветает такое же мелкое воровство, как и везде. Этот участок так же пронизан стукачами и сексотами. Все, что там добыто и учтено, поступа-

ет в управление Дальстроя в Магадане. Да только в общей статистике продукция Малого Хабадана не отражена. А отчетность по двум сотням остальных приисков, шахт и участков сходится до грамма. Людей на Колыме — сотни тысяч. А вообще-то — миллионы. Только пока одних пригонят, остальные уж вымерли. Работа кипит. Отчетность — вагонами. Потому пропустить в потоке бумаг рапорт по одному из многих участков добычи очень даже легко.

— Все мне теперь ясно. Только на обложке синей тетради вот эти каракули непонятны: X — 30, В — 12, X — 27.

— Это, Дракон, проще всего, — Сей Сеич рассудил. — Где у нас большие числа предшествуют малым? Правильно: в календаре. С Колымы — два пути: в порт Ванино и в Находку. Из Находки путь в Москву через Владивосток. А из Ванино через Хабаровск. «X» — это поезд «Хабаровск — Москва». «В» — «Владивосток — Москва». Цифры, надо полагать, — даты прибытия поездов в Москву.

— Значит, курьеры в поезде из Хабаровска будут в Москве 30 августа. Так?

— Думаю, так.

— А это — послезавтра. Если они действуют по единой схеме, то двое с грузом должны послезавтра высадиться в Ярославле, не доезжая до Москвы. А третий налегке едет в Москву, тут его встретят, вместе с ним на машине понесутся в Ярославль за гонцами и товаром. Так?

— Вроде так.

— Схему доставки Ягода изменить не успел: курьеры уже в пути, и давно, а связь с ними незачем держать. Да и нужды нет схему менять. Пропал один курьер в Москве, но эта пропажа вовсе не означает, что вся цепочка не годится для доставки. Что делать будем, Змеесед?

— Перехватим товар.

— Как?

— Просто. Рубану угол. Чемодан, по-вашему. На бану-

бан-бану, на бану́-бано́чке чемоданчик рубану, и спасибо ночке.

— Поезд днем приходит.

— А в чем разница? Люська, ты мне лопухов на хвосты поставишь, пойдешь завлекалкой-отвлекалкой. Товарищ Холованов, только Людмил Палну нарядить надо и разукрасить.

— Нарядим. Разукрасим. У меня в Большом театре свои люди. Только как, Змеед, ты курьеров узнаешь?

— Они явно в вагоне № 6. Это всегда лучший вагон. Проводник открывает ту дверь, которая ближе к голове поезда. Встану у того самого места, где вагон остановится.

— Как же ты узнаешь место, где он останавливается?

— Ты, товарищ Холованов, простых вещей не секёшь. Смотреть надо, где на рельсах окурки густо набросаны. Это место сцепки вагонов. А чуть левее будет дверь.

— А потом?

— Ярославль — последняя остановка перед Москвой. Народу в Ярославле выйдет совсем немного. Это же не пригородная электричка. Это поезд очень дальнего следования. Люди издалека едут в Москву или через Москву еще дальше. Кто же из Сибири, с Дальнего Востока, с Колымы в Ярославле сходить будет? Так что сходящих — немного. Курьеров в поезде — трое. Значит, три чемодана. Им лишнего не надо, но и малым не обойдешься. И один чемодан с товаром. Он может быть таким же по размеру, но может быть и меньше. Но он очень тяжелый. С легким нет смысла людей гонять туда-сюда. Итак, выходят два мужика с четырьмя чемоданами. Третий, который дальше в Москву едет, им обязательно поможет. И еще: они вооружены. И это может быть заметно, если дождя не будет, если они не в плащах.

— Ладно, хорошо, ты их узнал и сообразил, какой из чемоданов надо тяпнуть. Но как, укрыв тяжеленный чемодан

на почти пустом перроне, будешь убегать от троих вооруженных мужиков?

Рассмеялся Змеед. Люське подмигивает. И та от смеха заходится.

— Никуда, товарищ Холованов, угол рубанув, убегать не надо. Я на месте стоять буду. Я буду им улыбаться нагло. Так, Люська?

— Так, Змеед.

— Хорошо. Вам из погреба виднее. Только у нас, братцы, проблема. И очень большая.

— Ив чем же, товарищ Холованов, проблема?

— В том проблема, что золото везут товарищу Ягоде, а товарищ Сталин строго настроено запретил любую работу против товарища Ягоды. Если перехватим, мы станем не только врагами Ягоды, но и самого Сталина.

— Почему Сталин против Ягоды работать не разрешает?

— Это я вам потом растолкую. Но дело обстоит именно так: мы станем врагами и Ягоды, и Сталина. Что делать будем?

— Будем, товарищ Холованов, работать. Выхода нет. Иначе нас Ягода все равно по одному передушит.

7

Завершился показ новой формы. Доволен товарищ Ягода. Выходят молодцы строевым шагом.

Буланов Павел Петрович улыбнулся Железному Генриху и вроде даже и подмигнул:

— Лейб-кампания.

Железный Генрих шутку оценил. Улыбнулся и повторил:

— Лейб-кампания.

ГЛАВА 9

1

— **Д**ождь будет. И очень сильный.
— Почему, Змееед, так думаешь?

— А ты, товарищ Холованов, в небо посмотри. Облака на горы и башни похожи.

— И что?

— А то, что врежет.

— Ладно, предсказатель, посмотрим, на что способен.

К делу готов?

— Готов.

— Люсь, завлекалка-отвлекалка, готова?

— Готова.

— Иди, Змееед, первым.

2

Ярославль — это место, в котором веками вершилась великая история Земли Русской. Тут люди жили всегда. За тысячи лет до того, как Ярослав Мудрый в 1010 году заложил на берегу Волги город своего имени. Символ Ярославля — медведь с золотой секирой в лапе. Медведь — это не просто

сила, но сила в единстве с осторожностью, предусмотрительностью, хитростью.

Нас с вами занесла нелегкая в славный город Ярославль в 6 часов 19 минут хмурого утра 30 августа 1936 года, прямо на вокзал станции Ярославль-Главный. От Ярославля-Главного до Северного вокзала Москвы 282 километра. Это последняя остановка курьерских поездов, идущих в Москву с Урала, Сибири, Дальнего Востока. Нас угораздило тут оказаться в тот самый момент, когда, прогремев по мосту через Волгу, к третьей платформе плавно подкатывает курьерский поезд «Хабаровск — Москва». Курьерские от обыкновенных пассажирских отличаются тем, что идут с огромной скоростью, делая остановки только в больших городах. Расписание составляют так, чтобы все остальные поезда — товарные, пассажирские, арестантские, почтовые, пригородные — уступали путь курьерским.

На станции Ярославль-Главный 39 путей и четыре платформы — одна высокая боковая и три островных.

Курьерские поезда, идущие от Москвы, Ярославль-Главный принимает на первый путь, идущие в Москву, — на четвертый и пятый пути. Это третья высокая островная платформа.

Прямо скажу — не велика радость после бессонной ночи оказаться ранним утром на пустой, продуваемой всеми ветрами платформе. У вас, где-нибудь в теплых широтах, в конце августа — лето. А в Ярославле — осень шелестящая, морозящая, сквозняковая. Холодно, мокро, противно. Тучи над Ярославлем водой перегружены, за верхушки столбов цепляются. Они не плывут, не скользят, не бегут. Они висят на месте, словно аэростаты заграждения, закрывая небо от края до края.

На третьей платформе Змееда в этот час не оказалось. Не знаю, почему. Может, план изменил, может, вовсе от него отрекся. Согласимся: непростое это занятие — спе-

реть тяжеленный чемодан килограммов на тридцать, а то и больше, на платформе, спереть не у зазевавшейся сдобной удовлетворенной бабенки, вернувшейся из сладостного отпуска на черноморских берегах, спереть надо у двух, а то и трех вооруженных чекистов, которые головами отвечают за сохранность груза. Хорошо в толпе угол рубануть, в суматохе, а как спереть, если на платформе только дежурный со свистком в зубах, один-единственный, зевающий во весь рот, носильщик с тележкой да редкие совсем пассажиры. Вон там один. И вон еще. Хорошо бы спереть на первой платформе — тут в здание вокзала юркнуть можно да на привокзальную площадь. А как спереть на островной платформе? С нее путь только через громяхающий железный мост, который над путями навис, с тучами сцепившись. Поди, потаскай такую тяжесть по ступеням вверх к серому небу, а потом вниз к такой же серой земле. Можно бы под стоящие эшелоны нырнуть. Но все пути, от первого до десятого, сегодня пусты. А все начиная с одиннадцатого эшелонами забиты. Так ты ж попробуй до них добеги! С третьей платформы прыгнув, два пути надо пересечь, на четвертую платформу взобраться, пересечь ее, соскочить... И все это на открытом месте. Окажись милиционер рядом, пальнуть может в воздух. Может и в загравок. Да и чекисты, хоть и наряжены в гражданских, тоже вооружены. Милиционера ждать не будут — изрешетят. Кроме того, вот прямо сейчас на пятый путь выкатывает «Хабаровск — Москва», отсекая дорогу к тем дальним эшелонам.

Скрипнул тормозами курьерский из Хабаровска, плавно замер. Проводник шестого вагона дверь распахнул, выпускает тех, кто сходит в Ярославле. Их только двое. С чепухом чемоданами. Третий их попутчик дальше едет до самой Москвы. Он помогает чемоданы вынести на платформу. Загораживая проход, в вагон лезет небритый, вонючий, веревкой подпоясанный субъект с огромным, не-

подъемным самодельным фанерным чемоданом, явно «Made in GULAG»:

— На Арзамас?

— Нет, это поезд в Москву.

— А мне на Арзамас!

— Значит, не сюда!

— А где на Арзамас?

— Да пошел ты...

Вытолкнул проводник субъекта из тамбура. Помог гражданам чемоданы на платформу вытащить. (Уж больно щедро всю дорогу эти граждане услуги проводника вознаграждали.)

К шестому вагону уже спешит носильщик в фартуке, с блямбой на груди, с тачкой о двух колесиках.

В этот самый момент и появилась возле группы граждан девушка лет шестнадцати. Одета по моде. Аромат духов заграничных. Лицо симпатичное, в чем-то — немного совсем — порочное. Не уловишь, в чем именно. Глаза — два тихих глубоких омута, в которых известно кто водится. Во всей Европе и в Америке мода последняя требует от женщин и девушек коротко волосы стричь. Но наша шалунья в этом вопросе требований моды не соблюдает. Да и жалко было бы роскошь эту ножницами кромать: волосы ее — густая, пышная, чуть небрежная копна, с прядкой через лоб. То ли папу-начальника девочка встречает, то ли большого дядю-покровителя. Ух, аппетитна. Так бы и скушал ее. С косточками. Сыроежка — ни дать, ни взять. Остановилась. Капризно папироску с золотым ободком к губам поднесла. (Некому малолетнюю по заднице драть за курение!) Трое мигом сунули руки в карманы. Три огонька зажигалок разом перед нею вспыхнули. Каждому в глаза она внимательно посмотрела, выбирая, от какой зажигалки прикурить. Улыбнулась, как бы извиняясь: не могу же от всех трех сразу! Выбрала один огонек, потянула в себя,

раскуривая, затянулась, струйку дыма картинно пустив над собою. И пошла мимо, чуть покачивая изящной кормой. Вдохнули трое мужиков, за долгий путь по радостям жизни истосковавшись.

И обернулись к своим чемоданам. И взвизгнули все трое разом. Аккуратный чемоданчик, тот, который поменьше, но тяжелее остальных, пропал. Просто вот так — взял и пропал.

Первый порыв: проклятая девчонка!

И заорали все вдруг. И смолкли. Обернулась она удивленно. Нет в ее руках ничего, кроме папироски с золотым ободком. Да и не подняла бы она тот чемодан!

И тогда все трое обернулись к проводнику: где чемодан, падла!? Но проводник — в дверях вагона. В тамбуре. В метре от них. Если бы и прыгнул к ним незаметно, если бы и отпрыгнул назад с тяжеленным чемоданом в руке, то рядом с ним в тамбуре сейчас должен быть чемодан. Но нет его. И тогда все трое враз обернулись к вонючему, веревкой подпоясанному типу. Он тоже рядом. Выпихнули его только что из тамбура, объяснив, что поезд этот совсем не в Арзамас идет. Так он и стоит, рот раззявив, с немым вопросом на глупой небритой харе: так где же на Арзамас?

Смотреть на него противно. Воротит от мерзкого вида. До рвоты. На нем грязный, рваный тюремный ватник, явно вшивый. Смерд от него — словно помойка ходячая. Чемодан его фанерный тяжеленный весь веревками перевязан, два ржавых висячих замка на нем, ручка — из веревок растрепанных, лохматая вся, вроде той собаки, у которой под шерстью и глаз не видно.

Выхватил пассажир, тот, который до Москвы ехать должен, аккуратный маленький заграничный пистолетик: убью к чертовой матери!

Тип придурковатый глазами моргает: я тут при чем? Мой чемодан заберите, граждане хорошие, только меня

не трогайте. Последнее с себя сниму, если у вас нужда. Вот сапоги кирзовые, вконец, правда, стоптанные. И портянки снимать?

Девушка та подбежала: что за шум?

Ее отшили вежливо: цыц, лахудра! Вали кулем, ноги выдернем!

Обиделась девушка, губы надула, отошла надменно.

Двое пассажиров, те, которым в Ярославле сходить, глазами платформу обшарили. Но пусто кругом. Верьте на слово: пусто там было, противно и мокро. Хляби небесные разверзлись, мелким дождиком лица секли.

Тот, с пистолетом который, в тамбур заглянул. Но нет там чемодана. Под вагон завалился? Да не мог он туда завалиться. Платформа высокая, между бортом вагона и стенкой платформы окурки не пролетит. Только туда окурки и валяются, где вагонов сцепка. Но и там чемодана нет.

Тут одного осенило: да не выносили мы его из купе! И туда понесся, проводника от двери отшвырнув. Начальник поезда появился, зевая, глаза протирая, мундир на ходу застегивая. Следом за ним — тот пассажир, только что идеей спасительной озаренный, а теперь словно телегой раздавленный: нет чемодана в вагоне. Нет!!!

Но это и так ясно было. Все помнят, что тот самый чемодан из вагона вы-нес-ли. Тут он должен быть!

— Документ, — орет пассажир с пистолетом. — Документ!

Полез вонючий субъект за пазуху, оголив грудь в картинках синих, минимум пару лет не мытую. Долго разные штуки из кармана в карман перекаладывал, силясь найти то, что требовалось. В недрах его штанов, рубаш и ватника оказался когда-то красный, а теперь неясного цвета кисет с махоркой, зажигалка из вертухайской гильзы, два куса сахара, черных от грязи, луковица, наполовину сгрызенная, колода карт с бабами голыми, настолько замусоленная,

что бабы те только по очертаниям угадываются. Наконец нашел и требуемый документ — вчетверо сложенный, на сгибах потертый, раньше белый, а теперь серый с желтыми подтеками и разводами потрепанный лист.

Из документа с расплывшейся фиолетовой печатью и подписью заместителя начальника ГУЛАГа, начальника Дмитлага НКВД СССР старшего майора Государственной безопасности товарища С. Фирина, следовало, что гражданин Свинарченко Паисий Евлампиевич освобожден из учреждения ФК 15/5 по окончании срока заключения. Справка удостоверяла, что гражданин Свинарченко, осужденный по статье 153, самой пакостной во всем УК-26, срок отбыл от звонка до звонка, и выдана бумага сия администрацией учреждения для предъявления в местные органы власти, иначе новый паспорт не дадут.

— Групповое изнасилование?

— Не виноватый я, — завопил гражданин Свинарченко. — Она сама!

— Где, падла, чемодан?

— Да заберите мой! Не брал я вашего чемодана! Я вот с вам стою. — И заревел, грязной лапой слезы по небритой харе размазывая. — Опять в зону, да? Опять? Я же с вами стою! Опять, да?

Тут только и догадались трое на носильщика внимание обратить. Он давно подскочил, замер в позе «чего изволите». Все внимание на него: ты, гад? Разводит тот руками: обыщите граждане, может, я за пазуху ваш чемодан спрятал.

Самое тут мне время было бы сказать, что носильщик этот что-то видел и уж хотел было словечко молвить, но напоровшись на взгляд...

Но не скажу я вам, граждане, этого, ибо ни черта носильщик не видел. Стоял он смирно в почтительной позе, ожидая, когда доверят ему навьючить на горб и тащить на

себе груз. Не горел он желанием кому-то что-то сказать. И не пытался. И вовсе не потому, что на чей-то свинцовый взгляд напоролся. Не было того взгляда. Я вам прямо об этом заявляю.

Он просто понял, что происходит: работает залетный. А в таком деле по одному не работают. Рядом партнеры, хотя их и не видно. Молви словечко — повяжут мусора гастролера, но тем же днем от евойных партнеров пику в печень схлопочешь. Вокзал — он и есть вокзал. «Ван». А на бану и девушки непотребные промышляют, и щипачи по карманам шарят, и те работают, которые углы рубят. Носильщику в эти дела нос совать не рекомендовано. Меньше знаешь — лучше спишь. А берегущий язык да сбережет голову.

Так что и от носильщика проку нет. Молчит. И нет у него пропавшего чемодана. И ничего интересного он сообщить не способен, да и не желает говорить, если бы и было что сказать.

Звякнул тут колокол. Поплыл унылый звон над платформой.

Вы знаете, как раньше поезда отправлялись? Объясняю. Сначала три удара в колокол: дзинь, дзинь, дзинь. С расстановочкой. Потом долгий пронзительный свисток дежурного по станции. На боку у него вместо сумки — два цилиндра кожаных для флажков, желтого и красного. Это самые различные издали цвета. (А в темноте фонарь у него с красным и зеленым светом.) Желтые флажки не разворачивали никогда. Потому получалось, что это вроде и не флажок, а палочка в руке. Перед собою он ту палочку держит, давая знать, что все в полном порядке. Проводники на ступеньках вагонов застыли, желтыми флажками о порядке сообщая. Если у кого-то в одном вагоне что-то не так, он красный флажок развернет, и все остальные тут же его сигнал повторят, чтобы и машинисту, и дежурному по

станции видно было. Если же порядок везде, если только желтые флажки вверх, тогда гудит паровоз протяжно и потихоньку, как бы нехотя, отходит, тянет состав за собой, скорость набирая. Ради зазевавшихся на перроне машинист расписания нарушать не будет. Зазевавшиеся картины порядка не нарушают. Зазевавшиеся — не в счет, пусть догоняют. Пусть в следующий раз по первому звонку места занимают.

Отзвенел колокол, отсвистел дежурный, отгудел паровоз, и «Хабаровск — Москва» мягко и плавно, степенно, с достоинством, как курьерскому поезду и надлежит, тронулся.

Тот, с пистолетом, не вскочил, но влетел в тамбур, стопкран рванул. Не только проводника, но теперь еще и начальника поезда с пути своего отшвырнул. Заскрипел-заскрежетал курьерский, замер.

Тут уж начальник поезда власть употребил: да ты кто таков, со шпалером шастать? А какое у тебя право нарушать расписание? А штраф за такие дела знаешь какой? Я милицию вызываю, и не маши шпалером перед носом моим.

Пришлось красную корочку с мечом и щитом в нос ему сунуть: знай, собака, с кем дело имеешь, — ГУГБ НКВД СССР!

Двое с чемоданами на платформе тоже давно бы пистолеты свои выхватили, но понимают: милиция нагрянет, а скандал затевать ой как не хочется. Не рекомендовано внимание привлекать к себе и к грузу. Тем более — к пропавшему. Потому третьему, который в тамбуре, руками машут: тихо, не надо шума, отправляй!

Снова тронулся курьерский. На этот раз рывком, нервно как-то.

Мимо того пассажира в тамбуре, у которого удостоверение Государственной безопасности в одной руке и шпалер в другой, поплыла платформа с надписью золотыми

буквами «Ярославль-Главный», поплыли двое его товарищей с искривленными от ужаса и непонимания мордами, поплыла девчонка с папироской, носильщик с коляской своей, и тот, вонючий, веревкой подпоясанный. Рожа у него от слез чумазая. Губы от страха дрожат.

А глаза наглые.

3

Прошлый раз на Северном вокзале Москвы пропал курьер с Колымы. Его так никогда и не нашли. Поэтому на этот раз сделано все для того, чтобы курьер не пропал. На этот раз курьера ждут сразу две машины — если у одной лопнет колесо, есть вторая.

Вот и «Хабаровск — Москва». Торжественно и величаво курьерский поезд делает последнюю остановку в своем долгом на многие тысячи километров пути.

До самой Москвы пассажир из ГУГБ, потерявший чемодан в Ярославле, просидел в своем опустевшем купе, уставившись в одну точку.

Ознакомившись с содержанием небольшого алого удостоверения, умолк начальник поезда. И проводник тоже. Осмелились оба в девять утра в дверь стукнуть, поинтересоваться, не нужно ли чаю. Но были посланы...

Что все это происшествие означает? Куда пропасть мог чемодан? Куда?

Хорошая мысль приходит опосля. Девчонка явно отвлекала внимание. Надо же было ее тут же схватить за пышные волосья и затащить в вагон. Эта девчонка — ниточка! Отчего же мысль эта не пришла там, на перроне? Или же не надо было в поезд садиться! Надо было в Ярославле остаться и разбираться на месте. Нет! Нельзя было этого делать! Почему? Потому, что чемодан вот прямо сейчас может на-

ходиться в поезде. Если он мог вот так с платформы исчезнуть, то мог и в поезд вернуться.

А те два лоботряса, что в Ярославле остались, догадаются ли девчонку схватить? Сумеют ли с милицией объясниться, не привлекая внимания ко всему случившемуся?

И кто утащил чемодан? Носильщик? Или все-таки проводник? Или этот вонючий групповой изнаильщик? Ух, какие наглые глаза у того вонючего. Почему наглые? Да просто потому, что холопы всегда рады, когда пан в беде. Или все же он? Но куда он мог чемодан спрятать?

Мысль ищет спасения. Мысль уводит человека от горьких переживаний. Вот ведь — самый конец пути. Сдать груз, доложить, и — в Сандуны! Выпариться. Потом в ресторан шикарный! В «Арагви»! И к друзьям! К подругам! А отоспавшись — в театр, в кино. Какой фильм на экраны вышел! Называется «Цирк». Любовь Орлова и Сергей Столяров! Народ кинотеатры штурмом берет. Еще не дошел фильм до окраин, а песня из фильма уже и во Владивостоке, и в Хабаровске, и на Колыме звенит: «Широка страна моя родная, много в ней лесов, полей и рек, я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!»

В кино бы. В цирк бы. Да по подругам! Когда много денег в карманах, много и подруг. Только выбирай, какая слаще. А погуляв по Москве — в обратный путь. Две недели без забот и хлопот, сиди в окошко смотри, в карты играй да водочкой закусывай. То-то жизнь!

И вот все сорвалось. Что будет с нами? Что будет со мной? Расстреляет ведь Железный Генрих. Пришьет дело о шпионаже в пользу Гондураса. Может, застрелиться? Эх, страна моя, где так вольно... Эх, цирк! В цирке... В цирке... А ведь в цирке прячут что угодно. Прямо на арене, прямо под пристальными взглядами сотен пар глаз одновременно со всех направлений...

Что означает все это? Просто ворюга взял да и украл?

Тогда ведь ничего особо страшного. Золота на Колыме вон сколько. Следующая группа курьеров уже в пути, а за ней — еще и еще.

Но если это чья-то целенаправленная работа? Чья? Четыре часа горестных размышлений до Москвы. И никакого просвета. И никакой светлой мысли.

Тут и грянуло из всех динамиков: «Граждане пассажиры, наш поезд прибывает в столицу нашей великой Родины и всего мирового пролетариата город Москву!»

Гонец с Колымы решил пока в висок не стрелять. Авось пронесет.

— Здрасьте, Михал Борисыч, как доехали?

— Спасибо, хреново.

— Для поездки в Ярославль сразу две машины готовы.

— Не надо в Ярославль. Везите меня в Коммунарку, на дачу товарища Ягоды.

4

Я вам рассказал, что не было Змееда на третьей платформе станции Ярославль-Главный в момент пропажи чемодана. Это я ошибся. Обманулся. Обишурился. Маху дал. Считаю, настаиваю и всем рекомендую ошибки свои признавать немедленно и решительно. Не упорствуя в глупости. Начинаю с себя, беру свои слова обратно: был Змеед на той платформе в тот самый час. Просто я его не узнал. Он в Арзамас путь искал. Но Арзамас ему был вовсе не нужен. Нужно было угол рубануть. А потом нестись в Москву. И как можно быстрее. На то машина заграничная. «Форд» шестиместный. Водителем сам товарищ Холованов. Змеед с Люськой-Сыроежкой — пассажиры.

Но прежде, чем мчаться в Москву, надо себя в порядок привести, следы участия в хлопотном деле зачистить.

У Холованова заранее место выбрано — по течению Волги, ниже славного города Ярославля. Вырулил Дракон с дороги, в густом ивняке мотор заглушил. Снимай, Змееед, всю грязь с себя. Все тряпки — в чемодан фанерный. И ты, Люська, раздевайся. Жалко парик? Жалко. Роскошь-то какая. Такие в магазине не продаются. И наряд заграничный жалко? Ничего, жизнь дороже. Застукают с этими тряпками — не пожалеют. А в Большом театре все это добро правильные люди в конце года спишут.

Загрузили чемодан, Холованов еще что-то типа куска серого мыла хозяйственного внутрь сунул. Выплыли Змееед с Холовановым далеко на стремнину, за плывущий чемодан держась, как за плотик, и пустили его в дрейф по течению. Места тут дикие. Никого вокруг. Да и недолго тому чемодану плыть. Фукнуло тут что-то в недрах фанерных. Пламя клокочущее из всех щелей вырвалось. Вот и плыви да гори синим огнем.

Вымылся Змееед, Холованов машину внутри чем-то побрызгал, вонь тюремного ватника выветривая. А чемоданчик тот аккуратный тут? Тут он. Его голыми руками не трогать, только в перчатках. Пальчики-то снимем. Для истории увековечим!

А что внутри? Внутри фляги солдатские. Тяжеленные, вроде свинцовой дробью набиты. Золотые песчинки в бутылках возят. Но чтобы случаем бутылки не побились, лучше для этой цели фляги подходят. А в коробке — самородки комочками.

Тут и врезал дождь, Змееedom предсказанный, но все равно внезапный, густой, беспощадный, как артиллерийский обстрел. Капли шрапнелью ударили, ветровое стекло заливая потоками. Но все трое уже в машине. Все уже вымытые и просушенные. Разлил Дракон в три стопочки. Выпили за успех и рванули к Москве.

Гонцу, который принес плохую весть, во все времена принято было голову рубить. Оттого владыке как-то легче становилось. Сам гонец понятия не имел, что за весть везет. Он только гадал, что его ждет: золота горсть, соболья шуба с царского плеча или плаха с застывшими на морозе сосульками крови.

Незванный гонец, который без вызова и приглашения явился на дачу НКВД в Коммунарке, знал, что за весть он привез. Мало того, он не чью-то дурную новость доставил, но сам он — главный виновник. Надежда одна: повинную голову меч не сечет. Виноват, Генрих Григорьевич! Виноват! Виноват, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности.

А быть может, и не товарищем Железного Генриха величать теперь положено, а гражданином начальником?

Генрих Григорьевич Ягода никогда не кричал на подчиненных. Он знал, что криком делу не поможешь. Он слушал молча, изредка постукивая ногтем указательного пальца по зеркальному орехового дерева прямоугольнику крышки письменного стола, когда-то стоявшего в кабинете Александра Третьего.

Понимает гонец, что дело плохо. Так ведь он всего не знает. Он знает только, что прошляпил чемодан с золотым песком. Если бы только это! Золотого песка на Колыме немерено. Сколько хочешь намоют. Но в прошлый раз пропал курьер. Вырисовывается весьма неприятный узор. В одной группе курьеров пропадает старший с портфелем документов, пропадает бесследно, в следующей группе — пропадает груз. Значит, пропажа чемодана — не случайное воровство, а чья-то мастерская, заранее продуманная и тщательно подготовленная работа. Чья?

Колька Ежов, заморыш, мерзкий карлик, секретаришка

в Центральном Комитете, он, что ли? Или свои подсиживают? Дальстрой — часть ГУЛАГа. Начальник Дальстроя Берзин прямым путем снабжает Ягоду золотом, минуя начальника ГУЛАГа комиссара Государственной безопасности 3-го ранга Матвея Бермана. Если Берман пронюхал, то может воспользоваться случаем. Он давно перед Гуталином выслужится грезит.

Или работает кто-то выше рангом? Яшка Агранов! Первый зам Ягоды! Комиссар Государственной безопасности 1-го ранга! Неужели он? А ведь в подчинении Агранова ГУГБ. Это НКВД внутри НКВД. Агранов мог пронюхать. Может, поделиться с ним? Поделиться чем? Колымской добычей? Или планами на будущее? Так ведь Агранов на место Ягоды метит. И давно. С ним поделись, он Гуталину доложит и сам сядет в кресло наркома.

Ясно, что работает кто-то из ближайшего окружения. Не привыкать. Такую свинью Трилиссер в 1930 году подложил! А ведь был заместителем, гад ползучий!

Да, ситуация. Что делать? Что же делать? Первым делом остановить все поставки. Шифровку на Дальстрой: гонцов задержать и вернуть, больше пока не слать, быть готовым к появлению ревизоров. Это первое. А во-вторых, надо расчитать ход врага, хотя пока и не ясно, кто он.

Итак, кто-то — Ежов, Берман, Агранов, неважно кто, — каким-то образом вычислил схему, после этого украл гонца на Северном вокзале, где-то его спрятал, через него узнал даты прибытия следующих групп курьеров. Первая пропажа в Москве, вторая в Ярославле, третья, если логике следовать, будет где-то еще дальше от Москвы, вплоть до Хабаровска и Владивостока. Первый раз украден человек, второй раз — груз, в третий грядущий захват — возьмут всю группу.

Поднял глаза Железный Генрих и только теперь вспомнил, что перед ним уже давно, все доложив, молча вытя-

нулся начальник группы курьеров капитан Государственной безопасности Давыдов Михаил Борисович.

— Что делать будем, товарищ капитан Государственной безопасности?

— Не знаю, товарищ Генеральный комиссар.

— Будем анализировать ошибки. Какие ошибки вами допущены?

— Не задержал девчонку.

— Правильно. Еще?

— Надо было арестовать носильщика, дежурного по станции и того вонючего типа, затолкать в купе и везти с собой в Москву. Тут бы разобрались.

— Тоже правильно. Как того типа звали?

— Не то Паисий Свинаренко, не то Никифор.

— Не то Паисий, не то Никифор... Вы держали в руках документ, вы его читали, вы имени не запомнили. И после этого вы, товарищ капитан Государственной безопасности, смеете себя величать чекистом?

— Виноват, товарищ Генеральный комиссар.

— Поступим так: я сейчас звоню заместителю начальнику ГУЛАГа, начальнику Дмитлага товарищу Фирину. Поедете к нему. Он представит все списки всех освобожденных из Дмитлага в этом году, если надо — ив предшествующем. Найдете дело этого веревкой подпоясанного. Народу в Дмитлаге — многие тысячи, да только выходят оттуда немногие. Потому работа вам легкая. Не вздумайте Фирину или кому другому рассказать, кого и зачем ищите. Только боюсь я, что никакого веревкой подпоясанного вы в делах Дмитлага не найдете. Но мы другой вариант применим. Идите. Будете ударно работать — все забуду и прощу.

Ягода знал, что лучшие работники — провинившиеся. Дай возможность искупить — горы свернет, каналы прорует, льды на полюсе раздробит, разгребет и растопит.

И еще Железный Генрих понял давно: ничто так не

унижает начальника, как необузданный гнев. Начальник всегда спокоен. Даже на краю пропасти.

6

Несется огромный шестиместный «Форд» сквозь дождь проливной, сначала фарами непогоду и мрак режет, и тут же лбом своим носорожьим стену дождя дробит.

По брезентовому тенту стучит вода так, словно с самосвала дробь свинцовую тоннами сыплют.

— Ты, Змееед, молодец. Никогда не думал, что в тебе таланты такие — тебе что погоду предсказать, что чемодан тапнуть. И ты, Люська, молодец!

Молчала Люська от самого Ярославля, но раз уж к ней сам Дракон обратился, заговорила и она.

— А ведь никто не знает, что мы совершили.

— Никто.

— Я, конечно, шутю, но если на троих чемоданчик поделить, так ведь на всю жизнь хватит. Если, понятно, сразу все в карты не продуть.

Ничего на это Дракон не сказал. Так до самой Москвы и молчали.

7

Если работница на швейной фабрике украла двести метров пошивочного материала, то самая гуманная и справедливая в мире рабоче-крестьянская власть отмеряет ей полный гулаговский срок. А то и вышак.

Двести метров пошивочного материала — это так в приговор вписывают. Это чтобы грозно звучало. Двести метров пошивочного материала — это катушка ниток.

Закон от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении социалистической собственности» предусматривает расстрел с конфискацией имущества за хищение грузов с железнодорожного транспорта, а так же государственного, колхозного и кооперативного имущества. При смягчающих обстоятельствах расстрел может быть заменен тюремным заключением сроком не менее десяти лет с конфискацией имущества. Так что тот, кому за кражу двухсот метров пошивочного материала впаляли десять, пятнадцать или двадцать лет ГУЛАГа, должен радоваться: повезло, могли бы и шлепнуть.

В народе сия забота рабоче-крестьянской власти о сохранении социалистической собственности именуется «Законом о трех колосках». В тот жуткий 1932 год в самых хлебных районах страны люди миллионами в диких муках умирали от голода, потому как хлеб шел на экспорт. А тот, кто осмеливался собирать в поле упавшие с комбайна, никому не нужные колоски, получал расстрел. Или, при смягчающих обстоятельствах, как минимум десятку с конфискацией...

Что же говорить о начальнике Дальстроя, который ворует не пошивочный материал и не брошенные в поле колоски? В одном только перехваченном чемодане обнаружено и взято на учет 32 килограмма 263 грамма золотого песка и шесть самородков общим весом 413 грамм. А сколько всего тех чемоданов начальник Дальстроя Ягоде переправил? И сколько для себя притырил? Где у него смягчающее обстоятельство? У него не смягчающее, у него — отягчающее. Он начальник. Он на службе. А получателем является сам товарищ Ягода. Ему сколько за такие дела надо вклеить?

— Ну что, Дракон, попался товарищ Ягода?

— Нет, Сей Сеич, не попался.

— Как так?

— Да все так же. Ягода этот груз не получил, доказать, что груз был адресован ему, у нас не получится. Кто знает, может быть, получателем является один из заместителей Ягоды, а он сам об этом деле ничего не знает.

— У нас все получится! Пропал курьер, об этом знает только Ягода и его личный секретарь Буланов. Только они ищут пропавшего курьера. Значит, груз — для них.

— Хорошо, Сей Сеич, докажешь ты Сталину, что во главе всего этого воровства стоит Ягода, да только ничего Сталин делать не будет. За Ягодой и не такое числится. В 1930 году заместитель Ягоды товарищ Трилиссер собрал документы. Из документов следовало, что Ягода свою героическую биографию сочинил и выдумал. А еще из документов следовало, что революционер Ягода — провокатор царской полиции.

— И...

— И товарищ Сталин документы Ягоде показал, сказал, что документам не верит, а Трилиссера сбросил с высокого поста. Доносчику — первый кнут! Сейчас Трилиссер — мелкий начальник в какой-то комиссии по контролю над чем-то. Это глубочайшее падение с должности заместителя главы тайной полиции. Падение не завершилось. Трилиссер все еще летит вниз. Со свистом. И, думаю, до самого дна ему лететь. Вот и мы с тобой соберем доказательства, все их выложим Сталину и получим по шее. А Ягода добавит.

— Но почему же?

— Потому, что главная опасность для Сталина сейчас не в НКВД, а в самой партии, от всех мастей троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев. У Ягоды свои планы, свои интересы, но они пока совпадают с интересами Сталина. Вся система власти предельно шаткая. Партия, Армия, НКВД — как три снопа в поле, друг на друга опираются. Убери один — остальные завалятся. А Сталин сверху — на трех шатающихся. Как только кто-то уберет Ягоду, так то-

варищи по партии съедят Сталина. Да и в Армии желающих в достатке.

— Но если сам Ягода готовит заговор?

— А вот этому Сталин не верит.

— Да почему же?

— Да потому, что у Ягоды не меньше врагов, чем у самого Сталина. И единственный способ борьбы против Ягоды — пустить слух, что он готовит переворот. Сталин и это понимает. Потому слухам не верит. Доказательства нужны.

— Доказательств у меня нет. Но есть у нас еще одна зацепка.

— Говори, Сей Сеич.

— Надо такое против Ягоды выдвинуть, чтобы никто не посмел его защищать. Даже Сталин.

— Что же ты выдвинешь?

— В 1918 году Ягода был участником покушения на Ленина.

ГЛАВА 10

1

Осмотрелась она: куда это ее занесло? В дверь постучала: кормить будете? А то ведь от Конотопа до Москвы сама она про еду не вспомнила, и ей никто не напомнил. Теперь сообразила, что тут надо свои права защищать, иначе затопчут, сомнут и раздавят.

— Эй, кто там, голодом морить будите — жалобу сочиню товарищу Калинину!

Ответил ей грубый женский голос:

— Тамбовский волк тебе товарищ. Не стучи, сейчас принесут.

Снова она осмотрелась: да где же это я?

Громыхнули засовы, растворилась дверь, одна тетка в синем берете ГБ поднос внесла, другая в дверях осталась, резиновой дубиной поигрывая.

Поставила тетка поднос на стол, салфетку сняла.

И ушли обе, снова дверью грохнув, засовами заскрежегав.

А у девочки нашей сомнения отпали. Так это же в Кремле! Где же еще? Где это стены такой толщины, где своды такие? Где найдешь такие решетки узорчатые, вроде ювелирами сработанные? Где так чисто и сухо, где это в подвале

воздух такой свежий? И где так арестантов кормят? Это явно не тюрьма. Это помещение, в котором только иногда особо важных узников прячут.

Ночь глубокая, потому нет ей ни супа, ни котлет отбивных с картошкой, зажаренной по-французски, зато есть бутерброды хлеба черного душистого с маслом, горчицей, ломтиками окорока и копченой колбасы. И чай горячий, крутой, цвета коньяка. Но не чай и не бутерброды убедили ее. Убедил поднос, тарелки и салфетка раскрахмаленная. Так где же такая жизнь арестантам? Не на Колыме же! И не на Соловках. Да, это Кремль! И принесли ей все это не из уважения, не из почтения. Просто тут, в Кремле, по-другому никого кормить не умеют. Рады бы баландой лагерной угостить, да не обучены.

Есть она не стала. Добилась своего — первая победа! Дальше — голодовка. В знак протеста. Сухая голодовка. Ни чая, ни воды. Можете забрать свой поднос.

Итак, это Кремль. А где в Кремле? Это может быть или Теремной дворец, или Потешный. Или, возможно, Сенат. А почему бы не Большой Кремлёвский дворец? И вправду, а почему бы и нет?

Помещение, в котором она находится, — это все же не подвал и не первый этаж. Это цоколь, это мощный постамент дворца. Зачем нужен цокольный этаж? Затем, чтобы вознести первый этаж выше над землей. Проще говоря, поднять его окна до такой высоты, чтобы в них с улицы не заглядывали. Это и безопасность повышает. Если огромные окна первого этажа закрыть решетками, то будет очень даже некрасиво. Но если этаж поднять над землей, то можно обойтись без решеток. А вот небольшие окна цокольного этажа — в решетках, это вида не портит. Наоборот, придает зданию солидности. Цоколь должен быть тяжелее и крепче остального здания даже и по своему виду.

Здание с цоколем совсем по-другому смотрится. Но это не только эстетика. В цокольном этаже вон сколько всего можно разместить. Вытянулась Настя на солдатской кровати, закрыла глаза и постаралась начертить в своем воображении идеальный цоколь дворца, исходя из предположения: кабы я была царица.

2

Рассказ Сей Сеича оказался простым и коротким.

В 1918 году, когда его забрали в кремлевскую охрану, вождей было трое: Ленин, Троцкий, Свердлов. Ленин и Троцкий возвышались над страной, как два утеса. А Свердлов — в тени. За стенами Кремля мало кто его знал, мало кто догадывался о его роли. Но главным был он. Свердлов происходил из числа террористов самого крайнего толка. Вся жизнь с ранней юности — в террористическом подполье. И вдруг — властелин России.

Свердлов не произносил пламенных речей, не писал фундаментальных работ, которые могли бы украсить золотой фонд марксизма, он ни с кем не ругался. Но он контролировал все. Разногласия со своими соратниками из кремлевской избы не выносил, всероссийских дебатов и дискуссий не учинял. Просто несогласные с ним почему-то быстро умирали.

Вот и с Лениным товарищ Свердлов сцепился. Но долго препираться не стал: у тебя такое мнение, а у меня другое, не будем спорить. Вроде и помирились. Вроде и разногласий никаких между ними. Но раз в неделю все партийные вожди, кроме самого Свердлова, выезжали на заводы, фабрики, в полки и дивизии, а то и просто на площади, говорили речи перед народными толпами. Свердлов все это в руках держал, распоряжался: тебе на Пресне

народ вразумлять, тебе — на площади перед Большим театром.

Был самый конец августа. Вот прямо как сейчас. Для выступления Свердлов назначил Ленину завод Михельсона. И так случилось, что всех вождей Свердлов посылал с охраной, а Ленину охранников в тот день не досталось.

Приехал Ленин на завод только со своим водителем — никто Ленина из заводского комитета не встречает. Отговорил Ленин в цеху, выходит к автомобилю своему — никто из заводского комитета его не провожает. И тут темным вечером в Ленина стреляют неизвестные. Чекисты хватают на улице женщину по имени Фанни Ройд, она же Каплан. Никаких улик против нее нет. Ни свидетелей, ни вещественных доказательств. Женщина эта, если не явно сумасшедшая, то, во всяком случае, весьма к этому была близка. И она призналась.

Немедленно Свердлов забирает ее из ЧК и запирает в своей личной тюрьме. Пролетарский вождь товарищ Свердлов жил в царских покоях, а прямо под своим кабинетом в цоколе Большого Кремлёвского дворца держал личных арестантов.

После перевода в Кремль никто больше не тревожил предполагаемую исполнительницу террористического акта Фанни Каплан. Никто ее не допрашивал, не проводил следственных экспериментов, не сличал отпечатков пальцев, не вычислял траекторию пуль, не опрашивал и даже не искал свидетелей.

3 сентября 1918 года, на четвертый день после покушения на Ленина, Фанни Каплан была убита по приказу Свердлова комендантом Кремля Пашкой Мальковым в кремлевском гараже под шум работающего мотора. Где гараж, там и бензин. Мальков сунул труп в железную бочку, залил бензином и сжег.

Предполагаемую исполнительницу покушения на во-

жда пролетарской революции никто не судил, вину ее никто не доказывал, связей ее не выяснял. По приказу товарища Свердлова — концы в бочку с бензином. И гори синим пламенем.

Неизвестно, стреляла ли Фанни Каплан в Ленина или нет. Неясно, сколько было террористов. Но явно не меньше двух. Стреляли с двух направлений, из двух разных пистолетов. Непонятно, кто стоял за покушением, но видно, кто заметал следы.

За товарищем Свердловым еще и не такое числится. Покушение на Ленина он использовал как повод для начала «красного террора» по всей стране. Покатилась по просторам России кровавая волна массовых расстрелов заложников как месть пролетариата эксплуататорам за их злодейское покушение на товарища Ленина.

Но Свердлов слегка поторопился. Он обратился с воззванием к стране о том, что террористы стреляли в Ленина. .. за 40 минут до первого выстрела. Ленин еще в грязном полутемном цеху расписывал прелести грядущих десятилетий, исполнители террористического акта в своем укрытии еще нервно на часы поглядывали, а товарищ Свердлов в Кремле уже знал: преступление совершено!

К несчастью для Свердлова, раны Ленина оказались не смертельными. Ленина увезли в загородное имение и там лечили. Свердлов тем временем выдвинулся на первую роль уже открыто. Теперь он ездил по стране в царском поезде, теперь он, как ясно солнышко, являл свой лик народным толпам, теперь его портрет несли на демонстрациях впереди портретов Ленина и Троцкого.

А Ленин выжил. И поправился. Тогда Свердлов всеми способами пытался не пустить Ленина в Кремль, объясняя это заботой о здоровье. Но Ленин вернулся. И тут уж товарищ Свердлов попал в полосу неудач. То ночью в Москве на его машину нападали неизвестные налетчики,

то вдруг загорелась его царская спальня, а двери, безопасности ради, кто-то запер снаружи. Благо решетки на окне не было, выпрыгнул властелин.

В марте 1919 года Свердлов возвращался в Москву из поездки по стране. Бронепоезд «Карл Маркс» — впереди, следом обыкновенный снаружи, роскошный внутри поезд повелителя России. В замыкании — эшелон латышских наемников. На станциях больших городов под гром оркестра появлялся товарищ Свердлов из дверей вагона, приветствовал визжащих поклонников белой ладошкой.

Но там, где станция, — там ремонт полотна, Гражданская война как-никак, там рельсы, шпалы, гайки, болты, которыми рельсы один к другому крепят. Неизвестно, было ли это организовано Лениным или еще кем, было ли это самопроизвольным проявлением горячей любви рабочего класса к своей родной власти, но Свердлова забросали огромными гайками. Не успела охрана его защитить и прикрыть, и одна, тяжеленная, тяпнула в лоб. Этого и хватило. Был Ленин причастен или нет, но, похоронив Свердлова и поплавав над гробом, он тут же выгнал коменданта Кремля Пашку Малькова, который следы свердловских походов замечал.

Вот после того Сей Сеич и решил понемногу от той хлопотной работы охранной отгребать, на здоровье сославшись. Как же сошлешься, если здоров, как бугай кубанский? Просто так не уйдешь. В охрану вождей — это как в банду, путь в одну сторону. Без выхода. Нашел Сей Сеич выход: людей узнавать перестал, смеялся без причины, ночью во сне орал, днем сам с собою разговаривал разными голосами. Его лечиться отправили. Лечение он затянул. Да так понемногу и затерялся. И профессию такую себе выбрал, чтобы на одном месте не сидеть.

— Все здорово, Сей Сеич, только как вся эта история с Ягодой связана?

— Связана крепким узлом. Ягода еще в детстве и юности работал у ювелира, отца Свердлова, жил в семье. Генрих Ягода и Яшка Свердлов вместе росли. Ягода женат на какой-то родственнице Свердлова. Весь его взлет Свердловым обеспечен. Ягода — участник темных дел Свердлова.

— И дальше что?

— Дальше — интересное. Убили Свердлова, а сейф его царский вскрыть не сумели. То был сейф — всем сейфам сейф. Для царских сокровищ специально из Британии на крейсере привезли, да еще тут у нас и замок переделали. Самое важное Свердлов в том сейфе держал. А где ключи? Нет ключей. Никому Яков Михалыч не доверял. Так я сам с десятью мужиками тот сейф, запертый, лебедкой через окно из его кабинета тащил.

— И где он сейчас?

— Тогда мы сдали тот сейф на склад кремлевский. Там, думаю, он и стоит. Там могут быть документы о том, как покушение на Ленина готовили. Может, и на Ягоду что найдется. Нам бы тот сейф вскрыть. Да в присутствии свидетелей. Да те документы почитать.

— Вскроем.

— Только надо придумать какую-то причину, что это мы вдруг вспомнили про сейф, который вот уже, почитай, два десятка лет запертым стоит.

— Причину придумаем.

3

Получил Сей Сеич под командование «Главспецремстрой-12». Этот поезд я вам сейчас описывать не буду. Как-нибудь в другой раз. Если не забуду. Внешне поезд на ремонтный смахивает. Под ремонтный его замаскировали затем, чтобы поменьше внимания постороннего привлекать.

Первое задание Сей Сеичу — немедленно доставить в Ленинград трех пассажиров: Дракона, Люську и Змееда. Зачем их надо везти в Питер и что они там забыли, Сей Сеичу никто не объяснил. Сам он спрашивать не привык: раз сказано ехать в Питер, значит, так надо.

Люське и Змееду Дракон тоже ничего объяснять не стал.

Доехали без происшествий. Неслись быстро, без остановок. Змееду Сей Сеич модную книжку сунул: Алексей Толстой, «Гиперболоид инженера Гарина». Развернул ту книжку Змеед, да так за всю дорогу и не оторвался. А Люська забралась в свободное купе и мастерским взмахом колоду по столу рассыпала — пальцы постоянной тренировки требуют.

Холованов к ней только раз заглянул.

— Людмил Пална, ты, наверное, вся картинками под одеждой расписана?

— Ах, Лексан Ваныч, все хотела, да никак не собралась. На нежных местах мечтала что-нибудь за душу берущее иметь: «Люби меня, а я — тебя». Но есть примета: счастливые наколки — только те, что в кичмане замастырены. А я пока еще не торчала. Нет на нежных местах у меня наколок. Хочешь проверить?

А глаза наглые, как у Змееда, угол рубанувшего.

4

В Ленинграде «Главспецремстрой-12» забрался в какой-то травой заросший тупик меж кирпичных стен брошенных цехов с прокопченными битыми окнами. Сей Сеич в поезде остался. А Холованов с Люськой и Змеедом уехали.

По чьей-то команде кто-то выставил автомобиль. Прямо к приходу поезда. Минута в минуту. Тут все работает

четко. Не то что у товарища Ягоды при встрече гонца с Колымы.

С вокзала — на Крестовский остров. В яхт-клуб.

— Так это то самое место, откуда инженер Гарин, уходя от преследования, угнал «Бибигонду», лучшую гоночную яхту!?

— Это, Змееед, то самое место.

— И... зачем мы тут?

— Сейчас увидишь.

Там, где когда-то инженер Гарин рубил концы «Бибигонды», теперь среди рощи мачт качались на волнах два торпедных катера. Два корпуса рядышком.

— Ух ты!

— Это, Змееед, не два катера. Это один. Сдвоенный. Два корпуса почти прижаты друг к другу. Между ними — четыре торпедных трубы. В два этажа. Два и два. Авиаконструктор Туполев Андрей Николаевич создал торпедный катер Г-5 — материал авиационный, двигатель авиационный, скорость соответствующая. Ни у кого в мире нет такой. Катер приняли на вооружение. А Туполев не унимается. По собственному почину взял да и соединил два корпуса. Получился катамаран. 2-Г-5. Мореходность исключительная. Испытания завершены. Но на вооружение пока такой катер не принят. Возможно, никогда принят и не будет. Морским командирам нужно что-нибудь попроще. Обыкновенный Г-5 им вполне подходит. Мы же тем временем используем этот сдвоенный катер для своих целей, делая вид, что все наши выходы в море — это продолжение испытаний. Добро пожаловать!

Кубрик оказался вполне пригодным для обитания людей. Чем-то на плацкартный вагон смахивает: нижняя полка, верхняя, столик крошечный. Только окна нет. И не так просторно — трубы какие-то вдоль переборок, краны, приборы измерительные с циферблатами, два красных ог-

нетушителя, телефон такой, чтобы трубка во время качки не болталась.

Капитан с командой в составе одного штурмана и одного моториста — в правом корпусе, пассажиры — в левом.

Отдал капитан какие-то свои распоряжения на непонятном морском языке. Моторы не взревели, а тихо зарокотали, словно два ласковых кота. Отчалил катер от пирса, и, тихо тарахтя моторами, поковылял по волнам, переваливаясь с одной на другую. Вышли далеко в море, вот тут-то моторы и взревели. Не режет туполевское творение волны, но скользит по ним, срезая пенистые хребты. Без привычки мутит. Хотела Люська картишками сама с собой переброситься, но не выгорело. Дрожит кораблик, бросает его так, как бросаем мы с ладони на ладонь горячую картошку, в костре запеченную, и трясет его, словно пневматический отбойный молоток в руках шахтера Стаханова. Еще и рев адов. Да и запах масла горелого душит. Но зато уж и скорость, доложу я вам.

Сколько часов так неслись, никто не считал. Не до того. Одна мысль в голове стучит: уж скорее бы все это кончилось, уж скорее бы.

Все это кончилось глубокой ночью.

Заглушил капитан двигатели. Темь непроглядная. На Балтике — сентябрь штормовой. Но сегодня пронесло. Не штормит, просто качает немилосердно. Вытащил матрос на мокрую палубу огромное резиновое покрывало, соединил с каким-то шлангом, открутил что-то, зашипело внутри покрывала, разнесло его, в надувную лодку превратив.

Матросы с лодкой возьятся, Дракон в кубрике Люську напутствует:

— О том, кто у колымского курьера угол рубанул, знаем только мы трое. Тут, Люська, в мешке резиновом — твоя доля. Половину я золотым песком отвесил, вторую полови-

ну тебе деньгами отсчитал: американскими, французскими, финскими. Вот твой китайский паспорт. Настоящий. Сейчас поплывешь на лодке к берегу. Финляндия — страна огромная, а людей в ней мало. Такое тебе место выбрал для высадки, где никого не должно быть. Если остановят, скажешь, что жила в Китае. Там, в Харбине, русских на целое государство наберется. Потому языками, кроме русского, не владеешь. Из Китая океанами дошла до Европы, через Финляндию пробралась в Питер искать сокровища бабки своей, купчихи. Лучше большую часть своего состояния сразу спрятать где-то на берегу и хорошо приметить. Если остановят после этого, повторишь ту же историю, но с другим концом: искать собралась бабкины сокровища, но границу пока не переходила.

— И куда мне дальше?

— Куда хочешь. Лучше — во Францию. Там русских как собак нерезаных. Пообвыкнешь, присмотришься к той жизни, потом за сокровищем сюда вернешься. Тебе на всю жизнь хватит. Если сразу все в картишки не просадишь.

— Так что, навсегда, что ли?

— А что тебе в Советском Союзе с такими деньгами делать?

— Да не хочу я никуда уходить.

— Но тебя с такими деньгами у нас убьют или посадят.

— Не нужны мне твои деньги!

— Как не нужны? Ты же сама говорила: разделить бы на троих... Я разделил. Твою долю тебе отдаю. Еще тебе — и паспорт настоящий. Еще и в море вывоз — садись в лодку, гребь к берегу.

— Пошутила я.

— Ты пошутила, а я шуток таких не принимаю. Если у тебя такие шутки, значит где-то и мысли подобные.

— Не нужны мне эти деньги. Не хочу уходить.

— Не торопись. Залезай в лодку, сиди и думай. Час на

размышление. Капитан с командой в одном корпусе сидеть будут, не высовываясь. Им знать не положено, что происходит. Они думают, что шпионку мы в Финляндию забрасываем. Мы со Змеедом в другом корпусе в твои картишки поиграем, а ты посиди на волнах, подумай над своей шуткой. Решишь с нами остаться — оставайся. Решишь уйти с золотом и деньгами — уходи. Вольному воля. Чтоб не замерзла — вот тебе куртка моя. Теплая, непромокаемая. А пистолет у тебя свой. Кстати, откуда он у тебя? Если с убитого человека, лучше в море выбрось, погоришь на нем. Я тебе другой дам.

Ничего Люська не сказала. Глазами только сверкнула, как пантера из чащи, рванула из рук Дракона куртку теплую и мешок тяжеленный с деньгами и золотым песком, выбралась на палубу, звонко хлопнув люком.

Остались Дракон со Змеедом вдвоем.

Вот тут и достал Дракон второй мешок резиновый.

— Это, Змееед, твоя доля. Это твой китайский паспорт. Еще одну лодку резиновую для тебя сейчас надует. Час на размышление.

— Да ты, товарищ Холованов, за кого меня принимаешь? Мне такого счастья не нужно. Я тут остаюсь без размышлений.

— Почему?

— Не знаю. Другой судьбы не желаю.

— Спасибо, Змееед. Раскинь картишки. Перебросимся. Нам час ждать.

5

Не клеится игра.

Бросил Змееед колоду.

— Я вот чего, товарищ Холованов, сообразить не могу.

Зачем ты Люську в соблазн ввел? Зачем дал ей паспорт, деньги, золото, зачем разрешил бежать?

— Верю, что никуда она не побежит. И если с нами останется, то ей потом любое дело доверить можно. И любые сокровища.

— Зря ты, психолог приторный, это затеял. Ты же ее обидел. Она может уйти не ради денег и счастливой жизни во Франции, а просто тебе назло.

— Посмотрим.

Прислушались оба. Вроде бьется резиновая лодка о дюралеый борт катера. И вроде это волна плещет. На часы оба посмотрели: долго ли ждать еще?

— Ты мне, товарищ Холованов, тогда другое объясни. Я книжку завершаю про инженера Гарина. Только ничего понять не могу. Как это — взял инженер Гарин власть над богатейшими странами, над сотнями миллионов людей, и что, без своей личной разведки обходился?

— Да, хороший писатель Леша Толстой, но только чего-то он не понял в делах управления массами. Без таких, как мы, править Гарин не смог бы ни одного дня. Ему бы Змеееды потребовались, лиходеи широкого профиля, вроде тебя.

— Если уж сам Гуталин без таких, как мы, не обходится, то уж куда какому-то Гарину.

— Правильно. И настоящий Змееед, на мой взгляд, это не тот, кто змеями питается, а тот, кто Змея крылатого, Идолище поганое сокрушает.

И снова смолкли оба.

Час тянулся долго-долго. Но все когда-нибудь кончается. Выглянул Дракон из люка, присвистнул: нет ни лодки надувной резиновой, ни Люськи с ее сокровищем. Ушла Люська.

Выразился Дракон непотребно. Приказал капитану возвращаться.

В Большом Кремлёвском дворце у товарища Сталина, которого некоторые иногда за глаза Гуталином кличут, свой собственный кинотеатр. Кресла мягкие, кожаные. Пять кресел в ряд. Четыре ряда. Центральное место в первом ряду — для товарища Сталина. Он однажды сел в это кресло, и оно ему понравилось. Никто никогда на это место больше не посягал. Половина мест в этом зале во время любого сеанса пустуют. Потому как попасть в сталинский кинотеатр — большая честь. Не каждого сюда зовут.

Сегодня насладимся фильмом «Цирк». В восемнадцатый раз. Товарищ Сталин полюбил этот шедевр советского киноискусства с первого взгляда. Этим шедевром он по много раз угощает своих самых дорогих гостей. Так будет продолжаться до 1938 года, пока не появится «Волга-Волга», которую товарищ Сталин за долгие годы посмотрит более шестисот раз. Сотворит этот шедевр все тот же Григорий Александров. В главной роли будет все та же Любовь Орлова. Но это будет потом. А пока наш советский цирк сияет во всей своей красе и блеске. И гремит с экрана торжественная мелодия: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек...» И дальше: «И никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить».

Чистая правда. У нас даже клоуны на арене хихикают и кувыркаются лучше всех в мире.

Генрих Григорьевич Ягода (третий ряд, крайнее левое место) толкнул соседа своего, секретаря Центрального Комитета Ежова Николая Ивановича: а ведь мелодия эта могла бы стать Гимном Советского Союза. Головой качнул Николай Иванович: верная мысль, почему бы и нет? Где еще так вольно дышит человек?

Сегодня товарищ Сталин несколько изменил программу. Сразу после «Цирка» — немецкий документальный

фильм, снятый в джунглях Южной Америки. Фильм без перевода. Но все ясно без слов. Главная героиня — парагвайская анаконда, метров эдак десяти-двенадцати, чтобы не соврать. Вот она заползла в селение и вытянулась черным нефтяным трубопроводом вдоль белой стены сельской церквушки. Камера показывает мерзкую гадину с хвоста, медленно скользя к голове. Отвратительное тело становится все толще и толще. Где-то ближе к центру это уже жгут играющих мускулов, который вряд ли двумя руками обхватишь. Потом от середины тело понемногу сужается. Вот и голова, лениво задремавшая на солнцепеке. И вдруг — бросок в камеру. Камера явно падает. На экране кадры кувыркком. Неясно, что стало с храбрым оператором. Но главное в другом. Сонная, казалось бы, анаконда внезапно, без предупреждения, без всякого намека на агрессию вдруг бросается на камеру. Но зрители это воспринимают как бросок в зал. И все присутствующие разом отпрянули. По-моему, кто-то даже и вскрикнул. Только товарищ Сталин смеется. То ли фильм раньше уже посмотрел и был к этому змеиному броску готов. То ли и впрямь нервы у него стальные.

А потом анаконда купалась в реке. И билась с крокодилом. Задушила и проглотила его. Было много еще всего. Но вот на экране ядовитая змея метра полтора-два. На своем пути она встречает тигрового узорчатого питона метров пяти. И он ее убивает. И он ее заглатывает. Чем хорошо? Хорошо тем, что нет у змеи ни ног, ни крыльев, ни рогов — ничего заглатыванию не мешает. Удав насытился и готов было впасть в блаженную спячку с перевариванием, но... тут появляется анаконда. Питону не до сна. Спасаться надо. Но от анаконды не уйдешь! Бросок — и страшные челюсти анаконды сомкнулись на горле питона. Два тела свились в пульсирующий клубок. И вдруг оба замерли. Анаконда, убедившись в том, что питон повержен, медленно разжи-

мает челюсти и начинает долгий заглот. Медленно-медленно огромный питон исчезает в отвратительной пасти...

Холованов с детства не любил змей. К ним у него отвращение и какое-то нездоровое любопытство. Холованов сидит в четвертом ряду и почему-то думает про украденный в Ярославле чемодан. Почему про чемодан вдруг вспомнил? Ах, да! Змеед, он же — Ширманов. Молодец. Мастерски сработал. Знал бы товарищ Ягода, что Холованов, который сидит прямо за его спиной, является организатором и вдохновителем виртуозного похищения. Но без Ширманова и Люськи-отвлекалки это было бы невозможно. Ширманов — правильный человек, хотя не в меру жестокий, ершистый и задиристый. Холованов давно искал себе в помощники именно такого злодея на все руки.

А настоящий змеед — это, конечно, анаконда парагвайская, медленно заглатывающая тигрового питона.

7

— Товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности, товарищ Холованов просит принять по очень важному делу. Говорит, всего на одну минутку.

— Зови.

— Но сейчас в приемной вызова ждет комиссар Государственной безопасности третьего ранга товарищ Западный, за ним — комиссар Государственной безопасности первого ранга товарищ Заковский.

— Подождут. Зови Холованова.

Ягода к визитам Холованова всегда относился с большим вниманием. Ягода помнил даже во сне, даже в бреду: это человек Сталина. Если Холованов что-то говорит, это могут быть не только его собственные слова, но и слова самого Гуталина. А с Гуталином приходится считаться.

— Здравствуйте, товарищ Холованов.

— Здравствуйте, товарищ Ягода.

— Чем порадуете, товарищ Холованов?

— Товарищ Ягода, мне ваша помощь нужна.

— Поможем, чем можем. Слушаю.

— По приказу товарища Сталина я занимаюсь поиском сокровищ, накопленных буржуазией и другими эксплуататорскими классами, но утаенными от рабоче-крестьянской власти. Нам деньги, золото, камни самоцветные позарез требуются на нужды индустриализации.

— И как работа продвигается, товарищ Холованов?

— Продвигается успешно. Но сегодня случилось нечто необычное и настораживающее.

— И что же это было?

— Мне позвонил аноним и сообщил о любопытном методе сокрытия. Оказывается, хитрецы укладывают золото в гробы известных людей и торжественно его хоронят.

— А в обыкновенную могилку нельзя?

— Можно. Но лучше в начальственную. Кто осмелится раскапывать могилу большого человека? Они же на охраняемых кладбищах! Всех мастей недобитые враги пролетариата надеются, что наша родная рабоче-крестьянская власть когда-то рухнет, вот после того они и раскопают свои сокровища. А до того момента золото и камушки надежно спрятаны от обысков и конфискаций.

— Очень интересно.

— Это присказка. Недавно хоронили всеми нами любимого, безвременно ушедшего от нас командарма второго ранга Бучетиса. Аноним сообщил, что в его гробу неизвестные лица спрятали чуть ли не тридцать килограмм золотого песка.

Совсем нехорошо стало Народному комиссару Внутренних дел Генеральному комиссару Государственной безопасности товарищу Ягоде.

— И... чем могу служить?

— Как чем? Генрих Григорьевич, могилу надо вскрыть.

— Вскрывайте.

— Генрих Григорьевич! Вы шутите. Как это? Без разрешения Народного комиссара внутренних дел СССР?

— Разрешаю.

— Генрих Григорьевич, давайте вместе. Назначайте комиссию, выставьте оцепление, закрывайте могилу брезентовыми стенками. И будем копать.

Очень не нравится железному Генриху, что этот проходимец Холованов называет его то по имени, то по фамилии. Хотелось бы, чтобы по званию и должности. Но нравится Генриху, что пришел к нему человек от Гуталина разрешения просить. В то же время кошки душу скребут: неужели это те самые килограммы золотого песка? Нет, нет и нет! Чемодан с золотым песком пропал неделю назад, а командарма хоронили раньше. Что же за всем этим скрывается?

ГЛАВА 11

1

Кусок кладбища Новодевичьего оцепили бодрые ребята в серых плащах и в кепочках набекрень. Еще мода тогда была в тюбетейках ходить таджикских и туркменских. Дружба народов! Сам Максим Горький, великий пролетарский писатель, таким способом демонстрировал любовь к народам Средней Азии. Мода эта продержалась аж до начала космической эры. Так вот — кто в тюбетейке туркменской, кто в кепочке, а кто и в шляпе. Но подступы к той части кладбища надежно перекрыты. Вокруг могилы растянули брезенты, еще и палатку рядом развернули для вскрытия гроба.

Раскопали быстро. Земля свежая. Вынули гроб, затащили в палатку. Теперь — кыш все посторонние! Не положено знать никому, что тут происходит. В палатке только пять человек: Ягода с верным своим секретарем старшим майором Государственной безопасности Булановым Павлом Петровичем, Холованов и двое особо доверенных исполнителей приговоров из Бутырской тюрьмы. Им гроб вскрывать, мертвеца ворочать. Счетовода, который к приему сокровищ изготовился, и того внутрь пока не пустили. Как только золото заблестит — тогда пожалуйста.

Исполнитель ломиком, точно таким, каким воры-ско-
кари замки с дверей рвут, аккуратно отжал крышку гроба,
не ломая краев. Сняли ее вдвоем, в сторону отставили. Если
не знаешь, что под мертвецом что-то спрятано, то внима-
ния не обратишь на его несколько возвышенное положе-
ние. Ну, а если знаешь, то впору присвистнуть: и впрямь
под ним что-то есть!

Исполнители в резиновых перчатках и фартуках. В тех
самых, в которых приговоры в исполнение приводят. За
плечи и ноги извлекли они боевого командира Граждан-
ской войны, покрывшего себя неувядаемой славой пода-
влением крестьянских бунтов, массовыми расстрелами за-
ложников и поркой шомполами беременных баб.

Знать бы кому, как круто командарму повезло умереть
в 1936 году. В следующем-то ему бы пришлось умирать в
других условиях, и на могилку роскошную рассчитывать
не приходилось.

Но проскочил. Гроб резной да разукрашенный, дно
внутри красным кумачом выстелено. Сорвали кумач, вы-
нули доски. А там вовсе не золото, но второй мертвец.
Голый. Извлекли и его. Ожидаемого сокровища не оказа-
лось.

Почесал Холованов затылок:

— Что бы все это могло означать?

2

— Товарищ Холованов, нам Люська открыла место,
где похоронен гонец с Колымы. А какого черта ты место
Ягоде сдал?

— Я, Змееед, от себя и от всех нас подозрение отвел.
Теперь Ягода точно знает, что мы к этому делу никакого от-
ношения не имеем. Теперь он врагов искать будет где угод-

но, да только не среди нас. Спасибо Люське, место указала. Жаль, ушла. Из такого материала можно было бы вытесать знатного бойца тайного фронта.

3

С кем Генеральному комиссару Государственной безопасности по данному вопросу совет держать? Только с верным оруженосцем товарищем Булановым.

— Так что же все это может означать? Гуталин пронюхал наши дела, поймал и убил курьера, закопал, а теперь нам место указал, намекая, что ему все известно?

— Конечно, нет. Если бы Гуталин или его люди перехватили нашего курьера, то зачем его убивать? Его надо живым сохранить, как важнейшего свидетеля.

— Может быть, это Холованов по собственной инициативе?

— А ему зачем? Если он перехватил гонца, если он организовал похищение груза в Ярославле, то все равно ему выгодно курьера живым держать. Нет, это точно не он.

— Кто-то круто роет под нас, а кто — не пойму. Итак, кто-то перехватил курьера, убил его, упаковал в гроб с двойным дном, а потом вдруг позвонил Холованову: ищите сокровища в гробу. Стоп! А не разобраться ли нам с вопросом гроба. Откуда этот гроб взялся?

— С этим вопросом я разобрался. Очень хороший гроб по очень хорошей цене предложил похоронной комиссии представитель какой-то гробовой артели. После выяснения оказалось, что представитель этот не кто иной, как давно разыскиваемый Уголовным розыском бандит по кличке Шайтан.

— Вот бы нам его...

— Уголовный розыск нашел Шайтана убитым выстре-

лом в лоб из пистолета. Вместе с ним находился труп другого убитого бандита по кличке Аркашка-Хлюст.

— Как жаль.

— Это не все. Оба убиты из пистолета «Браунинг FN1910». Калибр семь шестьдесят пять. Именно из такого пистолета прозвучал первый выстрел Мировой войны, когда в Сараево Гаврило Принцип убил эрцгерцога Фердинанда. Но именно такой пистолет был и у нашего курьера.

— Что же получается? Получается замкнутый круг. Наш курьер из своего браунинга убил двух бандитов, потом они ему заказали гроб с двойным дном. Или они его закопали в гробу с двойным дном, а потом он их убил. Что за чепуха!

4

Сентябрь 1936 года. Детям — в школу. Сталин — в отпуск.

Весь год Сталин на износ работал. А лето выпало совсем трудное. Сделано многое. В том числе, и не в последнюю очередь, — проведен показательный процесс. Проведен блестяще. Зиновьев, Каменев, Смирнов и вся их шайка разоблачены перед страной и миром. Они понесли суровое, но заслуженное наказание. Провести процесс стоило непосильного труда. Не все, ох, не все в Центральном Комитете понимают необходимость крутых мер. Потому — глухое сопротивление. На очереди — новый процесс, новая группа вождей, которые оказались врагами, шпионами, вредителями. Но перед тем, как выводить врагов на суд, надо добиться полной поддержки в Центральном Комитете. А Центральный Комитет — это своевольные бояре вокруг доброго царя, это свора псов. Если почувствуют угрозу себе — загрызут вожака. Предстоит новая жестокая схватка. Осенью или в начале зимы надо проводить пленум

Центрального Комитета. Проблема в том, что если десяток центровых бояр объединят свою мощь, то этого хватит для того, чтобы Генерального секретаря Центрального комитета сбросить с его высокого поста. Это они могут сделать прямо на пленуме. А чтобы сброшенный Генеральный секретарь не вздумал брыкаться, его можно тут же и повязать...

Потому Генеральному секретарю Центрального Комитета товарищу Сталину нужен отпуск. Прямо сейчас. Перед решающими столкновениями осени и зимы, перед наступающим 1937-м годом. Врачи настояли — давление прыгает. Отдыхать надо. Потому Сталин едет в Ялту.

Станция железнодорожная для руководящих товарищей отдельная. От Курского вокзала ветка в сторону уходит, в депо. Но это только снаружи депо закопченное. А внутри это вовсе и не депо, а спецвокзал. Внутри все блестит и сверкает. Архитектор Иофан постарался. Душу вложил и денег народных. Для вождей не жалко.

Сталинский поезд еще с утра в готовности у единственной платформы. Тут совсем небольшая группа провожающих: секретарь Сталина товарищ Поскребышев, главный железнодорожник страны, Нарком путей сообщения член Политбюро товарищ Каганович, Народный комиссар внутренних дел Генеральный комиссар Государственной безопасности товарищ Ягода, секретарь Центрального Комитета Ежов Николай Иванович, товарищ Холованов, должность которого никто никогда вслух не называл, еще какие-то товарищи.

Сталин никогда не ездил в отпуск один. Каждый год одному из членов Политбюро великая честь — отдыхать вместо с товарищем Сталиным. В этом году чести удостоен товарищ Жданов.

Сталин и Жданов еще не прибыли. В группе провожающих разговоры о погоде да о последнем поединке между «Динамо» и «Спартак»». Улыбнулся Холованов Желез-

ному Генриху, головой кивнул, мол, отойдем в сторонку. Отошли.

— Генрих Григорьевич...

Несгибаемого Генриха всегда бесила холовановская манера называть его по имени и отчеству. Сказано ведь: Генеральный комиссар Государственной безопасности! Неужто не ясно? Все уже сообразили, кроме этого хама. Даже сам Гуталин Железного Генриха Генеральным комиссаром величает.

— Генрих Григорьевич, страна расцветает, страна плечи расправляет, страна созидает и строит.

— Это вы верно подметили, товарищ Холованов. — А в глазах хитринка с легкой издевкой.

— Потому стране золото нужно. В товарных количествах.

Вроде кувалдой Генриха по печени саданули. Чуть было не опрокинулся от слов таких. Еле устоял. Даже и усмехнулся:

— Это вы тоже очень правильно говорите, товарищ Холованов.

— Деловое предложение. А не ковырнуть ли нам сейфик товарища Свердлова. С 1919 года запертым стоит.

— Какое это отношение к золоту имеет?

— Вдруг в том сейфе сокровища? Вскроем и отдадим на нужды индустриализации!

— Пробовали. Не выходит.

— Давайте еще разок попробуем. Вызываю НКВД на социалистическое соревнование. Выставляйте команду! А я — свою. Условия поединка обговорим. Товарища Ежова судьей поставим. Товарищ Ежов, Николай Иванович, можно вас на минутку? Мы тут с товарищем Ягодой посоветовались да и решили...

Въехал тут сталинский лимузин под своды. Ожились провожающие. Сталин Поскребышеву последние

указания дает. Затем Генриха Железного подозвал. С ним о чем-то пошептались. Следующий — товарищ Ежов. Наконец — Холованов.

Собрался было Дракон пожелать товарищу Сталину счастливого пути и хорошего отдыха, но вдруг тихо, чтобы никто посторонний не услышал, выпалил, то, чего сам от себя не ожидал:

— Может быть, отменить отдых на юге. Мы тут в Москве организуем. У нас и озеро, и лодки...

Смерил Сталин Холованова не взглядом готовой к броску королевской кобры, но безразличным взглядом анаконды. В немигающих глазах — вообще никакого выражения.

— Почему так, товарищ Холованов?

— Предчувствие, товарищ Сталин.

— Не беспокойтесь. Все будет хорошо. У вас есть что мне сообщить?

Перед взором Холованова встал «Хабаровск — Москва» в славном городе Ярославле. Вдохнул он тяжело, поправил ремень и тихо ответил:

— Ничего важного нет. Счастливого пути, товарищ Сталин.

5

Вот вы возводите для себя дворец. Как бы вы использовали цоколь? Это огромные помещения за очень толстыми и крепкими стенами под несокрушимыми сводами.

Прежде всего, это последний рубеж обороны в случае переворота. Окна цокольного этажа небольшие, чуть выше земли. Защищены толстыми решетками. Это амбразуры. Угловые и некоторые другие помещения надо готовить для обороны уже на стадии проекта: возле окон соорудить помосты для удобства стрелков, сами окна прикрыть сталь-

ными щитами, оставив только прорези для стрельбы и наблюдения. Щиты, понятно, на показ не выставлять, чем-то прикрыв или сделав их съёмными. В этих помещениях хранить запас оружия и боеприпасов. Тут же рядом — жилые комнаты для охраны. И слуги где-то недалеко.

Кроме того, цоколь — это винные погреба и склады продовольствия: пивные и винные бочки, полки запыленных бутылок, окорока, колбасы, сыры, соль, мука, яблоки моченые в бочках, капуста, горох.

В этих подвалах сокровища неплохо хранить.

Осмотрела Настя жилище свое, и еще один пальчик загнула: тут может быть тюрьма. И даже камера для пыток и убийств. Эту мысль она отпугнула, не позволив угнездиться.

Ясное дело, тут должны быть колодцы для снабжения водой. Где-то должны быть тайники, в которых в случае неудачи можно было бы спрятаться и отсидеться, и тайные подземные ходы. Да! Подземные ходы в другие здания и за крепостные стены, тайные ходы для спасения, а также для подсматривания и подслушивания. Как же иначе? Большой Кремлёвский дворец возводил великий строитель и фортификатор Николай Первый. Народ его звал Николаем Палкиным. Очень уж дисциплину любил. Солдат за малейшие упущения сквозь строй гонял. Смертную казнь недолюбливал. Повесил пятерых прохвостов-декабристов, на том и унялся. А вот сквозь строй — другое дело. Сквозь строй — это пожалуйста. Сквозь строй — это хоть каждый день. Построит две шеренги по сто солдат, у каждого палка в руке, провинившегося под барабанный бой на веревке между шеренгами тянут. И каждый солдатик своему вчерашнему товарищу разок врезать должен. Оно и воспитание: чтоб не чужие, а свои пороли. А кто слабо ударит, того самого сквозь строй потащат. Двести палок — норма государева. Двести — это почти смерть. А

триста — гроб гарантирован любому. Хотя смертной казнью и не считалось.

Так кто же он, Николай Палкин? Он третий сын Павла Первого. Он никогда не мог рассчитывать на престол. Править должен был старший сын Александр и его потомки, а в случае, если эта линия наследования окажется тупиковой, тогда править должен был второй сын, Константин. Но судьба сложилась так, что в декабре 1825 года третий сын Николай должен был силой брать власть. И он ее взял, расстреляв картечью из пушек бунт банды заговорщиков. Ему ли, Николаю Палкину, не бояться заговоров? Ему ли мер против дворцовых переворотов не принимать? История его семьи вся соткана из заговоров. Отец Николая Палкина Павел Первый был в собственной спальне задушен серебристым офицерским шарфом. Дед Николая Палкина, Петр Третий, был свергнут заговорщиками и убит. И до того смена власти шла все теми же скользкими тропами. Дочь Петра Первого Елизавета Петровна совершила дворцовый переворот силой одной гренадерской роты лейб-гвардии Преображенского полка. Роту эту она потом преобразовала в Лейб-кампанию. Да и сам Петр Первый шел к власти через большую кровь и стрелецкие казни. Но и до него — мятежи да бунты, самозванцы на престоле, убийства явные и тайные. И кто заговорщик? Свои же. Павла Первого душили с одобрения его старшего сына Александра, наследника престола. Петра Третьего свергла жена и убил ее любовник. Петр Первый сбросил с престола сестру.

Мог ли Николай Палкин, помня все это, возводить Большой Кремлёвский дворец, не предусмотрев возможность подсматривать и подслушивать, о чем болтают самые близкие ему люди? Не мог.

Но как тут подслушаешь, если стены толщины непомерной?

Девочка, которую в Конотопе арестовали, уснула, не найдя ответа на свой вопрос.

Ей снилась Лейб-кампания...

Настя Стрелецкая еще в детстве приистрастилась к восемнадцати зеленым томам «Военной энциклопедии». Десятый том, выпущенный в 1912 году, начинался статьей «Елизавета Петровна». А в четырнадцатом томе, который вышел в 1914-м году, была статья про Лейб-кампанию. Издание «Военной энциклопедии» прервала Мировая война. Восемнадцатый том оборвался статьей о Порт-Артуре.

Ей снились броненосцы Порт-Артура, а потом снова и снова — Лейб-кампания...

Ее влекла судьба самодержцев. Особенно женского пола. Тех, которые власть брали сами, никого не спрашивая...

25 ноября 1741 года Елизавета, дочь Петра Первого, подняв гренадерскую роту лейб-гвардии Преображенского полка, совершила дворцовый переворот и взошла на престол. 31 декабря рота эта получила название Лейб-кампании. В роте было 364 человека. Все пять офицеров были произведены в генералы, прапорщик — в полковника, унтер-офицеры — в подполковников, триста рядовых гренадеров стали офицерами, недворяне получили потомственное дворянство, поместья, сотни душ крепостных, всем денег было выдано невпрогреб...

А Елизавета Петровна стала государыней.

— Сей Сеич, второй тебе рейс в одно очень хитрое место. Машинисты знают, куда ехать. Я распорядился, чтобы тебе

выдали одного важного арестанта. Доставишь сюда. Смотри не упусти. Сбежит — голову сверну. В случае чего убей, но не выпусти.

— Понял. Это тот, кто сейф Свердлова курочить будет?

— Да. Это знаменитый Севастьян-медвежатник. Он многие годы у меня в тюрьме сидит.

— А если он не захочет сейф вскрывать?

— Я его на самолюбие возьму.

ГЛАВА 12

1

Севастьяна-медвежатника Сей Сеич под расписку получил. Для перевозки пассажиров такого калибра в спецпоезде особое купе: пол, потолок и три стены, словно обоями, покрыты стальным листом, все швы сварили лучшие мастера Института электросварки товарища Патона. Методом Патона сваривают лучшую в мире танковую броню. Так вот, шов Патона получается крепче самой брони. Четвертая стена — стальная решетка. Внутри купе две полки, умывальник и нечто вроде туалета.

Предупредил Сей Сеич арестанта, что попытки бежать из клетки без внимания оставлены не будут. Потом добавил, что по должности и призванию он вертухаем не был и не будет. Поставил столик к самой решетке, накрыл, как в лучших домах заведено. Так они и ехали до самой Москвы по обе стороны столика, разделенные решеткой.

Если люди друг друга понимают, то решетка не помеха для дружеской беседы, энергичного выпивания и вдумчивого закусывания. Благо выпить и закусить в спецпоезде было чем.

Но этим не злоупотребляли. Оба меру знали.

В кремлевском кабинете Ягоды — двое. Он сам и верный его секретарь, старший майор Государственной безопасности Буланов Павел Петрович.

— Кто-то роет под нас. Кто — не пойму. Знать бы, кто — рога бы отломал. А что с чемоданом?

— Ищем. Никаких следов.

— Я думаю, к этому делу Змееда подключить. Парнишка хваткий и сообразительный. Он на платформе Северного вокзала три года работал, может быть, он нам подскажет, как это чемодан мог пропасть.

— Понял. Завтра его озадачу.

— Хорошо, что Гуталин в отпуск укатил. Скандал до его приезда не разгорится. А когда приедет, соберет пленум Центрального Комитета. Ему сейчас позарез важно обеспечить себе большинство на пленуме...

— Многие против. Не открыто. Система у нас дурацкая: каждый в отдельности — против, а все вместе — за. А ведь снова все за Гуталина проголосуют.

— Пусть голосуют. Нам бы над системами связи контроль взять плотнее. Остальное приложится. Главное не в том, кто как голосует, а в том, кто охрану пленума нести будет...

И рассмеялись оба.

Она проснулась внезапно. Глубокая ночь. Но, видимо, спала она совсем недолго. Она проснулась оттого, что вдруг во сне поняла, как Николай Палкин устроил систему подслушивания. Все просто. Просто до глупости. Парадный этаж — первый. Это чтоб по лестницам лишний раз не

подниматься. В парадном этаже царские покои, тут самый близкий царю люди, тут и его самые важные гости. И он, только он распоряжается, кому в каких покоях обитать! А под первым этажом — цоколь! А в цоколе — вентиляция! Не было тогда вентиляторов. Вентиляция не принудительная, а естественная. Самим царем и придуманная, его рукой утвержденная! Вот Настю Стрелецкую в комнате заточили, окна и двери наглухо заперли, а воздух чистый, свежий из отдушины под потолком ветром веет. Почему? Потому что выведены трубы высоко над крышей, этим разница давления создана и циркуляция.

Трубы из помещений цоколя идут вверх сквозь массивные стены царских покоев... Если их проложить с умом, если учесть акустику, если не прятать их в самую глубь кирпичной кладки, если учесть опыт предыдущих столетий, тогда... тогда можно из помещений цоколя слушать то, что творится в комнатах над ними.

Дальше — дело техники: в таких-то винных погребах, в таких-то арсеналах посторонних быть не должно. Из своей спальни спускайся по тайной лесенке, броди по цоколю, заходи в нужные комнаты, слушай кого хочешь.

Вот над Настей отдушина. А ниже выступ в стене, на который и встать можно. У Николая явно лесенка была. Жаль, у нее лесенки нет. Но выступ тут вовсе не зря. Выступ с умом врезан.

Одна создателю системы проблема: как бы кто другой нечаянно разговоров в царских палатах не услышал, да систему не обнаружил бы. Для того должна быть какая-то простая совсем, но надежная звукоизоляция.

Забралась Настя на выступ, просунула руку в отдушину, пошарила, нащупала какую-то деревянную колоду, толкнула ее самыми кончиками пальцев. Неожиданно колода плавно отошла в сторону. И Настя явно различила голоса.

— Система у нас дурацкая, каждый в отдельности — против, а все вместе — за. А ведь снова все за Гуталина проголосуют.

— Пусть голосуют. Нам бы над системами связи контроль взять плотнее. А остальное приложится. Главное не в том, кто как голосует, а в том, кто охрану пленума нести будет...

И рассмеялись оба.

4

Каюта Змееду понравилась еще до того, как капитан дверь перед ним во всю ширь распахнул. Капитан только открыл дверь, а Змеед сразу все охватил взглядом, все оценил. Совсем небольшая каюта, но до того уютная, что словами не выразить. Мягкий диван кожаный, над ним откидная спальная полка, шкаф встроенный, полочка с книгами, столик, круглый иллюминатор.

И вот Змеед один. Луна в иллюминаторе. Вода за бортом плещется, баюкает. Самое время спать. Но не спится Змееду. Холованов рекомендовал на работу в Лефортово больше не ходить. Нечего там делать, говорит. Обещал другую работу, еще более интересную. А что может быть интереснее работы исполнителя приговоров? Или пусть даже подручного исполнителя?

И как это — не ходить на работу? Змеед ведь у нас не просто так, он у нас на службе в ГУГБ НКВД СССР состоит. Если на службу не ходить, то хватятся, искать начнут. Правда, Змеед хорошо устроился. Все в группе исполнителей приговоров знают, что он человек Ягоды, что он какое-то особое поручение выполняет, потому может в Лефортове показываться, когда захочет. Но всему есть предел. Слишком долго не появляться нельзя. Да и сам Ягода поинтере-

соваться может: чем это ты, братец, там занимаешься, и где результат?

Вот если бы Холованов как-то уволил Змееда из НКВД да на другую должность оформил, то тогда, пожалуйста, тогда в Лефортово он работать не будет... А так ведь в розыск объявят. Нет, иногда там надо бывать. Завтра с утра. Да ведь и дело любимое. Как без него?

5

Железный Генрих той ночью тоже почти не спал. Последнее совещание в бывшем кабинете Свердлова он завершил около двух ночи. Потом еще перебросился парой фраз со своим секретарем Будановым, а уж после того по ночной Москве понесся в Коммунарку.

Но заснуть долго не мог.

Проклятый Холован! Вздумал сейф Свердлова вскрывать! Это он только прикидывается, что золото ищет! Ему, гаду ползучему, документы Свердлова нужны! А там ведь и на Ягоду что-то может оказаться. Холован с покушением на Ленина хочет разобраться. Он под Железного Генриха роет! А в судьи карлика мерзкого Кольку Ежова позвал.

Железный Генрих, как только услышал, что Холован сейф вскрывать решил, отправил лучших своих мастеров тот сейф курочить. Опередить Холована надо! Все, что в сейфе есть, вычистить. А всякую дрянь оставить. Но вот уже сутки крутят его ребята всеми возможными инструментами скважину замочную, но ни черта у них не получается. До двенадцати дня, до начала соревнований, еще есть время, может, получится. Ах, если бы получилось!

Настя проснулась ранним утром от грохота засова. Она спала не раздеваясь. Воздух тут чистый, но слишком уж к утру холодный. Одеяло летнее легонькое не помогает. А еще она не раздевалась ради того, чтобы быть готовой к любой неожиданности.

Лязгнула дверь. Вошел человек в форме НКГБ, но почему-то без знаков различия на петлицах, в круглых очках наподобие велосипеда. Вошедший не представился. Настя сидит на кровати своей. Вошедший угнездился на табуретке, к полу привинченной.

Разговор их длился совсем недолго, и явно вошедшего раздосадовал. Это и не разговор был вовсе, а допрос. Настю вошедший чекист вежливо Анастасией Андреевной величал. Перед тем, как войти, он, очевидно, ознакомился с ее биографией. Он, несомненно, понял, что 23 августа 1936 года в 15:10 на первой платформе Северного вокзала Москвы Стрелецкой Анастасии Андреевны не было и быть не могло. Змеед обознался. Человек в очках пришел только для того, чтобы удостовериться, что все обстоит именно так, и очень даже скверно: поймали и заперли вовсе не ту, которая требовалась.

И она поняла, что вошедший не в лучшем расположении духа, и это расположение в ходе короткой беседы ухудшилось.

И тогда она решила показать ему, как следует допрос вести.

— Смотрите мне в глаза. И отвечайте все, что угодно.

Он повиновался, сам не зная, почему.

— Я определю ваш год рождения. Это был 1890-й. Можете отвечать «да», «нет», «не знаю». Ваши ответы значения не имеют. Итак, 90-й?

— Не знаю.

— Это был 91-й?

— Нет!

— 92-й?

— Да! Именно он!

— 93-й?

— Возможно.

— 94-й? Смотрите в глаза! 94-й?

— Почему бы и нет?

— 95-й.

— Тоже возможно.

— 96-й?

— Понятия не имею.

— 97-й?

— Скорее да, чем нет.

— Не надо меня обманывать. Вы родились в 1895 году.

Месяц январь?

— Да. Январь.

— Февраль?

— Да. Февраль.

— Март?

— Да. Март.

— Апрель?

— Да. Апрель.

— Ложь. Вы родились в феврале. Дату определить?

— Нет, нет, — вдруг забеспокоился человек в очках. Собрал бумаги и скрылся за дверью, гроыхнувшись засовом.

Настя знала каким-то звериным знанием, что сейчас она не может показать слабость. Слабых бьют. Она должна выразить силу. Но как? Только вот так, продемонстрировав, что она очкастого все равно переиграет, что бы он там ни замышлял.

Раннее утро. Сентябрь. Слякоть. Холод. Зевоту не унять. Змеед на лефортовской проходной пропуск в развернутом виде предъявил, прошел еще один контрольный пост и еще. Перед тем, как дверь в свой отдел ногой толкнуть, фразу шуточную, заранее заготовленную, про себя повторил: «А вы, ребята, наверное, и забыли, кто я такой?»

Распахнул дверь и оказался перед старшим майором Государственной безопасности Булановым Павлом Петровичем.

— Я вас жду, поехали.

Куда поехали, зачем поехали, Буланов не объяснил.

А поехали прямо в Коммунарку.

У Генерального комиссара Государственной безопасности товарища Ягоды огромный кабинет в центральном здании НКВД на Лубянке. А еще у него кабинеты в Лефортовской тюрьме, в Бутырке и на Таганке. Больше всего он любит принимать доклады в царском кабинете Большого Кремлёвского дворца, в котором когда-то товарищ Свердлов работал, под которым товарищ Свердлов личную тюрьму устроил. В той тюрьме товарищ Свердлов личных узников держал. В их числе и Фанни Каплан. Из той тюрьмы арестантов выводили только в одно место — в гараж кремлевский. Чтобы под шум мотора...

Но когда дело касается вопросов самых важных, то встречи товарищ Ягода проводит у себя на даче в Коммунарке. Красиво тут. Подмосковье вообще красотой славится. Я бы лично для себя дачу бревенчатую в Пушкино возвел бы. Это, знаете, по Ярославской дороге. Помните у Маяковского:

*Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою...*

Так вот там, в Пушкино. Но и Коммунарка тоже бы сгодилась. Природа, знаете ли, речка, камыши, рощи березовые, синицы прыгают, зайчики, лягушки вечерами в камышах поют, рябина зреет.

За высокими зелеными заборами на пригорочке возвышается усадьба Ягоды. На контрольных постах почетную службу справляют славные молодцы из особой роты, каждого бойца которой Генрих Григорьевич отбирал лично.

Дорожки белым песочком выстланы. В клумбах цветы заграничного фасона. Остановилась машина возле крылечка. Часовой у товарища Буланова даже пропуск не спрашивает. Свой он тут человек. У Змееда тоже не спрашивает: раз с товарищем Булановым, значит, все тут в порядке. Прошли коридором, повернули — большая комната вроде приемной. Трое чекистов ждут. Тут у Змееда и екнуло сердце. Говорил же Холованов: не ходи туда больше!

Стукнул в дверь товарищ Буланов и, не дожидаясь ответа, пропустил Змееда в начальственный кабинет.

А старший в группе курьеров капитан Государственной безопасности Давыдов Михаил Борисович расцвел маковым цветом: живем, ребята!

Не поняли те, отчего радость, если всем троим не миновать жуткой кары за потерю груза.

— Да чего же не радуетесь!

— Да с чего вдруг?

— Да с того, что не пропал чемодан наш! Это проверка была! Это товарищ Ягода нам экзамен на бдительность устроил!

— Что ты порешь?

— А вы его не узнали? Да этот молодой в форме, что в кабинет с товарищем Булановым прошел, — это же тот самый! Вербкой подпоясанный!

ГЛАВА 13

1

Змеед пропал. Ждал его Холованов к завтраку. Не дождался. Пошел будить. Пуста каюта. Постель аккуратно заправлена. Холованов к капитану: где? Чешет затылок капитан в поисках ответа. Извиняется: вроде всю ночь вахты бдительно несли.

Ладно. Потом разберемся! А сейчас Сей Сеича встречать. Он уже доложил, что прибыл, арестанта Севастьяна-медвежатника доставил, на двенадцатом запасном пути станции Москва-Сортировочная в своем новом поезде ждет.

Рванул туда Холованов. Узника принял, привез куда-то, долго темными коридорами вел.

— Севастьян Иванович, ты, как я знаю, чекистов любишь, но не очень.

— Не очень, — подтвердил Севастьян.

— Так вот они объявили, что лучшие медвежатники в НКВД работают.

— Да куда им.

— Они бахвалятся, что в пять минут вскрыют сейф, который с 1919 года запертым стоит.

— А что за сейф?

— Большой очень, британский. Бромлей.
— Бромлея за пять минут не возьмут.
— А за десять?
— Им и трех часов не хватит. И десяти. Если Бромлей двухтонный, никто его не возьмет. Не зря он с девятнадцатого года заперт.
— А ты бы, Севастьян Иванович, тряхнул бы стариной?
— На людях?
— На людях.
— Тряхнул бы. Если инструмент будет.
— Водки тебе и тем, кто с тобой сидит, дам, сыра, колбасы. Год на убой кормить буду.
— Не надо мне милостей твоих, гражданин Холованов. Сам кушай.
— Побежишь — убью.
— Знаю.
— И внешность твою изменить надо, чтоб не опознали; ты у меня узник секретный.
— Меняй.
— Ты знаешь, где мы?
— Не знаю.
— Мы в Большом театре. Эй, человек! Зайди. И сделай так, чтобы этому джентльмену не стыдно было появиться в Палате лордов.

2

— Не ту вы мне девочку, Змеед, указали.
Сам он знает, что не ту. Да черт с ней, девочкой. Как от тех троих избавиться, что в приемной ждут? Как бы так к стенке отвернуться, чтоб не опознали?
Сердце колотится пойманным зайчиком. Что-то Железный Генрих толкует. Не слышит того Змеед. Только

спохватился, вслушался, согласился, растерянность изобразил: ай-яй-яй, да как же не ту? А так похожа. А ладони потные, а уши горят, а сердечко змееёдово того гляди из груди выпрыгнет.

Ягода знал, и вы это знаете, что криком делу не поможешь. Только не всегда получается крик сдержать. По себе знаю. А у Ягоды всегда получалось. Понимает Железный Генрих, что ошибся человек. Может, и ошибся. С другой стороны, как мог разведчик-наблюдатель так ошибиться? Как мог он дочку комкора Стрелецкого назвать?

— Так что, Змееед, делать будем? Искать? Снова все фотографии малолетних проходимок вам собрать? Лицо-то еще из памяти не стерлось?

— Да нет, Генрих Григорьевич, я уж постараюсь.

— Я вам еще работы подкину. У меня там товарищи в приемной ждут. У них чемодан сперли. Дело невеликое. Тряпки в нем были всякие. Но были там памятные вещицы для музея чекистской славы. С Дальнего Востока ребята привезли, да в Ярославле проворонили. Поможете найти?

— Помогу, как же.

Товарищ Буланов тем временем выскользнул в приемную, тихо дверь притворив, и объяснил неудачливым курьерам, что в их группу включается новый товарищ, который поможет преступление раскрыть.

Улыбнулся тут, в землю глядя, начальник группы курьеров капитан Государственной безопасности Давыдов Михаил Борисович, и тихо сказал товарищу Буланову, что они, курьеры, сознают, что виноваты, что проверку на бдительность они, конечно, не прошли, но в следующий раз будут службу нести с утроенной бдительностью.

Ничего не понял товарищ Буланов.

И тогда старший группы курьеров объяснил, что узнал он сейчас этого молодцеватого стройного чекиста, который

по приказу товарищей Ягоды и Буланова в Ярославле чемодан у них тяпнул.

— Кого вы узнали?

— Да того, которого вы в нашу группу назначили, того, который сейчас с товарищем Ягодой беседует. Явно они там, в кабинете сейчас над нами потешаются.

3

Настя обманула Буланова. Она вовсе не была мастерицей вести допросы и определять по выражению глаз, правду говорит человек или врет. Просто у нее была хорошая память. Уже скоро, прямо накануне наступающего 1937 года, в Москве откроется Восьмой Всесоюзный съезд Советов, который примет новую, самую демократическую в мире Сталинскую Конституцию. В Большом Кремлёвском дворце соберутся лучшие люди страны. Их будет 1286. Уже выпущена книжка с фотографиями и краткими биографиями народных избранников, которым суждено оценить и принять Конституцию в качестве основного и нерушимого закона Родины всех трудящихся мира. Совсем недавно эта книжка попала Насте в руки, она ее прочитала. А раз прочитала, значит запомнила. И вот оказалось, что лишних знаний не бывает. Вошедшего очкастого чекиста она сразу узнала: его портрет был на странице 66. Сомнений не осталось: это депутат грядущего Восьмого Всесоюзного съезда Советов товарищ Буланов Павел Петрович. Она вспомнила все, что на той 66-й странице было про него сообщено. Начиналась биография со дня рождения — 12 февраля 1895 года. Если бы он не испугался и не убежал, то она, глядя в его глаза, «установила» бы и место его рождения, и основные вехи биографии, и чекистское звание, и занимаемую должность — секретарь Народного комиссара внутренних дел СССР.

Ей надо было показать: принимайте меня всерьез, старший майор Государственной безопасности. Со мной не надо шутить.

И она показала.

И он понял.

А еще ей показалось, что голос его — это один из голосов, которые она ночью подслушала.

Но в этом уверенности не было.

4

К двенадцати часам проклятый сейф выволокли из кремлевского склада в большой пустой зал, который когда-то служил местом упражнений фехтовальщиков. Николай Иванович Ежов еще до начала поединка мастеров-медвежатников по-деловому распорядился: выставил вокруг всего здания охрану мощную, комиссию государственную организовал для приема ценностей. Не удастся вскрыть — ничего страшного. А если удастся — все к приему готово.

Железный Генрих поздно спохватился: у меня особая рота из отборных молодцов для охраны!

— Ничего, — ответил товарищ Ежов. — Красноармейцы из Первой Московской Пролетарской стрелковой дивизии тоже не лыком шиты.

Представил Генрих Григорьевич Ягода судье товарищу Ежову свою команду — пятерых мастеров НКВД. Команда Холованова — один до самых глаз заросший рыжей бородой иностранец в буржуйской шляпе, в черных перчатках, с белым шелковым шарфом на шее.

Перед представлением капитан команды НКВД взглядом показал Железному Генриху: всю ночь, а до того вчера весь день старались. Слегка даже руками развел: если бы недельку дали, так, может быть, мы бы его...

Вздохнул Железный Генрих, сам себя еще раз обругав: как же год, два, пять лет назад не озаботился этот сейф ковырнуть! А если вскрыть нельзя, так надо было вывезти в топкое болото, да в трясине и утопить. А так ведь черт знает, что там внутри окажется! Товарищ Свердлов мог хранить документы высшей степени секретности, которые никому никогда показывать не стоило бы.

Судья поединка объявил условия: пять минут одной команде, затем пять — другой. Потом по очереди — по десять минут, по двадцать, по тридцать, по часу, по два, по четыре. Далее — по нарастающей. Приз морской — жареный поросенок в яблоках. Очередность по жребью.

Метнул Ежов Николай Иванович монетку, звякнула она по гранитному полу. Хлопнул он по ней ладонью, чтоб не скакала, не прыгала. Поднял ладонь: оказалось — пролетарий с молотком, команде НКВД начинать. Щелкнул Николай Иванович секундомером швейцарским: время пошло!

Иностранец тем временем потребовал себе кресло и шампанское «Pol Roger». «Полрожи» по-нашему. Это любимый напиток Первого лорда Адмиралтейства сэра Чёрчилля, которого у нас по ошибке Черчиллем именуют. Наливает лакей, пенится напиток, шипучим каскадом через край прет. Взял у него из рук бутылку гость иностранный, без слов показал, как наливать надо. Край бутылки должен касаться края фужера. Вот и все. Никогда пена через край не попрет, дубина. А еще в ливрею нарядился.

Отработали чекисты пять минут, уступают место иностранному гостю. Но тот решительным жестом дает понять, что он свой выход пропускает. Ежов объясняет Холованову, что если первая команда сейчас на своем втором подходе вскрыет сейф, то соревнования прекратятся, иностранец проиграет. Но басурманин заезжий царственным взмахом изобразил, что все понимает без перевода и реше-

ние свое не меняет, ему нечего волноваться — это же Бромлей двухтонный, пусть соперники ковыряются.

Железный Генрих Буланову глазами: не уппусти момент, пальчики иностранца снять надо, разберемся потом, кто таков.

Но иностранец перчаток не снимает. После десяти минут он жест повторил, как и после первых пяти минут: работайте, мастера, я на вас люблю.

Отработала команда НКВД пять минут, дополнительных десять и еще двадцать. Кто бы знал, что они до того двадцать восемь часов с ним бились без сна и отдыха, меня друг друга...

Поработали, ребята? Отдыхайте. Теперь наше время! Иностранец сбросил с плеч черную накидку — в таких французские ажаны по Парижу порядок блюдут, — небрежно двинул в сторону хрустальную фужерину, словно скатерть-самобранку расстелил прямоугольный кусок бордовой кожи, разложил на ней сверкающий инструмент и приступил. Он действовал скорее не как фокусник, но как врач, через деревянную трубочку вслушиваясь во внутреннее шорохи железной двери, словно в биение человеческого сердца.

Не скажу, что иностранец вскрыл его сразу. Это был долгий утомительный труд. Отработав двадцать минут, уступил место соперникам. Он больше не пил шампанского. Он что-то вычислял в школьной тетрадке, кусая кончик карандаша. И когда ему дали новый тридцатиминутный подход, он на двадцать четвертой минуте что-то нащупал. Отошел от сейфа. Осмотрел его со стороны. Потом решительно вернулся к нему, зачем-то его обнял, лбом к нему прижался, похлопал так, как мы хлопаем по плечу старого товарища, и вдруг повернул штуку, которая служила ему ключом. Щелкнуло в сейфе, поворотил он ручку, чуть приоткрыл дверь чудовищной толщины и

столь же чудовищного веса и, не заглядывая внутрь, отошел к своему креслу.

Мастерство, удаль и силу русский человек уважал всегда. Даже если это сила и мастерство противника-басурманина. Подошел капитан команды НКВД к незнакомцу, пожал руку в черной перчатке, голову склонил: признаю тебя, мастер.

5

Попал Железный Генрих в полосу невезения.

Но сегодня пронесло. Не оказалось в сейфе Свердлова никаких документов, которые пролили бы свет на героическое прошлое Генриха. Тут только золото, деньги и паспорта на случай бегства товарища Свердлова и его ближайшего окружения из столицы нашей великой Родины и всего мирового пролетариата. Очень боялся Генрих, что и на его имя паспорт окажется. Но пронесло еще раз.

Много в сейфе золота, много денег. Одних только золотых и платиновых колец, сережек, перстней, цепочек, брошек, браслетов, кулонов, ожерелий, портсигаров, орденов, часов, икон, ларцов, табакерок с крупными бриллиантами, рубинами, сапфирами, изумрудами семьсот штук. Точнее, семьсот пять. Работа изумительная. Казалось бы — сто-двести граммов золота или платины да два десятка крупных бриллиантов, ну что той вещице за цена? А тут не бриллианты, не рубины и не золото ценятся, но работа мастеров. На каждой сверкающей безделушке клеймо то Осипова, то Хлебникова, то братьев Грачевых, то Фаберже, то Овчинникова. Продай одну такую штуковину в Париже — и покупай виллу на Лазурном берегу.

А еще тут деньги новенькие в пачках хрустящих. Пяти-сотрублевки с Петром Великим, сторублевки с Екатериной

Великой, пятидесятирублевки с Николаем Палкиным, четвертные с Александром Третьим. Всего 749 тысяч рублей. Империя рухнула, но ее бумажные деньги были настолько ценными, что иностранные банки принимали их по номинальной цене и даже меняли на золото до начала двадцатых годов. И на родине мирового пролетариата они цены не теряли и были в обороте до 1922 года. 749 тысяч — это очень много. Правда, сейчас они уже ничего не стоят.

Но есть здесь и то, что ценности не теряет, — монеты золотые: пять рублей, десять, пятнадцать... Николай Иванович Ежов удивляется: что за монета дурацкая — 7 рублей 50 копеек. Железный Генрих с понятием объясняет: у Александра Третьего были золотые монеты достоинством в пять рублей и в десять. Первая весила 6,45 грамм, вторая — 12,9. А Николай Второй в полтора раза сбавил содержание золота в рубле. На монетах весом в 12,9 грамм стали писать не «десять рублей», а «пятнадцать». Соответственно, монета весом 6,45 грамма стала не пятирублевой, а в полтора раза больше — 7 рублей 50 копеек. Кроме того, Николай Второй печатал свои пятирублевки весом 4,31 грамм и червонцы весом 8,62 грамм.

Холованов про себя удивляется да матерится: ювелир хренов, аптекарь, твою мать! А сам на своего иностранца глазом косит: не сорвался бы, воспользовавшись всеобщим вниманием к содержанию сейфа. А оно чарует.

Ювелирные изделия потом описывать и оценивать будут, сейчас только посчитали и определили общий вес — 102 килограмма 808,3 грамма.

А золотые монеты сортировать, считать и взвешивать решили прямо тут и сейчас.

Червонцев Александра Третьего оказалось 413, пятирублевок — 993. Общая сумма 9095 рублей. Общий вес — 11 килограмм 732,55 грамм.

Пятирублевок Николая Второго насчитали 6473, монет

по 7 рублей 50 копеек — 1612, червонцев — 4683, пятнадцатирублевых — 543. Всего 13 311 николаевских монет на общую сумму 99 430 рублей, общим весом 85 килограмм 668,19 грамм.

Смеется Холованов: не зря пролетарский вождь на своих родственников паспорта заграничные заготовил, да еще и несколько пустых незаполненных бланков припас. А то ведь в чемоданы все это упаковуй — сам не поднимешь.

Николай Иванович Ежов тоже весел: жаль, никто чемодан на колесиках не придумал! Как бы товарищу Свердлову удобнее было бы до самой границы не на горбу тащить, а катить за собой на веревочке. И руки Генриху Железному и Холованову жмет: спасибо, товарищи, правильное дело задумали, сокровища на нужды индустриализации обратим.

6

Плюхнулся Генрих в кресло: как же все-таки пронесло! В этом проклятом сейфе могли очутиться весьма неприятные бумаги, но их не оказалось. С другой стороны, отщипывает Несгибаемый Генрих малые кусочки от колымских золотых уловов, рискует, людей через всю страну гоняет, вынужденно посвящая в свои тайны, а настоящее сокровище чуть ли не два десятка лет под носом в пыльном складе дожидалось! Можно ли одну безделушку от Фаберже или братьев Грачевых сравнить с чемоданами золотого песка? Как же он не додумался этот сейф ковырнуть? Как забыл про него? Не получилось бы вскрыть? Пригласил бы зарубежного гастролера! Чертов Холован!

Павел Петрович Буланов, не спрашивая, налил шефу в стакан. Тот кивнул: мол, и сам за стол садись, и себе налей.

Сел Буланов. Налил. Выпили.

— Что делать со Змеедом?

— Там, на Коммунарке, выпытать все и, в отличие от остальных, похоронить в гробу. Живым.

— Что с ней делать будем? Дочь комкора из Генерального штаба. Выпускать никак нельзя. Скандал на всю Москву. Убрать?

— Не спеши. С этим успеем. Что-то придумать надо.

— Но выпускать нельзя.

— Ни в коем случае. Пусть сидит, разберемся с Гутаином — решим. Как думаешь, кто под нас роет? Холован? Шутка у него нехорошая про тяжелый чемодан.

— Это совпадение.

— А зачем он про сейф вспомнил? И откуда у него тут же иностранец взялся, способный любые сейфы курочить?

— Думаю, все же, что роет Колька Ежов. У него тоже шутка про чемодан на колесиках была. У, хитрый гад!

— Вот бы кого придушить, в дела НКВД так и лезет.

— Придушим.

7

Павел Петрович рано вернулся в Коммунарку. Тут кроме всего прочего — санаторий и гостиница для руководящего состава ГУГБ НКВД. Тут у Буланова еще одна квартира. Железный Генрих проводит много времени в Коммунарке, и секретарь должен быть рядом.

Сегодня Буланов страшно устал. Он не спал всю прошлую ночь. Потому постановил для себя: сейчас, прямо с семи вечера, спать, проснуться где-то в районе полуночи и идти отдыхать.

Он проснулся свежим и отдохнувшим, вымылся, надел гимнастерку без знаков различия, спустился вниз. Тут стараниями Генриха процветает отменный ресторан с украинским именем «Глэчик».

Для тех, кто не знает: глэчик — это такой кувшинчик.

Открыт ресторан почти круглые сутки, цены умеренные, кухня превосходная, и не только украинская, но и польская, русская, грузинская. Тут необыкновенный выбор блюд и напитков, тут еще и бар, комната отдыха, кинозал, бассейн, русская баня, спортивный городок, танцевальный зал, а дальше — лес, озеро, лодки. Сюда приезжают отдохнуть жены чекистов, мужа которых находятся в командировках. Тут всегда весело. Но Буланов тут не задерживается. Он выходит во двор, на задний двор. Ночами тут темно. Тут нет лампочек на столбах. Ночь в сентябре холодная, звездная.

В углу двора под вековыми липами — трансформаторная станция. Между ее задней стеной и глухим в два метра забором совсем неприметный проход. Если протиснуться туда, то можно нащупать широкую доску, которая прибита только сверху и только одним гвоздем. Потому доска сдвигается, открывая достаточно широкую щель. Пролезем в нее — и окажемся в соседнем, совершенно запущенном, заросшим старыми деревьями и колючей непролазной ежевикой саду. В глубине — заброшенный дом. От дырки в заборе к дому протоптана тропинка.

Дом одноэтажный, кирпичный, затянут плющом. Света в окнах нет. Когда-то дом этот выходил на тихую лесную то ли улочку, то ли дорожку. Но потом там построили гараж, и дом этот оказался со всех сторон отрезан от дорог и улиц. Сад огорожен высокими заборами с забитыми наглухо тесовыми воротами. Сад с годами одичал и зарос так, что остались только тропинки среди непролазных колючих кустов.

У этого дома замечательная история. В марте 1921 года X съезд Коммунистической партии принял решение, в соответствии с которым в стране вводился НЭП — Новая экономическая политика.

Ничего нового в той политике не было. Это был старый добрый капитализм: хочешь лепить кирпичи, их обжигать и продавать? Лепи, обжигай, продавай. Хочешь хлеб растить? Расти хлеб. Хочешь картошку? Пожалуйста. Хочешь бубликами торговать? Торгуй. Желаете ресторан открыть? Открывай.

А чтобы все это крутилось, был пущен в оборот золотой червонец точно такой же 900-й пробы, как и у Николая Второго. И вес был такой же — 8,6 грамм, точнее — 8,6026. Печатали ленинские червонцы на тех же царских станках. И серебряные рубли, и полтинники пустили в народ, по весу и форме такие же, как у Николая, но с другим рисунком.

До того голод терзал страну, душила полная нехватка всего, от керосина и валенок до гвоздей и топоров. А тут вдруг все сразу появилось. Но сразу же появились и очень богатые люди. Их называли нэпманами. Так вот, они открывали по стране сотни и тысячи ресторанов и кабаре. Этот домик под Москвой был спроектирован и построен как катран и тайный бордель.

Катран — это такая порода акул. У нас на Дальнем Востоке в Японском море водятся. А еще катран — это тайный игорный дом. Этот катран-бордель возводился с понятием, прямо рядом с дачами высшего руководства тайной полиции: кто тут искать будет? Так и не нашли.

Как только коммунисты на ноги встали и чуть отдышались, в конце 20-х годов НЭП они свернули, а нэпманам свернули шеи. Золотые червонцы быстренько из обращения изъяли.

Закрылись увеселительные заведения, погасли разноцветные огни, утихла музыка. Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. И это тайное блудилище тоже было брошено. Только тогда и сообразили чекистские начальники, что прямо под носом скрывалось.

Дом этот ломать не стали. Просто огородили со всех сторон заборами, он и зарос весь колючим шиповником, плющом да ежевикой.

Но свято место пусто не бывает.

Сообразил оборотистый директор санатория НКВД: почему бы не использовать такое строение? Да по прямому назначению?

Сорвал доски в заборе, протоптал тропинки, покрасил заново комнаты, занавесил окна темными шторами, мебель вся тут уже была, только пыль стереть.

Сначала в том доме в карты играли. Потом рулетку крутить начали. Появились и девушки. Клиенты — из высоко-го руководства НКВД. Правда, не из самого высшего. Ягода и его замы не догадываются. Здесь те, кого на проклятом буржуйском Западе называли бы полицейскими генералами средней руки. Тайна держится уже шесть лет. Новичка испытывают на верность. Предупреждают: кто доложит, тот естества мужского лишится.

Это я вам сообщаю с соблюдением приличий речи. Тем, кого принимают в круг посвященных, объясняют более простым и понятным языком.

У чекиста высокого ранга жуткая жизнь. По лезвию ходит. Не угоди начальству, соверши ошибку — вылетишь к чертям, если живым оставят. У чекиста высокого ранга огромная ответственность. У него нет времени на личную жизнь.

Так почему бы...

Советский золотой червонец из оборота изъяли. Но не полностью. Хранят люди под матрасами, хранят в тайниках под порогами, в глиняных горшках под яблонями. А чекисты за этим добром охотятся и выгребают. Кое-что к рукам липнет.

Вход в катран — один золотой червонец. И это все. Больше платить ни за что не надо. Пей, ешь, веселись, с де-

вочками кувыркайся. Но главное — это, конечно, игра. Тут играют по-крупному. Играют на червонцы, на запрещенные американские доллары и британские фунты.

Не поскупились нэпманы на мебель. Столы орехового дерева под зеленым сукном. Рулетка из Монте-Карло парходом доставлена. Комнаты для девушек убраны никак не хуже, чем в лучших домах Парижа.

Правило клуба: тут нет воинских званий. Сюда нельзя в форме со знаками различия. Тут никто никого не называет не только по занимаемым должностям, но даже и по фамилиям. Тут только имена или даже только шуточные клички. Это чтобы никто никого своим служебным авторитетом не давил. Тут все равны.

Бросил Павел Петрович звонкий, огнем горящий золотой в услужливо подставленную шляпу катранщика, сел за стол, расстегнул ворот, принял стопочку и взял карты в руки.

ГЛАВА 14

1

Во время составления акта о содержании вскрытого сейфа Свердлова Холованов шутил и смеялся. Теперь все формальности завершены, сокровища надежно спрятаны, охрана снята, рабочий день закончен. Холованов вернулся на свою плавучую базу, и теперь ему не до смеха и не до шуток.

Вскрытие сейфа он предложил только ради того, чтобы найти там документы на Ягоду. Возможное обнаружение сокровищ — это только повод.

Но в сейфе действительно оказались сокровища. И только они. Это была последняя надежда раздобыть козырную карту против Ягоды.

— Что делать будем, Сей Сеич?

— Если бы я знал...

— Принимаю идеи, даже самые бредовые. Есть такие?

— Бредовые, понятно, есть.

— Ну так давай!

— Змеед вместо Сыроежки подсунул Генриху какую-то другую девчонку.

— Ну.

— Нам бы ее найти.

— Зачем?

— Заявили бы товарищу Сталину, что Ягода девушек молоденьких ворует и содержит неизвестно где. Тем самым бросает тень на НКВД и Коммунистическую партию. Если буржуины узнают, позор Советскому Союзу на весь мир!

— Эй, так идея-то не бредовая, а самая что ни есть подходящая! Что же ты раньше... А как звали ее?

— Не знаю. У Змееда бы спросить, он дело ее изучал, он знает. Да только где сейчас Змеед?

— Змеед найдется, а вот ты мне скажи, где Ягода может девчонку прятать?

— Ну, уж явно не тюрьме. Никто об ее аресте знать не должен. Остается — где-нибудь у себя на даче или в Кремле. На даче трудно. А в Кремле самое место. У Свердлова личная тюрьма была в цоколе прямо под его кабинетом. Почему не там? Охранять ее женщины должны. У тебя, Дракон, среди женского персонала Большого Кремлёвского дворца должна быть агентура.

— Среди женского, говоришь?

— Ага.

— Среди женского есть.

2

Генрих — он, конечно, Железный, но даже и металл устает. Так это и называется — усталость металла. Устал Генрих. Сколько ночей бессонных, сколько нервов. Надо себя щадить. Надо отдыхать. Сегодня он вернулся в Коммунарку рано. Разделся, долго лежал в горячей ванне. Мощный душ взбадривает, а ванна успокаивает. Для пущего расслабления добавляет Генрих в горячую воду каких-то драгоценных не то южнокитайских, не то тибетских су-

шенных листьев. Аромат дивный и полное погружение в блаженство.

Разгоряченный, до предела удовлетворенный, добрел до кровати, задернул плотные шторы, чтобы солнце заходящее не мешало, и повалился в свежие хрустящие простыни, сам себе приказ отдавая: вечер для сна, а после полночи — отдых.

Будильник заводить не стал, зная, что к полночи проснется.

И проснулся. Свеженьким, отдохнувшим. Только на восемь минут полночь проспав. Улыбнулся сам себе: все же точность почти как в аптеке. Не каждому дано так мозг свой отточить, чтобы он даже и во сне, даже отдыхая в сладких грезах, все же точность соблюдал.

Вот теперь для бодрости — горячий душ жуткого напора. Капли, словно дробинки, по голове, по плечам, по спине и груди хлещут!

Растер себя полотенцем, словно наждаком, аж горит все тело и пышет. В самом возрасте мужчина! В самом цвете. 44 четыре года. 7 ноября — красный день календаря. В этот день Великой Революции ему 45 стукнет.

В свои 44 года он многого достиг: Народный комиссар внутренних дел, Генеральный комиссар Государственной безопасности, член Центрального Комитета Коммунистической партии. Но все еще впереди. Гуталин обещает место в высшей иерархии партии — в Политбюро. Неплохо бы. Вспомнил Генрих лозунг Мичурина, усмехнулся.

Мичурин — великий новатор. Он выращивал такие сорта фруктовых деревьев, что весь мир диву дается. Яблони мичуринские ломаются под тяжестью яблок! Везут иностранцев по мичуринским садам, показывают, те от зависти аж шляпы и галстуки свои грызут: тут действительно без обмана — все яблони переломаны у самого корня! Вот как мы умеем! Пусть буржуи злятся и злобствуют, на наши достижения глядя!

Так вот этот самый Мичурин лозунг в массы швырнул: мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача!

Когда Гуталин обещает место в Политбюро, Генрих улыбается благодарно, но про себя мичуринскую мудрость повторяет.

В этом настроении, с этой улыбкой на губах спустился в тайник. Вход замаскирован мастерски. В спальне вдоль стены — встроенные шкафы с шинелями, плащами, гимнастерками, гражданскими костюмами. За ними стена. Но, зайдя в шкаф и затворив за собой дверки, стену эту можно чуть сдвинуть в сторону, войти туда и вернуть стену на место.

Даже если в отсутствие Генриха кто-то и заглянет в спальню, то ничего подозрительного не обнаружит. Просто нет Генриха, вот и все. И возвращается он так же, сперва из шкафа через дырочку глянув, нет ли тут кого.

Оказавшись в темноте, Генрих по скобам спускается вниз и идет подземным коридором. Коридор этот по его проекту построен. Выкопали траншею для труб отопления, забетонировали, сверху плиты бетонные уложили, землей засыпали. И забыли. Потом тут колючая ежевика разрослась. А траншею для трубы в другом месте проложили. Работали тут разные бригады строителей. Приехали одни: им траншею рыть. Зачем, почему — не их собачье дело. Другой бригаде — бетонировать. Третьей — перекрывать. Рабсила — дармовая. Вокруг Москвы вон сколько лагерей. Тут тебе и строители, и инженеры. Ямы рыть умеют.

Пока ямы рыли, у Генриха архитектор работал, вредитель буржуазный, из СЛОНа доставленный. СЛОН — это, как вам известно, Соловецкий лагерь особого назначения. Задачу архитектору Генрих лично поставил под расписочку о неразглашении государственной тайны: в одной из буржуйских столиц — не скажу где, секрет ужасный (но с на-

меком на Париж), — мы возведем публичный дом очень высокого класса. Но такой, чтобы нам знать и видеть, что в нем происходит. И чтобы контроль осуществлять минимальными силами. Тут же — и игорное заведение. Зачем это нужно, хоть год голову ломай, никогда не догадаешься, а Генрих права не имеет такие тайны раскрывать. Да вредителю и знать такого не положено: поставлена задача — выполняй.

Условия архитектору Генрих создал. Комната светлая. Правда, с решетками на окнах. Необходимое оборудование — по первому требованию. Кормежку ресторанную обеспечил. Что еще? Специальная литература о том, как публичный дом функционирует, и что в нем должно быть? Пожалуйста. Вся литература на эту занимательную тему давно заготовлена, переведена и тщательно изучена.

Набросал архитектор эскиз. Здание должно быть одноэтажным, по форме (только по форме!) напоминая вытянутый барак или склад. Внешние украшения — вопрос особый. Допустим, мы проложили ось «север — юг» и на нее наложили наш план. В южной оконечности — зал, в котором девушки встречают клиентов. Тут же и бар. В северной оконечности — такой же зал для рулетки. И тоже бар.

В средней части здания по центральной оси «север — юг» возводим очень толстую стену, которая делит эту часть на две половины. В восточной части — комнаты для картежников, в западной — для девушек. Все эти комнаты без окон. Они тут не нужны. Комнаты прилегают к центральной толстой стене, двери выходят в коридоры.

Таким образом, у нас два коридора вдоль наружных стен. Из южного зала можно западным коридором пройти в северный зал, имея справа двери в комнаты девушек, а слева — наружную стену с небольшими окнами (можно и без них). Или путь можно проделать по восточному коридору. В этом случае правее будет наружная стена, левее — двери в комнаты картежников.

Остается вопрос вентиляции комнат, в которых нет окон. Решение простое. Циркуляция естественная. Трубы для воздуха — в центральной толстой стене.

Исюминка в том, что толстая центральная стена не монолитная, но двойная с коридором внутри. Пол коридора поднят на полтора метра над полом остальных помещений. Один контролер может, прохаживаясь по коридору, видеть, что происходит в обоих залах и в любой из комнат. Наблюдение — сквозь вентиляционные решетки. Вид — со стороны и чуть сверху.

Чтобы попасть в этот наблюдательный коридор, на который, как на стержень, нанизаны комнаты, надо проложить подземную галерею. Но это Генрих и без архитектора понимает. Об этом он уже позаботился.

Техническая проблема: как обеспечить полноценную вентиляцию всех комнат, при этом исключив проникновение звуков из одной в другую. Над этим надо помозговать.

— Мозгуй, — изрек Генрих.

Решение другой инженер нашел. Тоже из разоблаченных врагов. Ему Генрих подробностей не сообщал. Тут проще: вот коридор, вот решетки, вот тут воздух циркулирует.

Когда планирование было завершено, решил Генрих возвести пробное здание без всяких внешних украшений не в какой-то буржуйской столице, а тут, под Москвой, прямо на Коммунарке, и посмотреть, как все это будет работать. Построили быстро. У нас умеют, когда захотят. Строили тем же вахтовым методом: одна бригада одно делает, не зная для чего, не догадываясь даже, в какой части страны это строительство ведется. А другая бригада продолжает.

Что потом с тем архитектором и с заключенными инженерами стало, Генрих уже не помнит. Он только уверен в том, что они никому ничего не расскажут.

Мебель и все необходимое — из Франции и из Швеции, рулетка, как мы уже знаем, из Монте-Карло. Деньги на все

это у Генриха водятся такие, за которые ни перед кем отчитываться не надо.

Что стоит одноэтажное, почти без окон, здание возвести? Только позаботился Генрих, чтобы стены были покрепче, да перекрытия литого бетона, чтобы никто с чердака нечаянно наблюдательный коридор не обнаружил. Вся электропроводка, водопровод, канализация, отопительная система так выполнены, чтобы не было нужды центральную толстую стену долбить и сверлить в случае ремонта.

За забором гостиницу возвели для руководства НКВД и дом отдыха. Все это Генрих под личным контролем держал. Так планировали, чтобы окна гостиницы на задний двор не выходили, да чтобы света тут лишнего не было, да чтобы кирпичное здание трансформатора под вековыми липами оказалось, а еще — чтобы между задней стенкой трансформатора и забором узкий проход остался.

По завершении строительства придан был катрану такой вид, будто не вот сейчас он построен, а несколько лет назад, а потом брошен. Весь состав Коммунарки Генрих сменил. А среди нового состава слух пустил: вот, мол, где нэпманы забавлялись.

Осталось подходящего содержателя найти. Это уж совсем легко. У Генриха картотеки на всех арестованных хозяев катранов, воровских малин и подпольных публичных домов всего Советского Союза — выбирай того, который тебе нравится, выпускай досрочно из узилища за примерное поведение, по ошибке, не разобравшись, предлагай работу директором гостиницы НКВД и осторожно, не вспугнув, идейку подбросить: вот какое сокровище за забором пропадает! Мебель-то какая! Как в лучших домах Парижа и Амстердама. И все брошено. И никому не нужно. Да спрятано так — не найдешь!

Директор гостиницы и санатория НКВД клюнул мгновенно. Чтобы содержать подпольный публичный дом, надо

быть поэтом хотя бы в душе. Генрих поэта подобрал. И душа поэта не вынесла, чтобы такой подарок судьбы в запустение пришел. Опять же клиенты — тут, а денег у них — неупрогрел. Протоптал тот дядя тропинку в непролазной ежевике, пыль протер на карточных столах, и закрутилась рулетка! И кто его арестует, если катран внутри огороженного со всех сторон высокими заборами участка, да еще и разгороженного внутри множеством других непролазных заборов, если вся эта территория охраняется отборными войсками НКВД, если клиенты — верховые чекисты?

Девушек он мигом навербовал. В Москве девушек красивых вон сколько. А на такую работу желающих всегда много. Опыт у него был, знал, где и как вербовать. Когда дело развернул, привлек к нему и молодых чекистских жен: твой муж в далекой Бразилии раздувает пожар Мировой революции, а ты одна в палатах чахнешь, словно царевна-Несмеяна, а тут такая работа! Интересная, веселая, приятная, денежная.

Поднялся Генрих по лесенке в наблюдательный коридор. Он проходил этот коридор всегда сначала с юга на север. Как в нашей песне: с южных гор до северных морей... Начинать с осмотра зала, в котором девушки вели беседы с гостями. Это красный зал. Он всегда в полутьме. Тут толстые ковры, приглушенный свет бордовых ламп, мягкие кожаные диваны островками, отделенные друг от друга тяжелыми бархатными шторами, которые в любой момент можно совсем задернуть, чтобы никто никому не мешал. Тут бар, а в баре — только девушки. И маленькая эстрада посередине, на которой они танцуют, развлекая и привлекая.

Далее Генрих осматривает комнаты западной стороны. Они все разные: турецкая комната, как палата гарема, пыточная с кандалами и плетью, школьная с доской и партой, тюремная, госпитальная, железнодорожная, как купе поезда дальнего следования, монастырская, канцелярия,

военная со стреляными гильзами и разбитым пулеметом, а есть просто уютные. Очень популярна комната с булыжной мостовой и газовым фонарем. Девушки наряжаются медсестрами, солдатками, милиционерами, обитательницами гаремов, секретаршами, школьницами, монахинями, светскими дамами или грязными уличными шалавами.

Зал с рулеткой — зеленый. Тут серьезные люди. Тут проигрывают (но и выигрывают!) звания и должности. Тут крутятся большие деньги. Тут решают великие проблемы.

От этого зала Генрих возвращается, оглядывая комнаты восточной стороны. Осмотр — это совмещение полезного с приятным. Генрих знает все слухи, которые циркулируют в верхах руководства НКВД. Знает из первых рук. А послушав часок болтовню в картежных комнатах, он теперь уже надолго возвращается к любимому занятию: контролю комнат западной стороны.

Генрих обожает порнуху. Всякую: фотографии, рисунки, фильмы. Но больше всего эту — реальную и настоящую. Это же не постановочный кадр. Это настоящая жизнь в ее многообразии. Это страшно интересно.

Одному удивляется Генрих: как мог Николай Палкин строить Большой Кремлёвский дворец, не предусмотрев возможности подсматривать и подслушивать? Генрих сам обследовал покои первого этажа. Тут толстые стены, в которых нет никаких отверстий. А вентиляция — это огромные окна наружу.

Мысль про глупого Николая мелькнула и забылась. Генрих погрузился в созерцание...

3

— Товарищ Холованов, там вас какой-то голодный шкет спрашивает.

— Что за шкет?

— Не знаю. Говорит, должен вам куртку вернуть и мешок резиновый, чем-то набитый.

— Шкета, капитан, зови. Скажи, что заждался я. И повнимательнее к человеку. Шкет уважения заслуживает.

4

У Дракона был дар. Он почему-то мог объясниться с любой женщиной. Они как бы спрашивали у него, чем бы помочь. И помогали. Иногда — даже если он об этом и не просил. Кремль для Дракона всегда был главным объектом агентурного проникновения. Телефонистки и телеграфистки, уборщицы и секретарши, медсестры и шифровальщицы, библиотекари и хранительницы кремлевских музеев — вот круг его вербовок. Все строилось на любви. Он любил свою агентуру самоотверженно, до безумия. Его агенты отвечали столь же безрассудной любовью, забывая семью и дом, рискуя работой, репутацией, свободой, а то и жизнью. От них он знал если не все тайны Кремля, то многие из них.

Но в южном крыле цоколя Большого Кремлёвского дворца агентуры у него не было. Руки не дошли. Сегодня ранним утром ни свет ни заря он спустился туда, переговорил с грудастой бабенкой в синем берете Государственной безопасности и револьвером системы Нагана на правом боку.

Она поняла его. Она рассказала, что да, сидит девчонка в комнате, которая обычно использовалась для отдыха дежурной смены охраны товарища Ягоды. Сейчас временно охрану отселили. Готова ли сисястая помочь товарищу Холованову Александру Ивановичу? Да, готова, но не поможет. Потому как девчонку она ни при каких условиях не выпустит. Только переговорить с ней? Нет, и этого не будет.

Почему? Да просто потому, что железная дверь заперта на два замка, а ключи — у разных людей. С одним человеком поговориться можно, но толку от этого нет.

А если через дверь поговорить? Через дверь — сколько угодно. Говори, только побыстрее. Атас объявлен будет громким кашлем.

Встала тетя поперек коридора, перегородив его словно революционной баррикадой, а Дракон прошел туда, куда ему указала женщина, вздохнув и колыхнув грудью.

5

Дверь железная, кованная мастерами Николашки Палкина. Дверь в проеме — словно в маленьком тоннеле. Нет в этой двери глазка, как в обычной тюремной двери, потому как не тюрьма это вовсе. Тюрьмой эта комната только от случая к случаю служит.

Постучал Дракон. Позвал тихо:

— Девушка, девушка!

Откуда ему знать, как ее зовут.

Откликнулась она. Видимо, не спала.

— Девушка, я пришел вам помочь.

— Приветствую вас, гражданин провокатор!

— Девушка, у меня совсем мало времени. Допустим, что я провокатор, но вы ничего не теряете. Если вы выйдете на свободу, у Ягоды могут возникнуть проблемы. Потому Ягода в любом случае вынужден будет вас убить, как совершенно ненужного свидетеля. Для него лучший вариант — чтобы вы бесследно исчезли. Если вы мне что-нибудь расскажете или будете молчать — разницы нет. Теперь предположим, что я не провокатор. Вы промолчите, и я ничем не смогу вам помочь. Расскажите все, что вы знаете о нем. Любая мелочь может стать ключом. И тогда я,

может быть, что-то сделаю против него. Это будет вашим спасением. Только скорее. Сейчас сюда придут.

— Хорошо. Слушайте. Осенью будет пленум Центрального Комитета. Охрану будет нести особая роты Ягоды...

— Откуда вы это знаете?

— Я ужасно догадлива. Так вот, товарищу Ягоде все равно, кто и как будет на пленуме голосовать.

— Это еще почему?

— Ему важно другое: кто этот пленум будет охранять.

— Понял. Что еще?

— Товарищ Ежов под угрозой. Покушения на его жизнь не исключаю.

— У меня такое же мнение. Есть детали, есть улики?

— Нет. Но достанется и какому-то Гуталину.

— Доказательства!

— Нет их у меня. Есть нечто совсем иное. Сегодня в какой-то Коммунарке живьем в гробу закопают какого-то Змееда. Вам это имя что-то говорит?

— Говорит. Спасибо!

Бежит Дракон коридором. Вспомнил, что надо было бы хоть спросить у девушки, как ее зовут. Но Дракону сейчас не до того. Тетеньку сисястую, которая его покой берегла, чмокнул на бегу в губы алые и скрылся за поворотом.

6

Те, кто на самом верху, путешествуют в персональном поезде. Еще и с парой бронепоездов сопровождения.

Те, кто рангом помельче, имеют персональные вагоны. А бывший член Политбюро и бывший властитель Украины, а ныне первый заместитель Народного комиссара тяжелой промышленности товарищ Пятаков Георгий Леонидович теперь путешествует почти как обыкновенный

советский человек, почти как все. Вагон его не на одного, а сразу на четырех пассажиров. Каждому пассажиру — два соединенных между собой купе. Одно купе спальное, другое — салон. Кроме этих четырех сдвоенных купе, в вагоне кухня и буфет. И два купе для проводников и повара.

От былых привилегий у товарища Пятакова осталось совсем немного. В отличие от поездов для простых советских людей, вагон со сдвоенными купе прибывает не на станцию для всех, а на особую, на ту, которая находится в районе Курского вокзала, которая под закопченное паровозное депо замаскирована. На подходе к Москве спецвагон отцепляют от основного состава и по другой ветке загоняют под своды паровозного якобы депо.

Товарищ Пятаков хорошо отдохнул. Теперь он полон решимости неутомимо продолжать борьбу за дело Ленина-Сталина. Он готов бороться с любыми уклонами от генеральной линии партии, готов лично расстреливать врагов народа, кем бы они ни оказались, — хоть вчерашними соратниками по Политбюро, хоть собственной женой.

Вот и Москва. Скорей бы на работу. Скорей бы окунуться в трудовые будни, в кипение и бурление великих строек.

Когда-то давно, в октябре 1914 года, революционер Пятаков бежал из свирепой царской каторги в Швейцарию. Тогда это было несложно. Революционер Пятаков ухитрился такое совершить даже в разгар Мировой войны, преодолев фронты и земли врагов. Немцы таких беспрепятственно пропускали в Швейцарию к Ленину, а потом всю шайку, как вшей в пробирке, вернули в Россию.

Сейчас нет войны, и не на каторге товарищ Пятаков, а на ответственной руководящей работе. Большой властью облечен. Но не сбежать теперь в Швейцарию. Кончился проклятый царизм, теперь у нас полная свобода под властью трудового народа.

И почему-то глубоко вздохнул бывший революционер.

Подскочили носильщики, не спрашивая, куда нести, — тут носильщики особые, без вопросов и ответов знают, какой чемодан к какому персональному лимузину тащить. Подхватили они чемоданы товарища Пятакова и других его спутников — заместителя наркома иностранных дел, заместителя наркома внешней торговли и прокурора Московской области.

На спецвокзале специальное все. Тут спецдежурный, спецстрелочники, спецносильщики, которые денег не требуют и чаевых не берут. За ними поспешил товарищ Пятаков.

И вдруг из соседнего купе вышел Железный Генрих:

— Здравствуйте Георгий Леонидович!

— Здравствуйте, товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности.

— Как отдохнули?

— Спасибо, великолепно.

— Дело есть.

— Слушаю.

— Суд над Зиновьевым, Каменевым, Смирновым и прочей сволочью завершен. Они расстреляны.

— Собакам — собачья смерть!

— Правильно! Вы, если не ошибаюсь, хотели на этом процессе выступить?

— С превеликим удовольствием. Жаль, не получилось.

— Ничего страшного. Следующий суд над бывшими вождями, а теперь врагами народа, через четыре месяца, в январе тридцать седьмого года. Готовы?

— Готов! Я всегда добивался роли общественного обвинителя!

— Нет, нет, Георгий Леонидович! Вы пойдете не обвинителем, а обвиняемым. Чуть не забыл вам сообщить: вы арестованы.

Если сказать, что Змееед не кричал, то это не будет правдой.

Он орал. Он вопил. Он визжал. Боль была жуткой, сдержаться не мог.

Пыткой руководил начальник группы исполнителей приговоров Лефортовского следственного изолятора товарищ Крайний, особо усердствовал товарищ Злыдень. Остальные не отставали.

Что главное в пытке? Главное — не дать клиенту уйти «по-английски», не простившись, не упустить его в смерть раньше времени. Тот, кто руководит пыткой, должен быть одновременно врачом, психологом и немного — поэтом. Пытать — это не профессия. Это призвание. Это талант. Не каждому дано. Иной клиент — здоровяк с виду, а чуть прищемили ему что-нибудь, и остановилось сердце. И все. И конец пытки. Что это? Это — брак в работе.

Со Змееедом работали без брака. С ним не просто работали, но демонстрировали, как надо работать. Это как в мединституте: делает группа хирургов филигранную операцию, а вокруг за стеклом сотня студентов-медиков внимательно следит, записывая в конспекты.

Тут все было именно так. Только второй и третий взводы особой роты НКВД сидели не за стеклом, а просто на взгорочке, как на трибуне стадиона «Динамо».

Задача пытающим была поставлена простая: узнать, кто послал Змеееда украсть чемодан в Ярославле.

Ни пыточной команде, ни прилежным ученикам знать не положено, что это за чемодан. Указание: как только начнет болтать лишнее, зажать рот. Узнать только, кто послал, кто был в партнерах, кто обеспечивал подстраховку, транспорт, спецодежду, инструмент и все прочее.

Слушатели следят за поединком следователей и под-

следственного с глубочайшим вниманием и азартом. Это как шахматная партия гроссмейстеров в притихшем зале. Иногда умолкший зал вдруг начинает галдеть, словно птичий базар. Ставки растут. Тут спорят о том, когда парнишка расколется, о том, не умрет ли до конца сеанса, о том, будет он колотиться до конца или что-то все же не пожелает выдавать.

Змеед не только орал. Он еще хохотал. Есть люди, у которых какие-то нервные центры работают как-то иначе. Он хохотал от дикой боли. Хохот переходил в вопль и снова в хохот.

Он не верил ни в богов, ни в чертей, но сейчас у кого-то, сам не зная у кого, он просил смерти. Или безумия. Но смерть не приходила. И разум не мутило. Пытка затянулась. Время от времени один из подручных исполнителя убегал доложить кому-то по телефону о результатах, вернее — об их отсутствии.

Результатов не было. То истошный вопль оглашал лесную поляну, то дикий хохот. То иногда надолго затихал Змеед, опрокинувшись в глубокий обморок. И это все.

А результата и быть не могло.

ГЛАВА 15

1

Руководитель пытки допустил грубейшую ошибку, и никто ее не заметил, никто его не поправил. Когда до полусмерти забитого Змееда выволокли на поляну для финального истязания, товарищ Крайний показал ему свеженький гроб и столь же свежую яму и объяснил, что закопан Змеед будет живым. Зрители хохотали, не понимая, что руководитель допускает непростительный промах.

Пытка ведь разная бывает. Но главное в том, чтобы помнить: а ради чего все это? Если ради мести — тогда пожалуйста, пытай на здоровье, потом живым в гробу закапывай. Но тут-то пытка ради получения очень важных сведений. Закапывание в гробу — это да, это будет месть. Но сначала сведения вырви, деревянная твоя голова! Не путай же грешного с праведным!

Каждый раз, когда боль захлестывала его, словно шампанское, пеной переливающееся через край хрустального бокала, Змеед был готов рассказать обо всем.

Он раскрывал рот, полный острых осколков выбитых зубов в клочьях кровавой пены. Он был готов назвать и Люську, и Холованова с Сей Сеичем, и поведать, где у Северного речного порта прячется пароходик, и доложить,

как ему удалось спереть чемодан и что с этим чемоданом потом стало. Но в последний момент, в самое последнее мгновение он вспоминал про стоящий рядом гроб: только расскажи, и тебя туда упрячут. Потому вместо признания орал: вам, ребята, зачтется!

Он уже не помнил и не понимал смысла этих слов. Он только знал, что после них будет новый прилив жуткой боли, но не гроб. Он не боролся за жизнь. Он знал, что все проиграно. Но он оттягивал момент — еще на одну минуту. Только на одну. И снова вопил: уж вам зачтется!

Пытка волнами идет: то крайний, к самой смерти подступающий напор, то расслабляющий отлив, чтобы сердце немного отошло, чтобы резьбу не сорвать.

И тогда все те же вопросы.

И все те же ответы.

— Кто был партнером? Как его звали?

— Не зна... А-а-а!

— Кто он?

— Не по... У-а-а-xxx!

— Какого он роста?

— Полтора-два метра, не больше... А-а-а... Ха-ха-ха... Зачтется!

Тогда-то и поступил приказ по телефону представление завершить.

2

Прет по Москве машина какого-то ненормального вида: стальная зеленая коробка, хищная острая морда вроде тарана, по четыре большого диаметра колеса с каждого борта, рев на полгорода. Никаких светофоров, никаких регулировщиков машина не признает. Шарахаются в стороны встречные-поперечные: расшибет! За нею мотоциклетки

НКВД гонятся. Преследователи в свисточки свистят: останись, гад! По колесам стрелять будем!

Да только в городе да на такой скорости вряд ли стрелять решатся. Вот вылетит дивная машина за город, тогда изрешетим!

Но это мотоциклисты просто сами себя успокаивают: подбадривают. За городом они тоже по колесам стрелять не будут. Потому как без толку. Потому как колеса железные, и только по периметру они резиной обделаны, дырки им не страшны, стреляй, не стреляй.

Постойте, а что это за машина такая?

Прощения прошу, это я вперед немного забежал. Давайте по порядку.

Дело так было: вскочил Дракон на мотоциклетку, Сей Сеич — на заднее сидение, в руках держит, к груди прижимая, нечто длинное, вроде лопаты, но куда более тяжелое, в солдатское одеяло завернутое. Так что у него и держаться за Драконову спину не выходит. Того гляди сорвется.

Рванул Дракон по улице Горького мимо Юрия Долгорукого, мимо задумчивого Пушкина, мимо Белорусско-Балтийского вокзала на Ходынку. Пролетел мимо пропускного пункта. Тут, на аэродроме, его знают, тут его пропускают. Но не везде. Там, где недавно был показ боевой техники, многое уже убрали. Но кое-что осталось. И это кое-что огорожено колючей проволокой, а на входе — грозный часовой. Прошлый раз был у Дракона алый атласный пропуск с профилем Спасской башни и надписью «Проход везде». Но кончился показ, сдал он тот пропуск. Как пройти? Просто.

Уверенной командирской поступью шагнул решительно к часовому, большим пальцем указал через плечо на Сей Сеича:

— Этот со мной!

— Есть! — ответил часовой, пропуская обоих.

Если этот с тобой, то, конечно, пусть проходит! Только

минут через пять часовой опомнился: этот с тобой, а ты-то кто таков?

Но было поздно. Дракон уже вызвал начальника, который тут самый главный, и уже отчитывал его:

— Где танк БТ-7?

— Вот он.

— А башня где?

— Башню сняли. В 1-ю Московскую Пролетарскую дивизию отправили.

— Зачем?

— Для БТ-7 разрабатывается новая сварная коническая башня, но ее испытания пока не завершены. Потому для показа временно использовали цилиндрическую башню от БТ-5. Показ завершен, она больше не нужна, вернули законному владельцу.

— Ладно. Гусеницы сняты?

— Сняты.

— И то хорошо. Танк заправлен?

— Заправлен.

— Где водитель?

— Вон бежит.

— Давай его сюда.

— Постойте, гражданин, да кто вы такой?

Тут и начальник особого отдела подоспел, пистолет выхватил: виданное ли дело — на секретный объект посторонние без пропуска проникли!

— Документ! — кричит особист. — Предъяви документ!

Дежурная смена караула поднята — шесть бойцов с разводящим сюда борзо несутся, подковами грохочут, затворами винтовок клацают.

— Арестовать! — визжит особист.

Водитель танка, на особиста не реагируя, начальнику своему на ухо что-то шепчет.

Дракон ему: повтори!

Повторяет тот: я вас, товарищ, на показе техники видел, вы с товарищем Сталиным шептались!

— Правильно! А я видел, как тебя, мастера, товарищ Сталин хвалил. Бегом в машину! Заводи!

Побежал водитель, взревел танк.

А караул штыками на Дракона ошетинился, изрешетят!

Холованов — Сей Сеичу: покажи им штуку!

Сей Сеич и без приказа знает, что делать. Сбросил солдатское одеяло, ручной пулемет ДП оголил: в капусту искрошу! Бросай оружие!

Оружия никто не бросил, но стрелять да штыками баловать поостереглись. Подкатил танк. Холованов внутрь прыгнул, пистолет огромный особисту в лоб направил: кто дурить вздумает — особиста пристрелю.

Момент тут деликатный: Сей Сеичу в танк забраться нужно. Но сначала — Дракону пулемет передать. В это время беззащитны оба. Потому особист в качестве заложника взят. Дракон ему в рожу пистолетом тычет: ну!

Приказал тот всем оружие опустить. Опустили. Принял Дракон пулемет, Сей Сеич забрался в танк.

И понеслись вперед, шлагбаум своротя.

Следом им — мотоциклов десяток. Сначала — два. Потом уж на Ордынке и другие из переулков выскочили.

Водитель-мастер гонит через перекрестки, на светофоры не реагируя. Обзора вправо-влево у него никакого. У него — только вперед. Не для того автострадный танк придуман, чтобы правила уличного движения блюсти. Он и не блюдет.

Сей Сеич с Драконом на полу боевого отделения трясутся от вибрации жуткой, иногда только мельком назад выглядывая, чуть-чуть из-под брони высовываясь, иначе преследователи голову стрельбой продырявят, пугануть их пора. На то ручной пулемет ДП есть, которого совсем недавно одной девочке так не хватало в конотопском парке.

— Сей Сеич, магазин-то где от пулемета?

Извиняется Сей Сеич: забыл в спешке.

Не мудрено: влетел Дракон, орет, как бешеный: пулемет, мол, хватай. Сей Сеич и схватил. А про магазин с патронами Дракон не кричал, потому магазина с собой и не оказалось. Это, кстати, очень даже психологически объяснимо. Смотрите, в фильмах наш положительный герой хапнул автомат из рук убитого врага и побежал. А вы когда-нибудь видели, чтобы он еще и подсумок с запасными магазинами забрал? То-то.

Еще и то сработало, что Сей Сеич такую штуку никогда в руках не держал. Наводя ручной пулемет на подбежавших караульных, Сей Сеич не знал, что у пулемета еще и магазин дисковый должен быть о сорока семи патронах, точно как у британского «льюиса». Но и караульные этого не поняли. Рожа уж слишком зверская на них смотрела, глазами яростно сверкая, пулеметным дулом в рыло тыкая.

Но если бы и были патроны, то все равно не знал Сей Сеич, как с этой штукой обращаться. Сейчас бы самый момент шарахнуть длинной очередью над головами, пугануть бы преследователей, да жаль, нечем.

Вылетел танк автострадный за город.

Хорошо бы с башней ехать, с пушкой и пулеметом. Да сгодился бы и ручной ДП, будь в нем патроны. Но нет их. Потому надо исхитриться.

— Ты, браток, тормозни с поворотом, как только я тебе по плечу рукой хлопну.

Водила понимающе кивает, от управления не отвлекаясь. Тут его Дракон и хлопнул, уловив, что самый нахальный мотоциклист на обгон пошел.

Взвизгнул танк, на всем ходу вдруг поперек дороги разворачиваясь. Врубился мотоциклист в броневой борт между двух средних опорных катков. Водила, не мешкая, вернул машину в колею и наддал. В разбитый мотоцикл, в распластанный на дороге труп врезался следующий пре-

следователь, через руль кувыркнувшись. Остальные, опытом ученые, отстали.

3

На троих танкистов — один пистолет. Правда, большой. «Лахти». Лучший пистолет мира.

Но куда ехать? На Коммунарке много всего: тут вам и дачи руководства, и санаторий, и стрельбище, и расстрельный участок, как водится, и всякие заведения, о которых не каждому знать положено. Потому тормознул водила возле первого встречного чекиста, Дракон его за ворот в танк вздернул: веди!

Когда-то в юности был у Дракона старшина роты. А лучшие старшины, как всем известно, из хохлов: *застыбнуть поговку*! У этого старшины присказка любимая была: Терзать буду!

И вот сейчас свирепый Дракон из ревающего танка, помахивая огромным пистолетом, орал (почему-то с украинским выговором, точно как тот старшина): *Дэ воны! Тэрзать буду!*

И разбегались в ужасе случайные зеваки. Оно и не мудрено. Тут, в Коммунарке, — тишина, которую и звуки расстрелов не особо нарушают. Потому как ели да сосны шум глушат. Тут синички летают, зайчики прыгают, и вдруг — рев да грохот, да дядька огромный из танка матерится, не то пьяный, не то с ума свихнувшийся.

Вот и забор глухой. И ворота высокие. В эти-то ворота и врубился танк, измяв и оборвав себе крылья над колесами, но разметав ворота в щепы. Нет в танке башни. Дырка круглая там, где башне быть надлежит. С хрустом и треском обломки досок с болтами, гайками и четырехдюймовыми гвоздями над этой дыркой пролетели, никого

не зацепив. Сей Сеич с Драконом головы пригнули, на пол повалившись. Чекиста, ненужного более, Дракон из танка заранее вышвырнул. Влетел танк на полянку перед ямами свежими, и, развернувшись на месте, замер возле шайки палачей, мотором урча, словно большой ласковый кот в добрых руках хозяина.

Водила — за рычагами, Сей Сеич пулеметом народ страшит, Дракон на землю прыгнул и, взглядом толпу разгребая, ринулся к центру ее. Тут гроб новенький, свеженький, из неструганых досок сосновых, запах тайги сохранивших. И дядька молотком стучит, гвоздей полный рот.

Грохнул выстрел. Дракон в землю шарахнул, прямо у ног согнувшегося у гроба, молотком вооруженного пролетария. Взвизгнул тот, отскочил. Дракон пистолетом в морду: открывай!

Сколько там было чекистов, я вам достоверно не скажу. Точно не помню. Навскидку — 130-150. Почему никто из них не стрелял, почему никто Дракону не возразил и ему не помешал, не знаю — объяснить не могу, а врать не буду.

Пистолет у Дракона в кобуре уже, беззащитен он, а про танк без башни и про свирепого дядьку с пулеметом в руках все присутствующие тут же и забыли: все внимание — на Холованова. И под его взглядом трое исполнителей приговоров из комендантской спецгруппы Лефортовского следственного изолятора ринулись крышку гроба срывать.

Змееда Дракон не узнал. Змеед лежал на левом боку, скрючившись, подобрал колени к животу, насколько это позволяло пространство гроба. На нем — обрывки штанов. Он был мертв. Но, может быть, без сознания. Лицо его — кровавая бордовая подушка с синевой, кисти рук и ступни ног черные, все тело изодрано, словно крючьями, избито собственной Змеедовой французской головоломкой. Подхватил Дракон его на руки:

— Змеедушка, родной, жив ты, а? Словечко, одно сло-

вечко скажи. Со мной будь, со мной. Это я. Ты же узнал меня, да? Не уходи, Змееед. Не уходи! Я спасти тебя пришел. И Сей Сеич тут. Мы же друзья твои. Ну! Мы на танке приехали...

Бросил Сей Сеич свой пулемет на дно боевого отделения. Бросил за ненадобностью. Выскочил. Вдвоем тело Змееедово подняли. Водила принять его помог. Все они сейчас беззащитны. Стреляй всех четверых, а в ямах Коммунарки всем места хватит.

Взревел танк, на месте разворачиваясь. Рванул с места так, что грязь комьями из-под всех колес. Крикнул Дракон что-то, что из-за рева никто не расслышал. Но поняли все: вам, ребята, зачтется!

4

Утро. Несгибаемый Генрих в своем кремлевском кабинете. Он сжал все свои эмоции в ком и вышвырнул из души. Сейчас он спокоен и холоден.

Что делать?

Думать!

Холован силой вырвал Змеееда из рук НКВД. Авторитету Железного Генриха нанесен удар неслыханной силы. Слух об этом поползет в первую очередь по НКВД, потом — и дальше. Ответный удар должен быть сильнее. Это должен быть разящий смертельный удар. Как бы ни сложилась ситуация, Холовану не жить. Он должен не просто умереть, но умереть мучительной смертью.

Кроме того, ситуация во многом прояснилась. Чемодан воровал Змееед, за его спиной стоял Холован. А кто за ним? Холован вертится рядом с Гуталином, явно выполняя какие-то его тайные поручения. Но стоит ли Гуталин за ним в данном деле? Вот в чем вопрос. В последние дни Гу-

талин очень неласково обходился с Холованом. Это может означать, что Холован копает под Железного Генриха, но действует по своей воле, по своему разумению.

Совсем недавно Генрих упустил момент. Упустил такой момент! С 1 по 4 июня в Большом Кремлёвском дворце проходил Пленум Центрального Комитета, который обсуждал проект новой сталинской Конституции. Все голубчики сидели в одном зале. 136 человек. Это все руководство Советского Союза. ВСЕ! Охрана Кремля — в руках НКВД. Сюда еще особую роту ввести для пущей безопасности. И никаких проблем. Зачем же тянул? Зачем более подходящего момента ждал? Тут как в картах: думал, дай еще самую малость доберу. И перебрал! А перебрал ли? Что случилось, что произошло? Да ничего особенного. Какой-то прохвост танк без башни с Ходынки угнал, пленника НКВД силой вырвал. Никто об этом еще ничего толком не знает.

Что же предпринять? Что *сейчас* можно предпринять?

Входы и выходы в Кремль под контролем НКВД. А триста отборных молодцов, как триста спартанцев, совершат все, что им прикажут. Но!

Но сейчас в Москве нет Гуталина. Он расслабляется в Крыму. Всех вождей в одном зале не захватишь. Эх, если бы можно было блокировать всю связь в стране. Тут в Москве — захват власти, а Гуталин в Крыму с отключенным телефоном сидит. Это был бы вариант. Но в Наркомате связи засел злейший враг Ягоды Рыков, который после Ленина был главой правительства. Против Рыкова Ягода ведет яростную борьбу в надежде вывести его в качестве врага народа на грядущем процессе.

Если ждать, будет ли ситуация лучше или хуже? Она будет хуже. Что-то трещит и расползается под ногами Железного Генриха: пропал курьер, украли чемодан с золотым песком, вырвали из рук НКВД укравшего чемодан. События становятся все более неприятными, темп нарастает. Тенден-

ция, однако. Надо выступать сегодня. Завтра будет поздно.

Стукнул в дверь секретарь Буланов:

— К вам товарищ Холованов.

— Как Холованов?

— Так — пришел, просит немедленно принять.

— Ты его обыскал?

— Пистолет он мне в руки отдал без предупреждения, и сам предложил себя обыскать.

— И?

— Чист.

— Зови.

Вошел Холованов, широко улыбаясь. Протянул руку, вроде ничего между ними и не случилось, крепко пожал руку Генриха, которая на ощупь вовсе не стальная. Но Холованов знал, что сила человека вовсе не в силе его рук, ног и спины, а мощь мозга Железного Генриха Дракон оценил давно и по высшей мере.

Предложил Генрих сесть напротив: слушаю вас, товарищ Холованов.

Холованов проверил, застегнута ли верхняя пуговка на воротнике гимнастерки и, улыбнувшись, сообщил радостную весть:

— Генрих Григорьевич, отныне вся связь Советского Союза под вашим контролем. Товарищ Сталин распорядился. Рыков снят с поста. Народным комиссаром связи вас назначил, принимайте дела.

Вот оно! Левая рука Генриха — под столом. И этой рукой он сжал колено, чтобы не расхохотаться от радости: наконец!

Унял он внутреннее ликование и бросил безразлично:

— Как же я справляться буду сразу с двумя наркоматами — и связи, и НКВД?

— Товарищ Сталин все предусмотрел. С должности наркома НКВД он вас снял. Товарищ Ежов теперь во главе НКВД встанет.

Рядом с кабинетом Сталина — кабинет Холованова. Дракон тяжело опустился в кресло. Достал из кобуры свой тяжелый пистолет «лахти». Долго смотрел на него. Он знал, что иногда случаются ситуации, когда человек стреляет себе в висок, но остается жив. Лучше в сердце. И напишут на могилке: «Холованов А.И. 10 июля 1905 — 26 сентября 1936». Впрочем, не напишут. На могилах самоубийц часто ничего не пишут.

То, что он совершил, не прощают. Холованов весело сообщил Ягоде, что тот снят с поста наркома НКВД. Но... Но никто Ягоду не снимал. Никто не назначал Ежова. Просто вот прямо сейчас надо спутать карты. Надо хоть на короткое время отстранить Ягоду от рычагов власти. Иначе...

Дракон сказал, а Генрих поверил. Как не поверить? Такими вещами не шутят. Хотя сам Генрих большой шутник. Почему бы и нет, почему бы не пошутить?.. Если Генрих поверил на слово, значит, дурак! Значит, не все еще для Дракона потеряно.

Поднял Дракон трубку закрытой связи. Этот телефон номеров не имеет. Это канал прямой только к Сталину. Но эта связь — сразу со всеми его телефонами: в Кремле, в здании Центрального Комитета на Старой площади, на ближней и дальней дачах, в Ялте, на озере Рица, во всех местах, где он может быть.

— Слушаю вас, товарищ Холованов.

— Товарищ Сталин, Ягоду надо снять.

— У вас какие-то дополнительные сведения?

— Золото ворует, девочек молоденьких...

— Это нехорошо. Но есть ли что-либо серьезное?

— Нет. Только предчувствие. Считаю, что товарищ Ежов под угрозой, под угрозой весь Центральный Комитет, если соберется в одном зале, но под угрозой, если и не

соберется. И вы тоже, товарищ Сталин.

— Откуда у вас такие сведения?

— Источник не проверенный, темный. Но это совпадает с моими подозрениями, с моими предчувствиями.

— Но доказательств нет?

— Доказательств нет.

— И что вы решили делать, опираясь на сведения из непроверенного источника и на свои предчувствия?

— Не только решил, но и сделал.

— Что?

— Товарищ Сталин, я объявил Ягоде, что он смещен с поста Народного комиссара внутренних дел.

— И... он поверил?

— Поверил.

— Это и есть доказательство вины. Он так легко поверил потому, что виноват. Чует кошка, чье мясо съела. А кого же вместо него вы назначили?

— Товарища Ежова.

— Почему?

— Он главный враг Ягоды.

— Правильно. Я сейчас напишу телеграмму в Политбюро с требованием снять Ягоду и назначить Ежова. Авгиевы конюшни НКВД пора чистить.

— Товарищ Сталин... Не могли бы вы срочно приехать в Москву?

— Зачем?

— Вдруг Ягода не захочет сдавать пост и выступит с оружием? Ваше присутствие тут крайне необходимо. Вот прямо сейчас. На всякий случай. Поездом долго. Я сам прилечу за вами!

— У меня, товарищ Холованов, есть более быстрые средства передвижения.

Распахнулась дверь, из соседней комнаты вышел товарищ Сталин.

Опешил Холованов.

— Когда вы вернулись?

— Я никуда не уезжал. Я следил за вашей работой. Я держал ситуацию под контролем, не вмешиваясь в нее. Знаете, почему проиграл Бонапарт?

Сморщил лоб Холованов, силясь вспомнить положения марксистской теории о роли личности в истории и роли народных масс.

— Не надо теории, товарищ Холованов. Бонапарт сам объяснил: *Sans moi on ne fait que des Betises*.

— Я, товарищ Сталин, во французском не очень.

— Я тоже. Но классику надо знать. Перевести это можно примерно так: в мое отсутствие творят одни только глупости. Это приговор всей системе власти Бонапарта. Сам — гений, но совершенно не способный подбирать себе правильных людей. Когда он на месте — почти всегда победа. Без него — поражение. В его отсутствие, как он сам заявлял, творились одни только глупости. Он не мог быть одновременно везде. Потому — чередка больших и мелких поражений, которые завершились общим крахом. А система должна работать в отсутствие вождя точно так же, как и в его присутствии. Для этого надо иметь на ключевых постах правильных людей. Выбирать их просто: дай человеку всю полноту власти и посмотри, что из этого получится. Я дал вам полноту власти и посмотрел, что выходит. Выходит неплохо.

Поднял Сталин трубку:

— Ежова дайте. Товарищ Ежов, я вам из Сочи звоню. Вам показалось, что я в Москве? Нет, нет. Я не в Москве. Просто линия связи хорошая. Так вот. Мы тут в Сочи с товарищем Ждановым посоветовались и решили вас назначить Народным комиссаром внутренних дел. Понятно, что

вы остаетесь на посту секретаря Центрального Комитета. Телеграмму из Сочи вы сейчас получите. Немедленно распорядитесь: первое — сменить всю охрану в Кремле и на Лубянке, для этого поднять по тревоге два батальона из состава 1-й Московской Пролетарской стрелковой дивизии; второе — отобрать пропуск у товарища Ягоды, в здание НКВД его больше не пускать, даже для приема и сдачи дел; третье — вывести из Москвы особую роту НКВД и расформировать ее. И еще: товарищ Ягода ворует и где-то прячет молоденьких девушек. Их надо найти и отпустить, указав товарищу Ягоде на недопустимость подобного поведения для коммуниста высокого ранга.

Положил Сталин трубку:

— Во всей этой истории, товарищ Холованов, я не понял только одно: как Змеед ухитрился украсть чемодан?

— Все просто, товарищ Сталин. У Змееда был огромный фанерный чемодан отвратительного вида с сильным неприятным запахом. Этот чемодан — без дна. Внимание курьеров отвлекли, в этот момент он накрыл чемодан курьеров своим фанерным. Под ручкой фанерного чемодана дыра, прикрытая растрепанными веревками. Так что можно взять одновременно за ручку и фанерный чемодан, и тот, что под ним. Змеед взял и понес. Вот и все.

7

Щелкнули замки, грохнули засовы, дверь распахнулась. На пороге — небольшой человек в сапогах, в зеленой туго ремнем перепоюсанной гимнастерке без знаков различия.

Он постоял на пороге, улыбнулся и представился:

— Здравствуйте, я Ежов.

— Здравствуйте.

— Товарищ Стрелецкая, я пришел вас освободить.

— Спасибо.

— Вас сейчас отвезут домой. Есть ли претензии?

— Нет.

— Тогда небольшая формальность. Это расписка о неразглашении. Распишитесь вот тут и вот тут. Никому никогда вы не расскажете о том, что случилось.

— Что же я скажу своим родителям, своим друзьям о том, где я была столько дней и что делала?

— Не беспокойтесь. Мы уже все рассказали: вы помогали нашим недремлющим компетентным органам обезвредить опасного преступника. Это все, что надлежит знать окружающим. Никто — ни учителя, ни друзья, ни родители — не имеет права задавать вопросы. А вы не имеете права на них отвечать.

— А сама я имею право знать, какого это я преступника помогла обезвредить?

— Да, конечно. Его зовут Генрих Ягода. Он перемещен на должность Народного комиссара связи.

— Но преступника надо арестовать!

— Придет время — арестуем.

— Я буду ждать.

— Вам НКВД выплатит компенсацию за незаконный арест. Это будет представлено как денежная премия за помощь в поимке вражеского шпиона. Идет?

— Идет.

— Вот и все, товарищ Стрелецкая. Желаю вам счастья. И запомните: я сыграл в вашей судьбе важную роль.

— Спасибо, товарищ Ежов. Если выпадет возможность, постараюсь сыграть важную роль в вашей судьбе.

И они улыбнулись друг другу.

ЭПИЛОГ

Змеед в палате кремлевского госпиталя. Его лицо все еще напоминает бордовую подушку. Но глаза прорезались. Это больше не щелочки. Он больше не напоминает японского самурая с карикатур Бориса Ефимова. Белки глаз совершенно красные. Руки и ноги в бинтах. Вместо зубов — острые осколки.

Рядом с ним в белом халате Холованов:

— Товарищ Сталин распорядился поставить тебе зубы из колымского золота. Сияние светила улыбкой отражать будешь. Все девушки твои. Ни одна от такой улыбки не устоит.

— Посмотрим, товарищ Холованов.

— Змеед, не зови меня больше товарищем Холовановым. Для друзей я Дракон.

— Ладно, Дракон. Но и ты не зови меня больше Змеедом. Не достоин я такого звучного имени.

— Это еще почему?

— Нескромно это перед лицом настоящих змеедов. Змеед — это тот, кто чекистов выбивает. А сколько их у меня на счету? На личной основе — пять-шесть, не больше. Ну, еще десяток — по приговорам. Какой из меня Змеед?

А вот в НКВД пришел товарищ Ежов. Думаю, развернется. Это товарищу Ежову следует себя Змееedom величать. Он одних только центровых чекистов человек тридцать, а то и сорок перестреляет. Куда уж мне до него?

— Эх, хватил: тридцать или сорок. Центровых!

— Попомни, Дракон, слова мои: вот он-то, Ежов Николай Иванович, и будет настоящим Змееedom всех времен и народов. Спорим?

— Не буду с тобой, Ширманов, спорить. Давай лучше я тебе что-то скажу, но ты уж при себе оставь. Сейчас счет битых и выбитых чекистов пойдет не на десятки, не на сотни, а на тысячи. Всем остальным тоже достанется. Но полагать Ежова грядущим Змееedom всех времен и народов нет основания. Знаю я тут одного руководящего товарища — Змееедище в чистом виде. Перед ним все мы бледнеем, как светила небесные при восходе Солнца. Вот то Змееед. Настоящий. Всем Змееедам Змееед.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

26 сентября 1936 года бывший член Политбюро и бывший Председатель Совета Народных Комиссаров СССР Рыков Алексей Иванович, сменивший Ленина на посту главы правительства Советского Союза, был снят со своего последнего поста Народного комиссара связи СССР.

В тот же день, 26 сентября 1936 года, Генеральный комиссар Государственной безопасности Ягода Генрих Григорьевич был снят с поста Народного комиссара внутренних дел СССР и назначен Народным комиссаром связи СССР.

До него эту проклятую должность занимали: Смирнов, убитый в Лефортовском следственном изоляторе до официального приведения смертного приговора в исполнение, Любович, Антипов и скатившийся с самого верха Рыков. Для всех предшественников Ягоды должность оказалась роковой. После нее начиналось стремительное падение до самых мрачных глубин. Теперь эту должность занял Ягода. За ним сохранялось специальное звание Генерального комиссара Государственной безопасности, он продолжал носить форму с соответствующими знаками различия: на левом предплечье — меч в лавровом венке, в синих петли-

цах и на рукавах — большие золотые звезды. Подчиненные могли обращаться к нему только в соответствии с уставом, который он сам сочинил: товарищ Генеральный комиссар Государственной безопасности.

Но это продолжалось недолго.

27 января 1937 года Генрих Григорьевич Ягода в возрасте 45 лет был уволен в запас без права ношения формы НКВД. В звании, которое он изобрел для себя, ему довелось быть 1 год, 1 месяц и 1 день. С этого момента Нарком связи СССР Ягода появлялся на службе в гимнастерке и портупее, однако без знаков отличия — без синих петлиц, лаврового венка, меча и звезд. Теперь к нему обращались, называя только должность: товарищ Народный комиссар.

28 марта 1937 года Народный комиссар связи СССР Ягода был арестован в своем рабочем кабинете «ввиду обнаруженных должностных преступлений уголовного характера». После более тщательного разбирательства следствие выявило связи Железного Генриха с врагами народа Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Бухариным, Рыковым, Смирновым, а так же с разведками Германии, Японии и Польши. Ему были предъявлены обвинения в организации заговора, подготовке государственного переворота, участии в покушении на Ленина в 1918 году, подготовке покушения на товарищей Сталина и Ежова, шпионаже в пользу сразу трех государств.

2 марта 1938 года Ягода предстал перед самым справедливым в мире советским правосудием. Вместе с ним судили еще 20 террористов, вредителей, шпионов, отравителей, диверсантов, в том числе троих бывших членов Политбюро — бывшего главу Коммунистического Интернационала Бухарина, бывшего Председателя Совета Народных Комиссаров Рыкова, бывшего секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Крестинского, против которых столько лет боролся Ягода. Теперь выяснилось, что и Яго-

да, и те, против кого он боролся, были членами одной шайки убийц, врагов и заговорщиков, которые преднамеренно и целенаправленно готовили свержение власти народа.

13 марта 1938 года был вынесен приговор: 18-ти подсудимым — высшая мера уголовного наказания, Плетневу — 25 лет, Раковскому — 20, Бессонову — 15.

Самая человеколюбивая в мире власть рабочих и крестьян исходя из соображений гуманности представила Ягоде, как и всем остальным приговоренным к высшей мере, возможность просить о помиловании. Все 18 написали прошения, но рабоче-крестьянская власть их тут же отклонила.

Приговор в отношении Ягоды Генриха Григорьевича был приведен в исполнение в подвале центрального здания НКВД на Лубянке в ночь на 15 марта в 0 часов 40 минут.

Остальные 17 преступников были расстреляны 15 марта на спецобъекте Коммунарка, прямо за забором поместья, в котором раньше жил Ягода.

Трое врагов народа, получивших на этом процессе тюремные сроки, после вынесения приговора отсидели только по три с половиной года. Их расстреляли по решению Особого Совещания при НКВД (ОСО) 11 сентября 1941 года в Орловском центре.

Старший майор Государственной безопасности Буланов Павел Петрович после смещения Ягоды оставался и при Ежове на должности секретаря НКВД и секретаря Особого Совещания при НКВД (ОСО).

28 ноября 1936 года за выдающиеся достижения в деле обеспечения безопасности нашей великой Родины он был награжден высшей государственной наградой СССР — орденом Ленина.

5 декабря 1936 года делегат Чрезвычайного восьмого съезда Советов кавалер высшей государственной награды старший майор Государственной безопасности Буланов

вместе со всеми остальными делегатами одобрил и принял новую Сталинскую Конституцию в качестве основного закона страны. С того момента 5 декабря каждого года было объявлено нерабочим днем, всесоюзным общенародным праздником — Днем Сталинской Конституции. Первый раз его праздновали в 1937 году.

29 марта 1937 года, на следующий день после ареста Ягоды, Буланов был арестован на выходе из ресторана в центральном здании НКВД на Лубянке. Он был обвинен в подготовке государственного переворота и других преступлениях. Буланова судили в группе Ягоды. Вместе с Ягодой 13 марта 1938 года Буланов был приговорен к высшей мере уголовного наказания с конфискацией имущества, лишением наград и звания старшего майора Государственной безопасности. Расстрелян 15 марта на Коммунарке.

18 декабря 1937 года почетный чекист, кавалер ордена Ленина, высшей государственной награды СССР, начальник Дальстроя НКВД товарищ Берзин Эдуард Петрович в персональном красном вагоне курьерского поезда «Владивосток — Москва» прибыл в Москву, столицу нашей великой родины и всего мирового пролетариата, для участия в заседании Советского Правительства по вопросу об увеличении добычи золота на Колыме. Он был арестован на первой платформе Ярославского (в то время — Северного) вокзала. 1 августа 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР за измену Родине, подрыв государственной промышленности и организаторскую деятельность, направленную на свержение существующего строя, был приговорен к высшей мере уголовного наказания с конфискацией имущества, с лишением воинского звания и наград. Его расстреляли через 9 минут после вынесения приговора.

Всего во время правления Ягоды в НКВД был 41 комиссар Государственной безопасности.

Генеральный комиссар ГБ (приравнен к Маршалам Советского Союза) — 1.

Арестован в 1937 году, расстрелян в 1938.

Комиссары ГБ 1-го ранга (приравнены к командармам 1-го ранга) — 7.

В 1937 году арестованы: Агранов, Балицкий, Дерибас, Благоднаров, Прокофьев.

В 1938 году арестованы: Заковский, Реденс.

Из них расстреляны в 1937 году — 2, в 1938 году — 4, в 1940 — 1.

Комиссары ГБ 2-го ранга (приравнены к командармам 2-го ранга) — 13.

В 1937 году арестованы: Гай, Кацнельсон, Миронов, Молчанов, Паукер, Пиляр, Шанин.

В 1938 году арестованы: Залин, Карлсон, Леплевский.

Слуцкий убит первым заместителем Наркома внутренних дел командармом 1-го ранга Фриновским в кабинете

Фриновского. (Сам Фриновский расстрелян 8 февраля 1940 года во второй волне очищения НКВД).

В 1939 году арестован Вельский.

Из них расстреляны в 1937 году — 4, в 1938 году — 5, в 1940 году — 1, в 1941 году — 1.

В те годы не был смещен и уничтожен только один комиссар ГБ 2-го ранга — Гоглидзе.

Комиссары ГБ 3-го ранга (приравнены к армейским комкорам) — 20.

В 1936 году арестован Сосновский.

В 1937 году арестованы: Бак, Бокий, Западный, Зирнис, Пузицкий, Раппопорт, Решетов, Рудь, Стырне.

Покончили самоубийством: Мазо, Погребинский.

В 1938 году арестованы: Берман, Быстрых, Дагин, Дейч, Николаев-Журид.

Покончил самоубийством Каруцкий.

Бежал в Маньчжурию Люшков, он был убит японцами в 1945 году.

Из арестованных расстреляно в 1937 году — 7, в 1938 году — 4, в 1939 году — 3, в 1940 году — 1.

Не был смещен и уничтожен в те годы только один комиссар ГБ 3-го ранга Сумбатов-Топуридзе. Причина заключалась в том, что Сталин, сняв Ягоду с поста главы НКВД и поставив на этот пост Ежова, уже присматривал следующего кандидата. Один из вариантов — Берия и возглавляемая им кавказская группировка. Комиссар ГБ 2-го ранга Гоглидзе и комиссар ГБ 3-го ранга Сумбатов-Топуридзе — не из команды Ягоды и даже не из команды Ежова, это люди Берии. В 1938 году Ежов был смещен с поста главы НКВД, а на его место встал Берия. Его люди, в том числе Гоглидзе и Сумбатов-Топуридзе, поднялись высоко. Но вместе с Берией и пали. После смерти Сталина Берия был арестован вместе со своими ближайшими сподвижниками. Берия и Гоглидзе были расстреляны в один день, 23 декабря 1953 года. Сумбатов-Топуридзе во время следствия сошел с ума и умер в психиатрическом изоляторе тюремного типа.

В 1937 и 1938 годах старшим майорам ГБ (приравненным к армейским комдивам), майорам ГБ (приравненным к армейским комбригам), капитанам ГБ (приравненным к армейским полковникам) и всем нижестоящим досталось в полной мере и самую малость сверх того. Практически все поколение чекистов времен Ягоды было вырезано под корень.

19 декабря 1936 года комендантская сепцгруппа Лефортовского следственного изолятора в полном составе была уволена из органов НКВД. Дальнейшая судьба исполнителей приговоров и их подручных мне не известна. Ширманов, заместитель Холованова по темным делам, имел возможность и средства по личной инициативе найти каждого из них и с каждым рассчитаться персонально, без участия суда и следствия.

Не исключаю, что так и было. Но точных сведений у меня нет.

13 сентября 2010 года
Бристоль

По следам героев повести Виктора Суворова «Змееед»

Фотодокументы из архивов 1930-х годов

Специальное приложение

РИА Новости

Генрих Григорьевич Ягода, Народный комиссар внутренних дел СССР с 1934 г, по 1936 г (дата фотосъемки — 18 сентября 1936 года).

РГАКФД

Генрих Ягода осматривает строительство канала Москва - Волга имени И. В. Сталина (ныне - канал имени Москвы), 1936год. Ягodu сопровождает Никита Хрущев (слева и позади Ягоды). внимание Ягоды к каналу объясняется тем, что при его строительстве широко использовался труд заключенных ГУЛАГа, которые по замыслу ОГПУ-НКВД должны были исправляться, «перековываясь трудом»

РГАКФД

Иосиф Сталин и Матвей Берман (слева) осматривают строительство
канала Москва — Волга.

Группа работников НКВД на строительстве канала Москва — Волга
(1935 год).

Для строительства канала в 1932 году был создан Дмитровлаг (Дмитлаг), который просуществовал более пяти лет и стал одним из самых грандиозных исправительно-трудовых учреждений в системе ГУЛАГа.

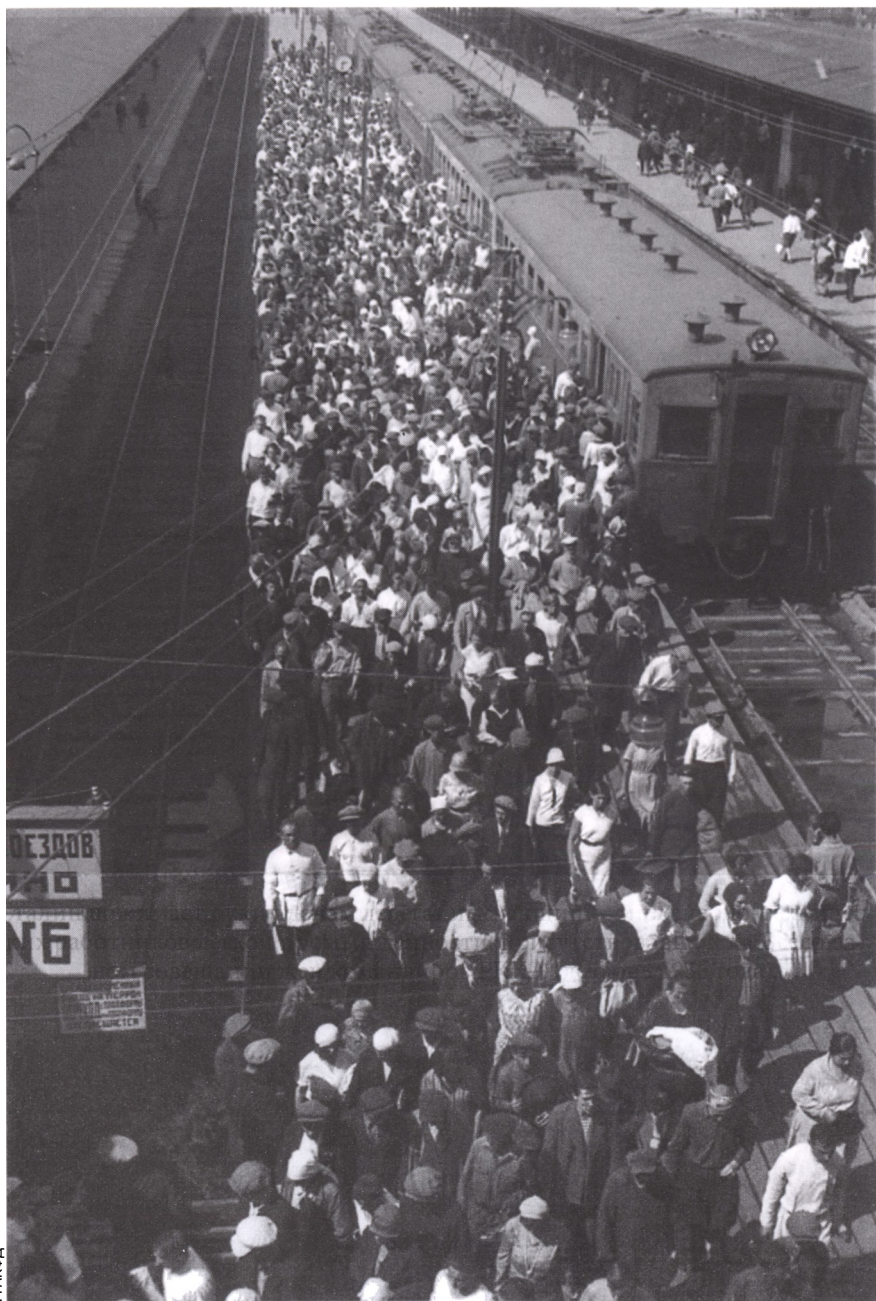
Варлам Шаламов оценивал численность работавших здесь в 1933 году заключенных в один миллион двести тысяч человек.

С сентября 1937 по апрель 1938 года на «спецобъектах» НКВД в Бутово и поселке Коммунарка проводились массовые расстрелы осужденных из Дмитлага. По одной из версий, руководство НКВД решило, что после окончания строительства канала и расформирования лагеря проще и дешевле избавиться от части заключенных, чем переводить их в другие лагеря.

Вид на Ярославский вокзал (с 1922 по 1955 год носил название Северный вокзал) и Комсомольскую площадь (1934 год).

РГАКФД

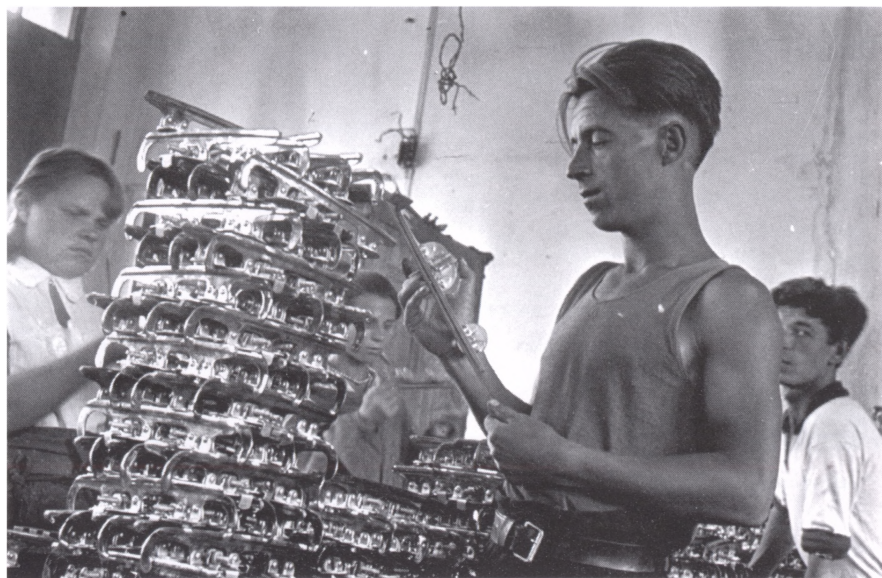
← ↑ Платформа прибытия электропоездов на Северный (Ярославский) вокзал («дачная платформа»), 1932 год.

РГАКФД

↑ Обед в столовой трудовой коммуны ОГПУ для беспризорников и малолетних преступников в Болшево (1933 год).

↓ Воспитанники коммуны за работой по изготовлению коньков (1933 год).
Обратите внимание, что девушки и юноши работали и проводили досуг вместе.

РГАКФД

↑ Пляски под баян (Ивановская область, 1932 год).

↓ Танцы на массовке железнодорожников (1935 год).

Михаил Суворов
Владимир Болданыч (сын)
1911 год

РГАКФД

Массовые игры на Тушинском аэродроме (1934 год).

РИА Новости

«...И никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить».

Кадр из фильма «Цирк», ставшего шедевром советского киноискусства.

В роли Мэрион Диксон — Любовь Орлова (на снимке),
режиссер — Григорий Александров (1936 год).

→ Александр Голованов, ставший прототипом Александра Холованова (Дракона), входил в ближайшее окружение Сталина, был его доверенным лицом и исполнителем самых важных заданий, личным телохранителем, следователем и пилотом вождя. Имел право на свободный доступ к Сталину, который называл его по имени в знак своего особого доверия. Участник гражданской войны, член ВКП(б) с 1929 года. В 1924—1933 годах работал в органах ОГПУ, занимал должности от уполномоченного до начальника отделения. Принимал участие в аресте Бориса Савинкова. Дважды выезжал в командировки в Китай в 1930 и в 1931 годах. Без отрыва от службы стал отличным наездником, мотогонщиком, летчиком; достигал высших результатов в каждом деле, за которое брался.

В 1933—1941 гг. состоял на службе в Гражданском Воздушном Флоте (ГВФ), где был командиром особого авиаотряда и шеф-пилотом эскадрильи особого назначения. В 1938 году газеты писали о нем как о летчике-«миллионере», то есть налетавшем миллион километров. Участвовал в боевых действиях на Халхин-Голе и в Советско-финской войне. В феврале 1942 года назначен командующим авиацией дальнего действия; лично участвовал в дальних бомбардировочных рейдах, в том числе в бомбардировках Берлина. Имел позывной «Дракон». С 1944 года — Главный маршал авиации, с 1946 года — командующий дальней авиацией СССР. В 1948 году снят с этого поста, в 1952 году назначен командиром воздушно-десантного корпуса. В 1953 году, после смерти Сталина, отправлен в запас. Более 10 лет работал начальником одного из училищ гражданской авиации.

↓ «Лахти» (Lahti L-35), финский пистолет, единственный в мире «полярный пистолет», созданный специально для стрельбы в условиях низких температур и возможного обледенения. Имеет очень короткий и легкий спуск и незначительную отдачу (что позволяет вести очень точную стрельбу), а также необычный для пистолетов узел — ускоритель отката затвора, обеспечивающий высокую надежность в любых условиях. Производился в Финляндии вплоть до 1958 года.

РГАКФД

Александр Евгеньевич Голованов (1904—1975),
ставший прототипом Александра Холованова (Дракона).

РГАКФД

↑ Промывка золотоносной породы на верхнем стане прииска «Пионер» (Якутия, 1935 год).

↓ Вид на прииски по добыче золота (Якутия, 1935 год).

РГАКФД

Промывка породы в старательной бригаде прииска «Евдокиевский»
(Бурятско-Монгольской АССР, сентябрь 1938года).

ПРИГОВОР

Военной Коллегии Верховного Суда СССР

(ОКОНЧАНИЕ)

Предварительным и судебным следствием установлено, что подсудимые по данному делу—**Зеленский, Иванов и Зубарев** вступили на путь борьбы с революционным движением рабочего класса еще в годы паризма.

Зеленский состоял агентом-provокатором Самарского жандармского управления с 1911 по 1913 год.

Иванов состоял агентом-provокатором охранного отделения и жандармского управления в Москве и других городах с 1911 по 1916 год.

Зубарев, будучи завербован в число агентов-provокаторов в гор. Котельничи в 1908 году, занимался provокаторской деятельностью до 1917 года.

Таким образом Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР установила виновность 1. Бухарина Н. И., 2. Рыкова А. И., 3. Ягоды Г. Г., 4. Крестинского Н. Н., 5. Раковского Х. Г., 6. Розенгольца А. П., 7. Иванова В. И., 8. Чернова М. А., 9. Гринько Г. Ф., 10. Зеленского И. А., 11. Бессонова С. А., 12. Икрамова А., 13. Ходжаева Ф., 14. Шаранговича В. Ф., 15. Зубарева П. Т., 16. Буланова П. П., 17. Левина Л. Г., 18. Плетнева Д. Д., 19. Кваскова И. Н., 20. Максимова-Диковского В. А. и 21. Крючкова П. П.—в том,

кроме того, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-13 УК РСФСР.

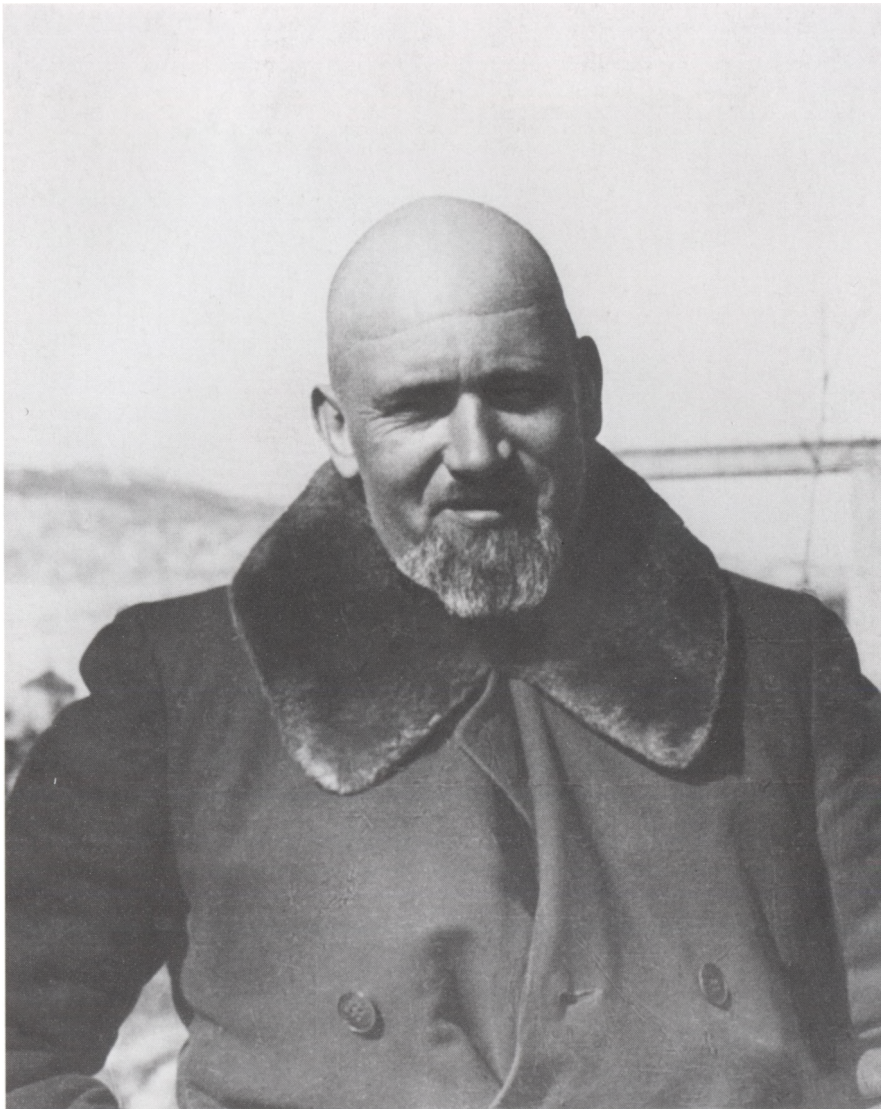
На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР, Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР

ПРИГОВОРИЛА:

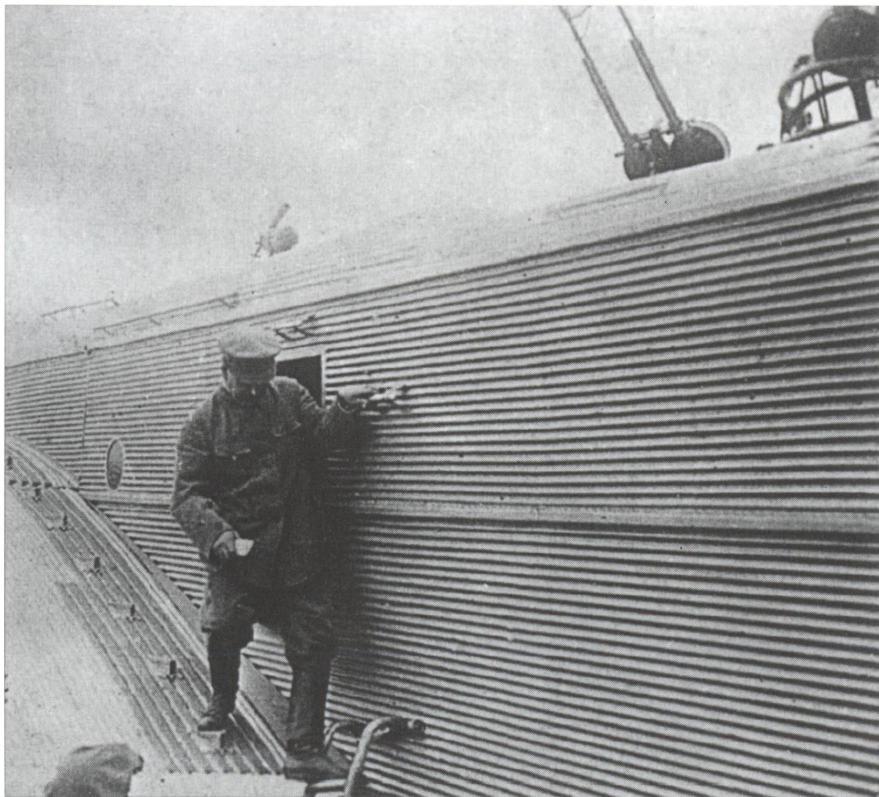
1. Бухарина Николая Ивановича,
2. Рыкова Алексея Ивановича,
3. Ягоду Генриха Григорьевича,
4. Крестинского Николая Николаевича,
5. Розенгольца Аркадия Павловича,
6. Иванова Владимира Ивановича,
7. Чернова Михаила Александровича,
8. Гринько Григория Федоровича,
9. Зеленского Исаака Абрамовича,
10. Икрамова Акмаля,
11. Ходжаева Файзуллу,
12. Шаранговича Василия Фомича,
13. Зубарева Прокопия Тимофеевича,
14. Буланова Павла Петровича,
15. Левина Льва Григорьевича,
16. Казанова Игнатия Николаевича,
17. Максимова-Диковского Вениамина Адамовича (Абрамовича) и
18. Крючкова Петра Петровича —

— и высшей мере уголовного наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества.

Приговор по делу Бухарина-Рыкова-Ягоды
(газета «Правда», 14 марта 1938 г., фрагмент).

Начальник Дальстроя НКВД Эдуард Петрович Берзин на Колыме. Снимок сделан 1 марта 1934 г. Берзин был арестован на первой платформе Северного (Ярославского) вокзала 18 декабря 1937 года по прибытии в Москву для участия в заседании Советского Правительства по вопросу об увеличении добычи золота на Колыме. 1 августа 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР за измену Родине, подрыв государственной промышленности и организаторскую деятельность, направленную на свержение существующего строя, был приговорен к высшей мере уголовного наказания с конфискацией имущества, с лишением воинского звания и наград.

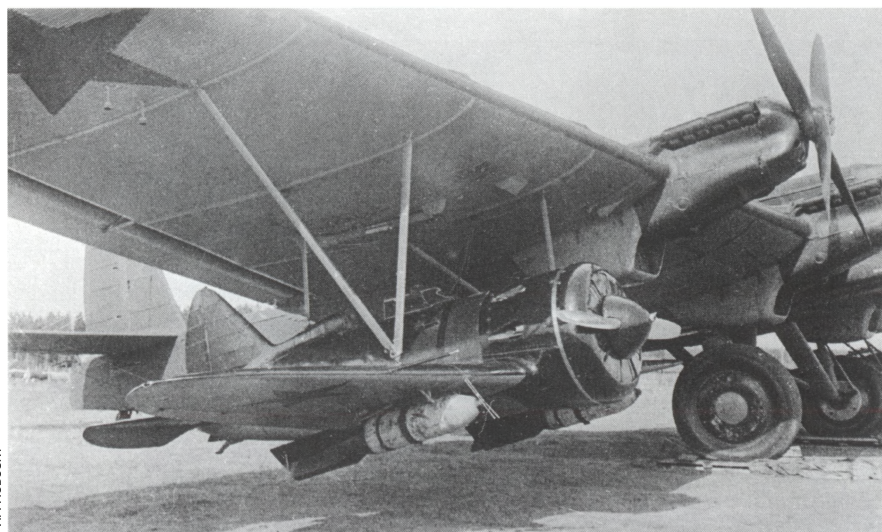
WARALBUM

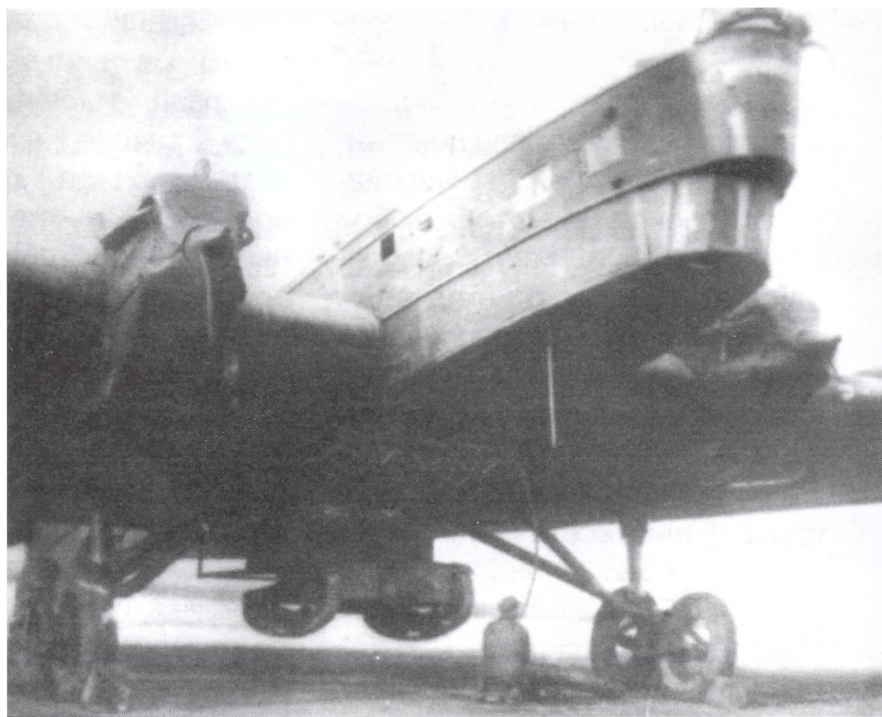
Иосиф Сталин лично осматривает тяжелый бомбардировщик ТБ-3.

↑ ТБ-ЗРН, высотная модификация бомбардировщика ТБ-3; практический потолок самолета увеличен до 7740 м.

↓ «Самолет-звено» — летающий авианосец «Звено-СБП» (составной пикирующий бомбардировщик) в составе бомбардировщика ТБ-3 и двух истребителей И-16, подвешенных под крыльями ТБ-3 и несущих по две 250-киллограмовые фугасные бомбы ФАБ-250. Дальность полета «Звена» 2500 км, максимальная скорость (при работе моторов всех трех самолетов) 268 км/ч (1937—1938 гг.).

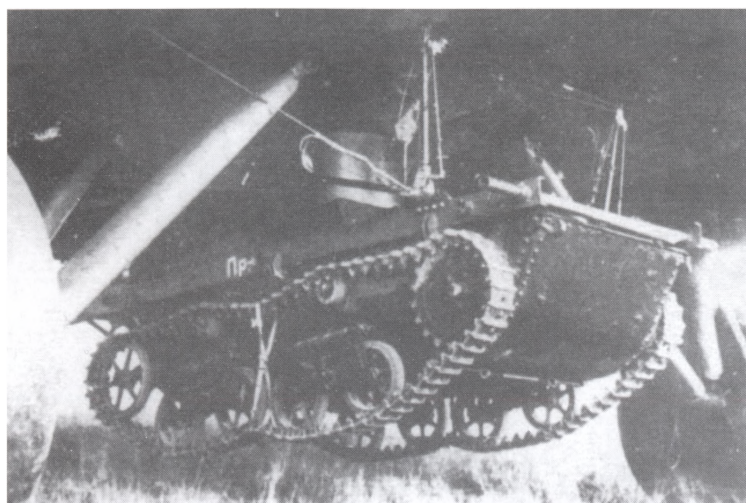

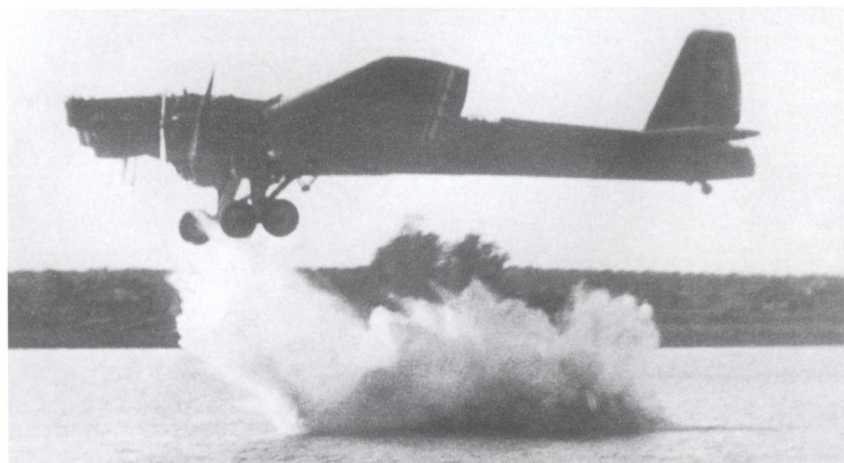
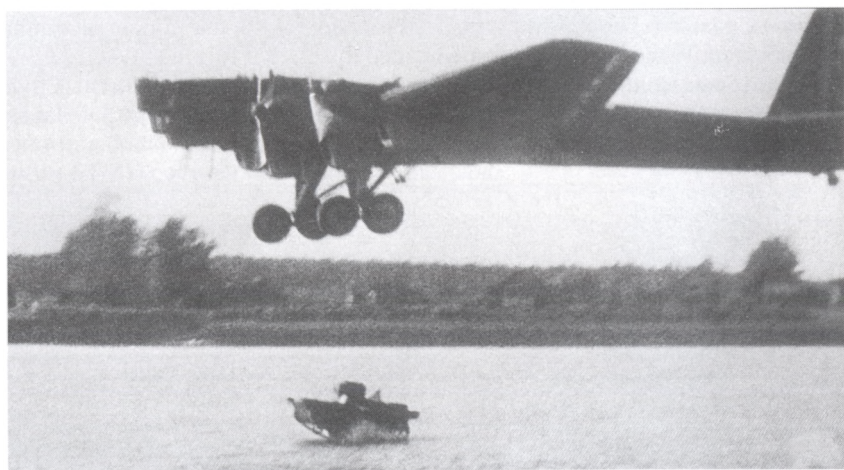
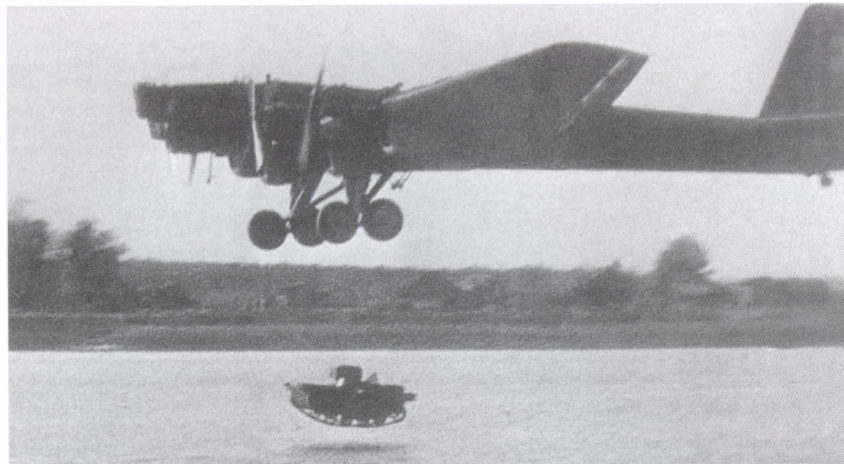
РГАКФД

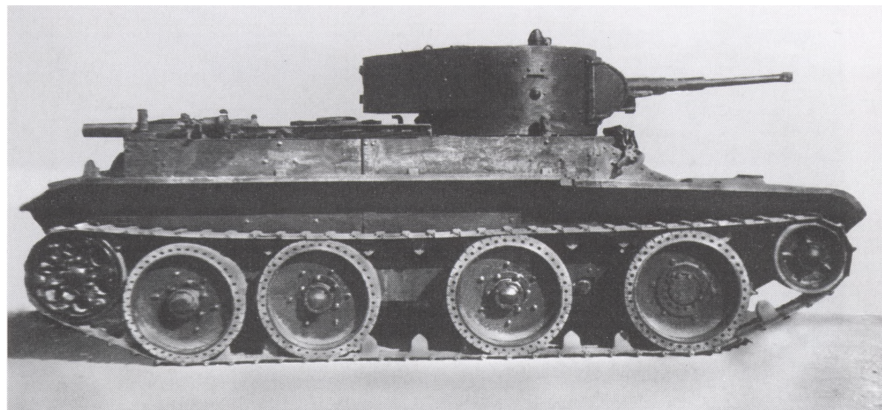
↑ ↓ Специальная модификация тяжелого бомбардировщика ТБ-3 с подвешенным плавающим танком Т-37.

→ Сброс легкого плавающего танка Т-37А на воду с бомбардировщика ТБ-3 на испытательном полигоне «Медвежьи озера», Подмосковье, 1936 год.

РГАКФД

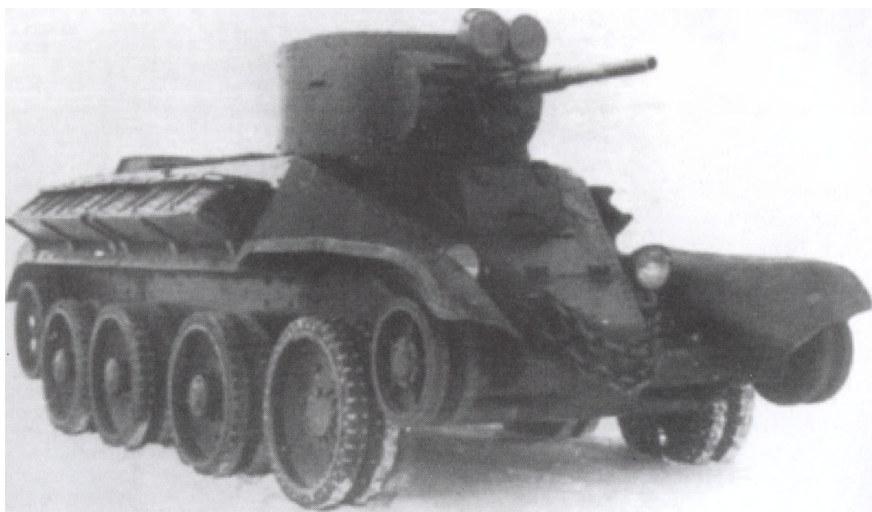
РГАКФД

Легкий быстроходный танк БТ-7 на гусеничном ходу (на снимках сверху и внизу) и на колесах (на снимке справа сверху). В башне цилиндрической формы с развитой кормовой нишей размещались 45-мм танковая пушка 20К образца 1934 года и спаренный с нею пулемет ДТ.

На некоторые модификации устанавливались кормовые и зенитные пулеметы, радиостанции 71-ТК с поручневой антенной. Экипаж — 3 человека: командир-наводчик, заряжающий и водитель-механик.

РИА Новости

РГАКФД

Танки БТ-7 предназначались для развития прорыва в глубину обороны противника. Максимальная скорость танка по шоссе на колесах (в модификации БТ-7А) составляли 86 км/ч, запас хода — 900 км, а на гусеницах — 62 км/ч и 400 км соответственно. Боевое крещение БТ-7 получил на Халхин-Голе в составе 6-й и 11-й танковых бригад, причем последняя совершила 500-километровый марш к месту боевых действий на колесах. Танк не имел себе равных в маневренности, он стал гордостью и символом автобронетанковых войск Красной Армии в предвоенные годы. Парк БТ-7 в июне 1941 года количественно превосходил весь танковый парк вермахта.

РГАКФД

РИА Новости

- ↑ Иосиф Сталин и Климент Ворошилов (слева) беседуют с летчиками и парашютистами на аэродроме в Тушино 02 мая 1935 года.
- ↓ Летчик-испытатель поднимает в воздух один из первых советских автожиров. Такие машины положили начало отечественному вертолетостроению (1932 год).

РИА Новости

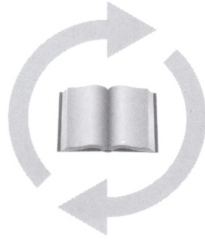

РИА Новости

Сталин и первый секретарь МГК ВКП(б) Никита Хрущёв среди пионеров на Тушинском аэродроме 16 мая 1937 года.

→ Сталин в сопровождении сотрудника отделения правительственной охраны ОГПУ, который держит руки в карманах плаща, где спрятано оружие (Москва, начало 1930-х годов).

↓ Сталин, Молотов, Ворошилов, Андреев, Ежов, Орджоникидзе, Микоян и другие во время приема делегации трудящихся Грузинской ССР в Кремле, март 1936 г. Лица тех из присутствующих, кто впоследствии был осужден как «враг народа», были вымараны на архивном снимке черным цветом.

РГАСФД

РГАКФД

РИА Новости

Сталин работает в своем кабинете (1 ноября 1938 года).

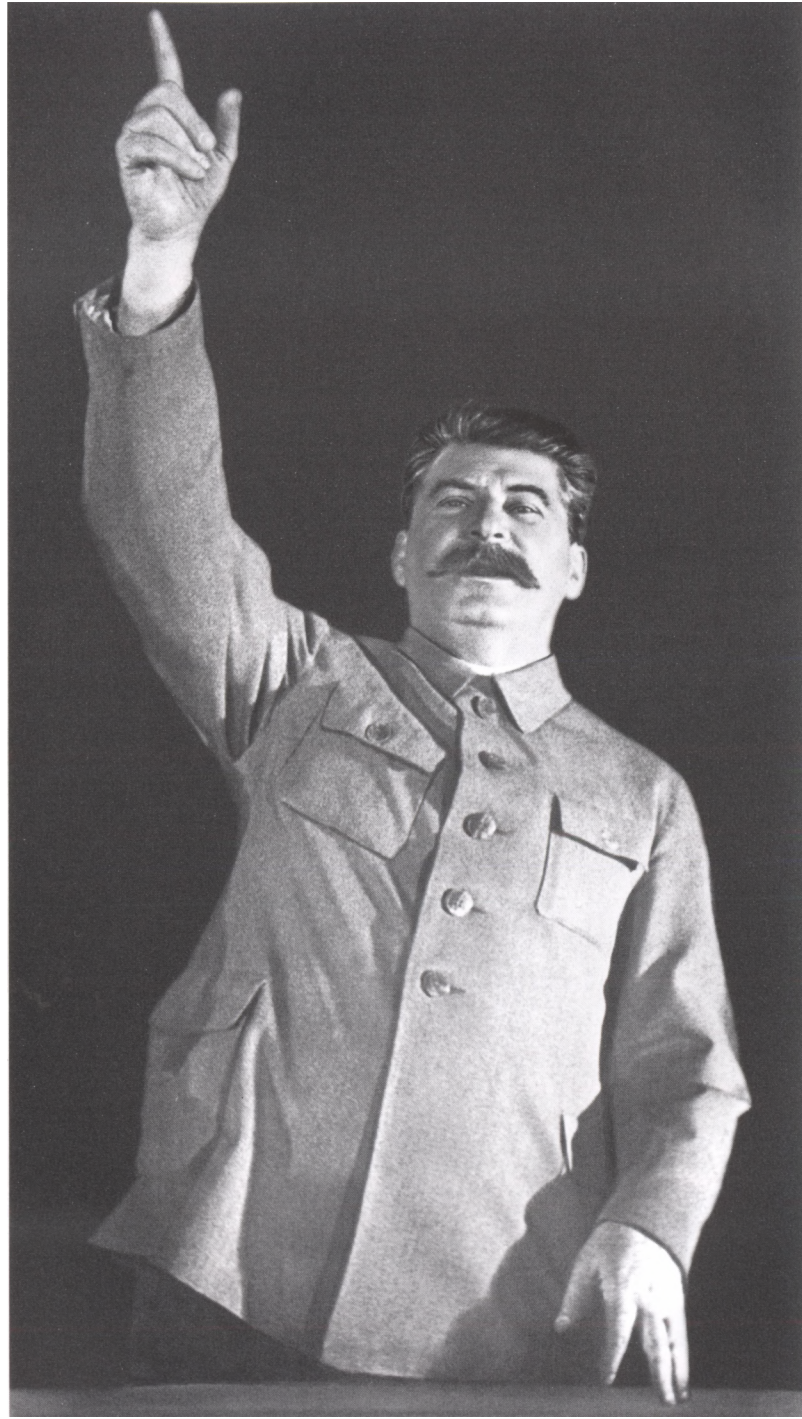

РИА Новости

Никита Хрущёв (второй слева) и Лаврентий Берия (второй справа) едут в вагоне Московского метрополитена в день его пуска 14 мая 1935 года.

Одна из немногих «неформальных» фотографий Сталина. Точная дата и место съемки не известны, фотография датируется началом 1930-х годов.

РИА Новости

↑ Сталин осматривает автомобиль ЗИС производства
Завода имени Сталина (ЗИС, ныне ЗИЛ).

← Сталин выступает на торжественном заседании,
посвященном пуску московского метро
(14 мая 1935 года).

РГАСОД

Сталин среди участниц Всесоюзного совещания жен командиров РККА
(и такие мероприятия проводились в те годы!), декабрь 1936 года.

РГАКФД

Сталин пожимает руки членам делегации женщин — инженерно-технических работников легкой промышленности, присутствовавших на Всесоюзном совещании жен командиров РККА (декабрь 1936 года).

РГАСФД

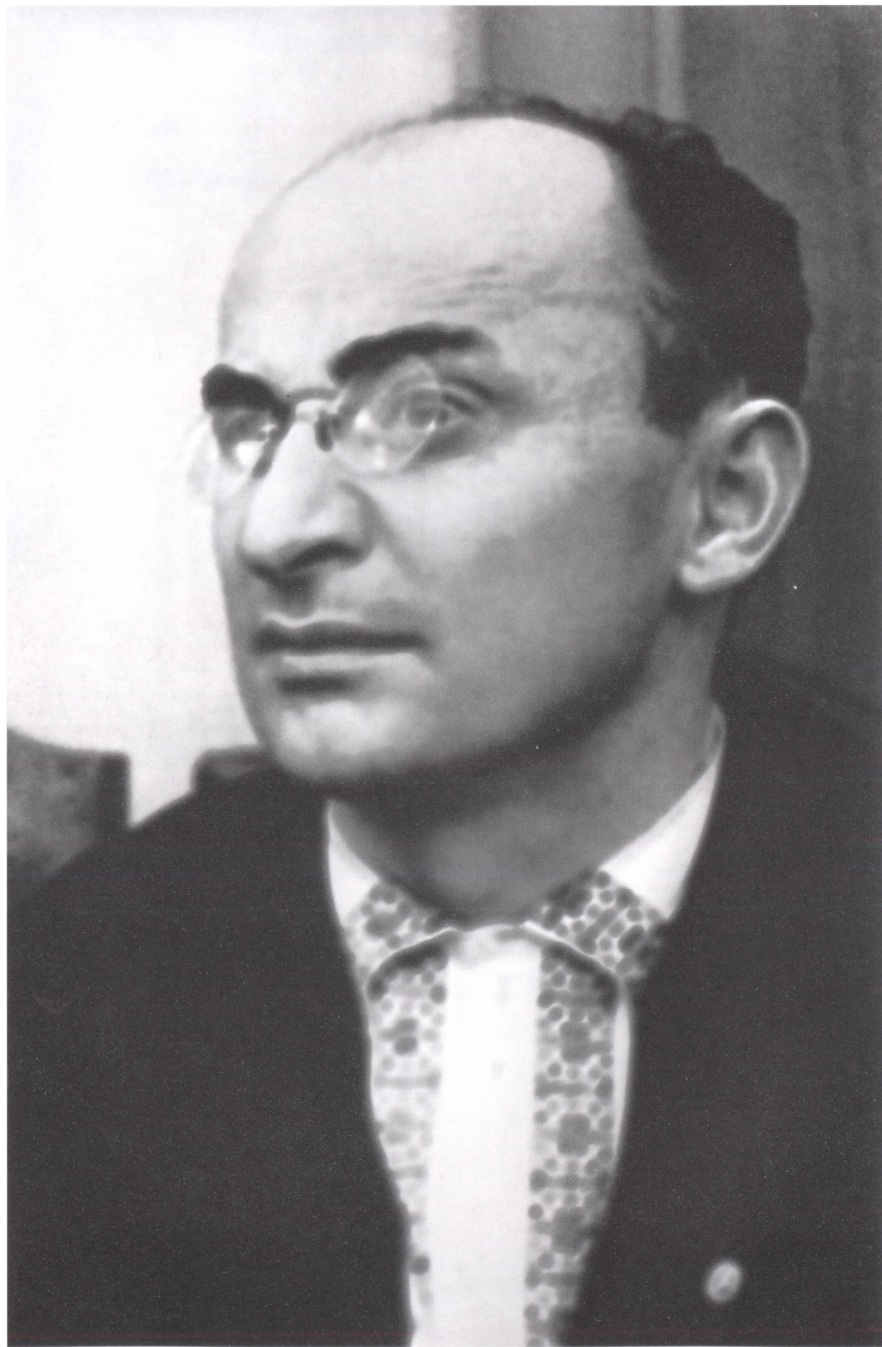

РГАСФД

РГАКФД

↩ ↗ Сталин выступает с докладом в Большом Зале Кремлёвского дворца (1936 г.). Обратите внимание на выразительную жестикуляцию вождя.

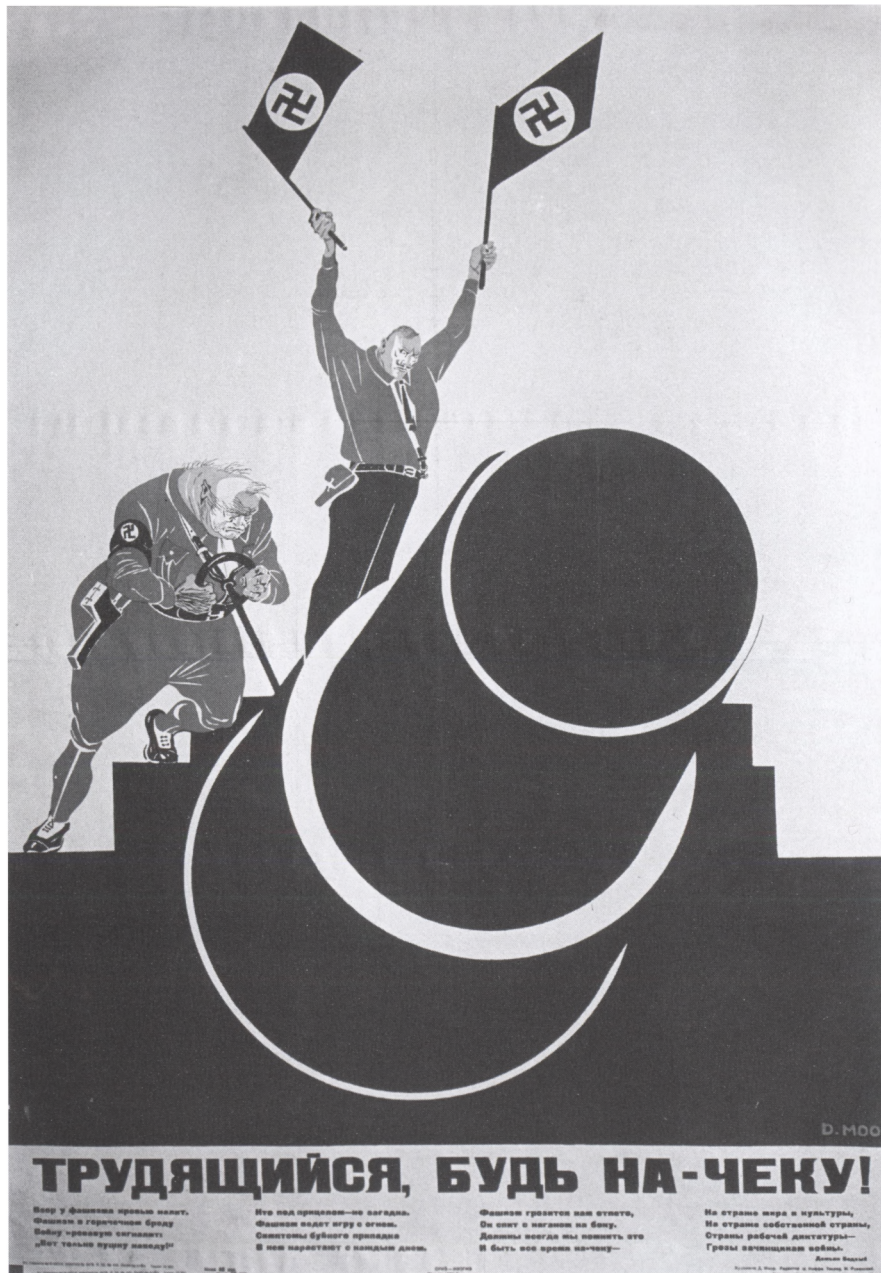

РИА Новости

Лаврентий Берия — секретарь Закавказского крайкома ВКП(б),
Тифлис (с 1936 г. — Тбилиси), 1930 год.

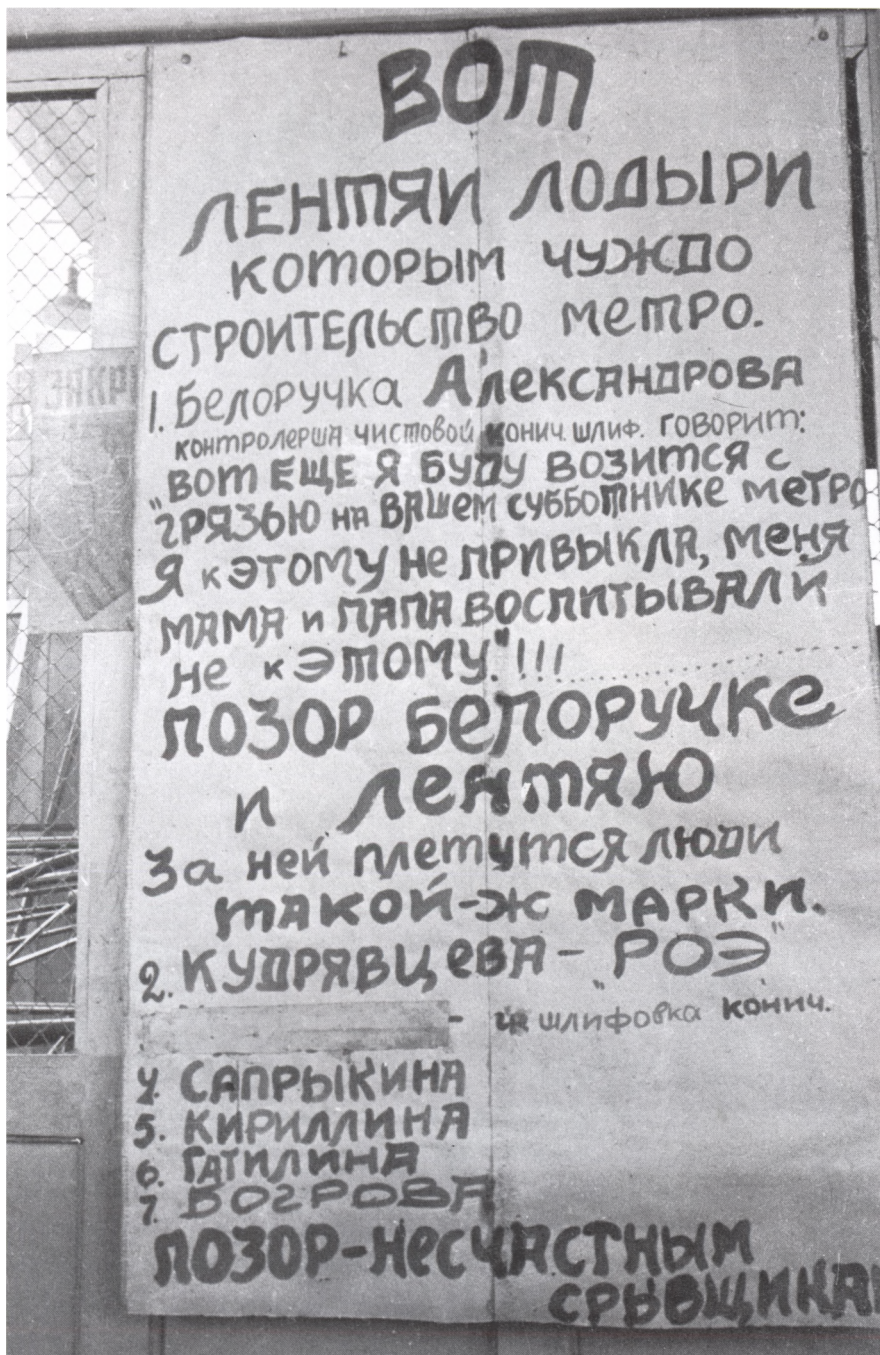

Нарком внутренних дел СССР Лаврентий Берия с дочерью Сталина
Светланой (25 сентября 1931 года).

РИА Новости

Плакат Д. Моора «Трудящийся, будь начеку!» (1936 год).

Плакат, позорящий людей, которые не участвовали в субботнике по строительству метро (Москва, 1934 год).

Виктор Суворов
(Владимир Богданович Резун)
2011 год

Виктор Суворов

о своих книгах и о себе

Родиться меня угораздило на Дальнем Востоке в 1947 году. Детство прошло в дальних и очень даже дальних гарнизонах — Барабаш, Янчиха, Славянка, снова Барабаш, Рязановка... И было там все, что нужно человеку для полного счастья: самоходные орудия СУ-76 и СУ-100, зенитные пушки 52-К, бронетранспортеры БТР-40, БТР-152 и даже БТР-50П, гаубицы М-30 и Д-1, артиллерийские тягачи, танки ПТ-76 и еще много-много всего разного, включая брошенные укрепленные районы по всему побережью Тихого океана.

В Барабаше стояла дивизия, в Славянке — тоже, потому школы там были большие, а в Рязановке у нас была одна учительница на все четыре класса. Она же была и директором школы, и уборщицей. В одной комнате сидел и первый, и второй классы; потом, во вторую смену, в той же комнате — третий и четвертый. По пять-шесть ребят в каждом классе. Учительница вела половину урока с первым классом, вторую половину урока — со вторым, а после обеда первую половину урока — с третьим классом, вторую — с четвертым.

В сентябре 1957 года моего отца после 12 лет службы на Дальнем Востоке перевели в Киевский военный округ. В Конотопе мы жили на улице Гарматной, то есть на Пушечной или Артиллерийской, если на русский язык перевести. Учился я в школе №8. Первые четыре класса — пять разных школ. Когда мы уезжали из Рязановки, учительница вырвала листок из тетрадки

и написала справку: «Володя Резун за сентябрь получил отличные оценки по таким-то предметам...» Печати у нее, ясное дело, не было. Чисто конкретно: филькина грамота. И тогда отец в штабе заверил сей документ печатью 72-го гвардейского Порт-Артурского ордена Александра Невского минометного полка.

В августе 1958 года я поступил в Воронежское суворовское военное училище. Суворовские училища были созданы по приказу товарища Сталина в 1943 году. При нем этих училищ было 15. Кроме того — два суворовских училища НКВД. У тех были не алые погоны, петлицы и лампасы, а синие. Их называли «аракчеевцами». После Сталина в системе Министерства обороны было создано еще два СВУ: Ленинградское и Минское. Организация всех суворовских военных училищ была установлена лично товарищем Сталиным: начальник училища — генерал-майор, у него три полковника в заместителях: первый зам, начальник учебного отдела и начальник политического отдела. В каждом училище — семь рот. Ротные командиры — подполковники, взводные — майоры. Прапорщиков тогда не было, были сверхсрочники. В каждой роте — старшина роты, в каждом взводе — заместитель командира взвода. То есть в каждой роте по четыре сверхсрочника или прапорщика, если перевести на современные понятия.

Во взводе — 25 суворовцев, в роте — 75, в училище — 525. Однако выгоняли оттуда беспощадно. После первого года обучения обычно делали небольшой дополнительный набор. После того непригодных выгоняли, но нового набора не было, поэтому в училищах был некомплект, который в каждой роте увеличивался по мере приближения к выпуску.

Во время моего обучения начальником Вж СВУ был полковник Иванов, затем генерал-майор Дудоров. Командиром роты был подполковник Меркулов, затем — подполковник Истомин. Командирами взвода последовательно были майор Федоров, капитан Дементьев, майор Степанский, майор Панферов. Старшиной роты все годы был старшина сверхсрочной службы Черных, заместителем командира взвода — старшина сверхсрочной службы Усков.

Военный городок, в котором располагалось училище, был по-

строен при Александре Третьем специально для штрафного батальона. Здания двухэтажные, кирпичные, сработанные на века. В центре — мощное сооружение, на первом этаже которого несколько десятков одиночных камер, под потолком — тюремные окошки с решетками и железными ставнями. В наше время в этих камерах располагались склады училища, от оружейных до вещевых и продовольственных, — камер было много. А на втором этаже были огромные залы. В мое время там размещалась грандиозная библиотека и читальный зал. Библиотека была не просто грандиозной, но роскошной. Во время войны немцы были на правой стороне реки — там, где лежит город, — а на левую сторону их не пустили. Это был пригород, название ему — Придача. Вот на Придаче и располагались эти самые казармы. Перед началом боев — а они в Воронеже были такими же жестокими, как и в Сталинграде, — городскую библиотеку вывезли в несокрушимые казармы.

До 1917 года Воронеж был городом купеческим, промышленным, а еще раньше Петр Первый тут строил флот для выхода в Азовское и Черное моря. Городская библиотека была набита книгами XIX века. Город был буквально стерт с лица земли во время войны, а казармы на Придаче устояли, и только на некоторых зданиях остались следы осколков.

После войны городу было не до библиотеки — ее все равно негде было размещать, потому она так и оставалась в нашем училище. В основное книгохранилище, понятно, никого не пускали, книг тех никому не давали. Исключение составляли те отдельные не вполне нормальные книголюбы, которые по воскресеньям приходили добровольно книжные завалы разбирать, сортировать, раскладывать, составлять каталоги. Работа продвигалась медленно, но никто и не торопил. После войны прошло почти два десятка лет, а работа все еще не была завершена. Что с той сокровищницей стало потом, не знаю. Но подозреваю, что городские власти просто забыли о том, куда отправили библиотеку во время войны. Им никто об этом и не напоминал.

Вокруг здания с одиночными камерами и библиотекой непробиваемым прямоугольником стояли все остальные постройки: штаб, казармы, учебные корпуса, столовая, два спортзала, санчасть, баня и все прочее. Во всех остальных зданиях окна были

нормальные, высокие и широкие, но в каждом оконном проеме торчали куски мощных стальных прутьев от решеток, которые выпилили, превращая городок штрафного батальона в место подготовки подрастающего военного поколения. Зрительный зал был устроен в просторной и высокой батальонной церкви, у которой снесли колокольню, а на месте алтаря возвели сцену.

Распорядок был строгий и четкий: подъем в 7:00, зарядка, туалет, утренний осмотр, завтрак, шесть часов занятий, обед, два часа свободного времени, два часа обязательной самоподготовки, ужин, час необязательной самоподготовки (можешь уроки учить, а можешь книжку читать), вечерняя прогулка (то есть строем с песнями), вечерняя поверка и отбой.

В 13 лет я написал свой первый роман — о механическом коте, которого использовали в разведывательных и террористических целях. Дело давнее, но иногда чертики в бок вилами царапают: а не восстановить ли текст? Ведь получилось забавно.

Учили нас хорошо и по особой программе. В обыкновенных школах — десять классов, в СВУ — одиннадцать. В конце каждого учебного года сдавали экзамены. После экзаменов — лагерь, где подготовка продолжалась. Когда подросли, каждое лето — стажировка в войсках: форма солдатская, только сапоги не кирзовые, а яловые, офицерские. Распорядок на стажировке армейский, с подъемом в 6:00 и боевой подготовкой без поблажек и упрощений.

А мои разоблачители уличают: в 11 лет поступил в суворовское училище! Вот она, коррупция! Вот он, блат!

Для пущей убедительности разоблачителям следовало бы сообщить: он-то в 11 лет поступил, а все остальные вон в каком возрасте... Но разоблачители почему-то уточнять не стали. Ибо если бы сообщили, что остальным было по 15—16 лет, тогда возникла бы неясность: что же я один среди этих лбов делал? Меня по особой программе учили или как? А когда тех лбов выпустили и отправили в высшие военные училища, что же со мной стало? Оставили повторить курс?

Так вот, граждане, всех тогда принимали в 11 лет. Так еще в 1943 году установил товарищ Сталин. Первая рота была

самой младшей. На другой год ей присваивали следующий по возрастианию номер: рота становилась второй, еще через год — третьей и так далее. Шестая рота — предвыпускная, седьмая — выпускная. В первую роту нас зачисляли после четвертого класса в 11 лет. Когда нам было 12 лет, рота становилась второй, а когда 17 — седьмой. В 18 лет училище заканчивали.

Кадетское братство жило в атмосфере какого-то внутреннего благородства, и я бы даже сказал — аристократизма. Подлецы и мерзавцы в той атмосфере не выживали. Наши кадетские коллективы от Питера до Уссурийска отличались от всех других. В школу утром пришел, потом ушел домой. В детские исправительные учреждения одни приходят на короткий срок, другие на длительный; появляются новые друзья и враги, уходят старые. А мы с первого дня на семь лет были спрессованы в единую семью. И с первого дня кадеты из старших рот объясняли правила кадетского поведения и упорно их насаждали. Беспощадно каралось стукачество и любые другие мерзости. Проступок, совершенный на первом году, помнили всегда. Тот, кто в коллектив не вписывался, уходил сам. Того, кто не выдерживал нагрузки, отчисляли.

В моем отделении при поступлении было восемь человек. После первого года обучения выгнали Женьку Маслова, добавили Ваню Сархошьяна. После второго года выгнали Володю Солопова. После третьего Витю Шилова перевели в Киевское СВУ, Сашу Слукина отчислили по состоянию здоровья. После четвертого года выгнали Костю Барашкина и Ваню Сархошьяна. После шестого года — Володю Лифшица. До выпуска дошли двое — я и Саша Юрин. Саш, привет!

Нужно признать, что наш случай не стандартный. Но в общем картина была такая: набрали 75 человек в роту, через год добавили 10, через семь лет выпустили 49 человек.

В 1963 году Воронежское СВУ расформировали. Меня перевели в Калининское СВУ, которое я окончил летом 1965 года.

И снова разоблачители ликуют: это его по блату устроили...

Озадачим разоблачителей вопросом: если меня по блату перевели в другое училище, то что стало с моими товарищами?

Рассеем туман: в 1960 году Никита Хрущёв ударил по армии. Она была сокращена на миллион двести тысяч человек. Реорганизация коснулась и суворовских училищ. Было решено срок обучения сократить с семи лет до трех. Но если срок сократить, то в тех же казармах и учебных корпусах можно готовить вдвое больше будущих офицеров. Следовательно, количество суворовских училищ можно сократить. В системе Министерства обороны их было 17, решили оставить 9. Реорганизацию провели с умом. В 1960 году на три года был прекращен прием во все суворовские военные училища. Потому осенью того года во всех училищах осталось по шесть рот. Не стало первых рот — их не набирали. В каждом училище появились свободные казармы и учебные корпуса. В том же году было расформировано Саратовское СВУ. Шесть его рот разослали по другим училищам. При этом роты на части не рвали, сложившиеся коллективы не ломали.

На следующий год во всех суворовских училищах уже не стало не только первых, но уже и вторых рот. И было расформировано три училища: Оренбургское, Тульское и Тамбовское. В наше Воронежское СВУ прибыло две роты из Тулы. Первой и второй рот у нас нет, зато есть две шестых и две седьмых.

В 1962 году во всех училищах не стало и третьих рот. В том году тем же порядком были расформированы Новочеркасское и Ставропольское училища.

В 1963 году дошла очередь и до нас. Три оставшиеся роты воронежских суворовцев перевели в Калинин. В этом же году возобновился прием. Но теперь уже принимали в возрасте 15 лет. Мы этих ребят называли «кутузовцами». Были они славными и правильными, но с нашей точки зрения, в системе суворовских училищ что-то было навсегда и безвозвратно потеряно.

В 1964 году было расформировано Куйбышевское СВУ. В том же году систему нумерации рот сменили. Теперь номер роты не отражал твоего старшинства. Он ничего не отражал — просто номер. Мы, не сгибаясь, прошли от первой до шестой включительно, но вместо самой желанной и почетной седьмой роты вдруг попали в четвертую. Представим, что в обычной школе десятый класс внезапно назвали бы шестым или пятым.

В период моего обучения начальником Кл СВУ был генерал-майор Костров, командиром моей роты — подполковник Прохожаев, командиром взвода — майор Топорков, старшиной роты — старшина сверхсрочной службы Алферов, заместителем командира взвода — старший сержант Маслов.

Будем считать, что в Калининское СВУ меня перевели по блату, но чтобы не было скучно, вместе со мной по тому же «блату» перевели еще три роты моих товарищей. А всего за пять лет реорганизации «по блату» переместили 2410 суворовцев из восьми расформированных училищ в девять оставшихся.

Не знаю, были ли когда-то в суворовских училищах плохие командиры или плохие преподаватели. Мне за семь лет такие не встречались. А кадетские алые погоны с буквами «Кл СВУ» я храню по сей день.

После СВУ я поступил на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе — его как раз только что перевели из Одессы в Киев. История тут вот такая. В Киеве военных училищ было много. Среди них — одно с очень скромным именем ККТУ — Киевское командно-техническое училище. В названии не присутствовало даже слово «военное». Но если училище командное, то уж ясно, что оно не гражданское. Курсанты носили танковые эмблемы, командовал училищем генерал-майор артиллерии Мухачев. А готовили там офицеров Ракетных войск стратегического назначения для службы в частях и соединениях, вооруженных изделиями 8К63, 8К64 и 8К65, то есть стратегическими ракетами средней и межконтинентальной дальности. Товарищ Хрущёв сделал упор на ракеты и развернул мощную систему подготовки командных, инженерных и технических кадров, но вскоре выяснилось, что такое количество офицеров Ракетным войскам стратегического назначения не нужно. В 1965 году ККТУ произвело последний выпуск «танкистов» и было закрыто.

А в это время Одесскому высшему общевойсковому командному училищу стало тесно в родных стенах. Тесно стало потому, что там кроме советских офицеров готовили еще борцов национально-освободительных движений. Сейчас весь мир борется

с международным терроризмом. Но прежде чем с международным терроризмом бороться, его следовало создать. Вот его и создавали в Советском Союзе усилиями разных организаций и ведомств. К этому важному делу приложило руку и Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ). Идея была простая: поднять народы Азии, Африки и Латинской Америки на борьбу с капиталистами, прежде всего — с американскими. Потом этим очень важным вопросом серьезно занялись американцы и британцы. Идея была тоже очень даже простая: поднять мусульман против Советского Союза. И их поднимали — кормили, поили, учили, снабжали оружием и деньгами, перебрасывали в Афган...

Теперь общими силами успешно боремся с этим вселенским злом. Но начиналось распространение этой заразы из нашей страны.

В то время высших общевоинских командных училищ было семь. Все они имели свои особенности, свой уклон. Одесское ВОКУ отличалось от остальных тем, что находилось под негласным контролем ГРУ. Люди из ГРУ, не привлекая к себе внимания, присматривались к курсантам для того, чтобы в грядущем расставлять некоторых выпускников по всем этажам военной разведки. Ни курсантам, ни командирам низшего и среднего звена об этом знать не полагалось. Большинство выпускников продолжало службу в мотострелковых и танковых подразделениях и частях, не имея никакого отношения к военной разведке.

Одновременно ГРУ готовило в Одесском ВОКУ бойцов национально-освободительных движений, а проще говоря, — террористов из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Для них был особый факультет. К середине 60-х годов этих борцов стало столько, что одного факультета уже не хватало. Да и контакт советских курсантов с братьями по классовой борьбе был нежелателен. Потому было решено отдать «братьям» все училище, а советских курсантов перевести куда-нибудь в другое место. Куда же? Да вот же в Киеве место освободилось! Так Одесское высшее общевоинское командное училище летом 1965 года стало Киевским, разместившись в городке, который освободился после расформирования ККТУ. Прибывшие из

Одессы курсанты были совсем не рады такому повороту судьбы. Они писали на стенах: «Лучше Одесса с триппером, чем Киев с каштанами».

В тот самый момент, в августе 1965 года, я поступил в Киевское ВОКУ. Готовили там серьезно. Окончил с отличием. Освобождал Чехословакию от тлетворного и пагубного влияния капитализма. По возвращении получил назначение в 145-й гвардейский Будапештский орденов Суворова и Богдана Хмельницкого учебный мотострелковый полк 66-й гвардейской Полтавской Краснознаменной дивизии Прикарпатского военного округа. Назначение в учебную дивизию было в наше время поощрением и повышением. В линейных частях взводному потолок — старлей, ротному — капитан. В учебных частях взводный — капитан, ротный — майор. И должностные оклады в учебных частях и соединениях были выше. Полк мой именовался мотострелковым, но готовил сержантов для разведывательных подразделений и частей мотострелковых и танковых дивизий Прикарпатского военного округа и двух групп войск, Центральной и Южной, то есть для советских войск в Чехословакии и Венгрии.

Подготовка была, мягко говоря, свирепой. В то время главной задачей разведывательных подразделений и частей в бою был поиск и уничтожение ядерного оружия противника и средств его доставки. Разведывательные подразделения, обнаружив в тылу противника ядерный фугас, ракетную батарею или 203-мм самоходную гаубицу, были обязаны сообщить об этом в штаб и атаковать, каковы бы ни были их шансы на успех. Наши вероятные (и маловероятные) противники это понимали, потому уже в мирное время предпринимали меры по охране и обороне особо важных объектов. На это Советская Армия отвечала усилением разведывательных подразделений. Ранее главной ударной силой разведывательных батальонов мотострелковых и танковых дивизий были плавающие танки ПТ-76. При мне их заменяли на Т-55 и Т-64.

Служба в учебке медом не казалась. Учебная дивизия в любой момент по тревоге разворачивалась в боевую. Тревог таких хватало. Потому у всех нас было как бы сразу две службы в одно время: и подготовка сержантов, и сохранение мобилизационной

готовности соединения. Но это не все. После выхода дивизии по тревоге на месте оставался второй комплект вооружения, боевой техники, транспорта, боеприпасов и так называемое «ядро» (то есть группа офицеров) для приема резервистов и развертывания дивизии второго формирования. За время службы мне пришлось побывать как в первом составе, так и в «ядре».

Я быстро убедился, что власть наша родная зря денег никому не платит и воинскими званиями на халяву не балует. Служба осложнялась не в последнюю очередь нехваткой командных кадров. Из дивизии постоянно забирали офицеров в длительные зарубежные командировки — на Кубу, в Египет, в Сирию, во Вьетнам и еще черт знает куда. Но был приказ министра обороны: должности убоавших в длительные командировки не занимать. Должности оставались вакантными, но работу за убоавших кто-то должен был выполнять. В моем батальоне, например, не было начальника штаба — он воевал в Африке, и нового прислать на это место не могли. Потому командир первой роты временно (три года) выполнял его обязанности. Но если на месте нет ротного, командир первого взвода работал за него. А в полку не было начальника разведки. По той же причине. Потому один ротный выполнял его обязанности...

Курс подготовки сержантов — полгода. Получали новобранцев эшелонами и через шесть месяцев, присвоив лычки приказом командира дивизии, отправляли в войска. Сдал экзамены — младший сержант, сдал на «отлично» — сержант. Готовили разведчиков по существу к самоубийственным действиям, но гибелью разведывательных групп обеспечивали выживание главных сил.

В 66-й гвардейской учебной мотострелковой дивизии я сделал четыре отличных выпуска. Следующая ступень служебной лестницы — разведывательный отдел штаба Приволжского военного округа. Куйбышев был секретной резервной столицей Советского Союза. Штаб округа — на берегу Волги, а за ним грандиозная площадь. Говорят, одна из самых больших в Европе, если не в мире. Под той площадью, как все мы теперь знаем, был тайный командный пункт товарища Сталина, в сравнении с которым командные пункты Гитлера и Чёрчи л ля выглядят очень даже не солидно и не серьезно.

Кстати, о Чёрчилле. Давайте послушаем, как это имя произносят британцы. На мой взгляд, в этом имени звучит «ё». Зря мы эту букву забываем, зря из языка выбрасываем. Наш язык и так обеднён за последние десятилетия. А в этой букве столько мягкости и нежности, которой так не хватает нашим чёрствым душам.

И если уж об этой красивой букве речь зашла, то давайте подумаем над тем, почему наш добрый народ норовит все время расставить точки над «и», которые вовсе расставлять не нужно. И почему наш народ точек над «ё» расставлять не спешит? Кроме как свойствами загадочной русской души такие вещи мне объяснить не удастся.

Но вернемся к запасной столице.

При Хрущёве и Брежневле роль Куйбышева как секретной резервной столицы страны сохранялась. Потому штаб Приволжского военного округа тайно нес дополнительную нагрузку — в случае обострения международной обстановки тут разворачивались запасные командные пункты Ставки Верховного Главнокомандующего и Генерального штаба, а также стратегический узел связи. В коридоре разведывательного отдела штаба Приволжского военного округа судьба столкнула меня с той, о ком в «Аквариуме» я упомянул в одной лишь строке, — со звонкой девочкой из группы контроля.

После года службы в этом штабе — три года Военно-дипломатической академии Советской Армии, четыре года работы в агентурном добывании и уход.

Разоблачители ищут — и находят — несоответствия в биографиях Виктора Суворова и Владимира Резуна.

Зря стараетесь, граждане, — соответствия и не должно было быть. Если бы я точно назвал имена, места и даты, это было бы подлостью по отношению к моим товарищам, сослуживцам и командирам. Потому я сместил повествование по месту и времени, изменил имена. В своих книгах я совершенно сознательно работал «на понижение».

В «Освободителе» и «Аквариуме» Виктор Суворов — колхозный шоферюга, который на базаре торгует арбузами и травит

Днепр ядовитой мерзостью, а Владимира Резуна с 11 лет готовили в особых военных учебных заведениях.

Виктор Суворов поступил на первый курс Харьковского гвардейского танкового командного училища, а Владимир Резун — сразу на второй курс Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища имени Фрунзе.

Виктор Суворов служил в штабе Прикарпатского военного округа, а Владимир Резун — в штабе Приволжского, в секретной запасной столице Советского Союза.

Виктор Суворов попал в номенклатуру Центрального Комитета старшим лейтенантом, а приткий Резун — еще лейтенантом, побив все рекорды.

В «Аквариуме» я одной строкой упомянул о звонкой девочке из группы контроля, а в жизни Резуна дело этим не ограничилось.

Всем выпускникам Первого факультета Военно-дипломатической академии положен еще как минимум один год подготовки в разных управлениях ГРУ. Через тот год прошел и Виктор Суворов, а в реальной жизни я попал на боевую работу за рубежом самым первым из всего выпуска, минуя этот год дополнительной подготовки.

Виктор Суворов работал в Вене — во втором по значению центре мирового шпионажа, а Резун — в Женеве, в первом центре, в главной его столице.

В «Аквариуме» у меня один Навигатор, а в настоящей жизни сменилось три резидента: два умных, третий — не очень. Когда через несколько лет после всего случившегося этот третий умер, никто из ГРУ не пришел его хоронить, хотя был он генерал-майором. Его люто ненавидели все — и начальники, и подчиненные. Полосатые штаны он заработал только потому, что брат его был помощником у товарища Брежнева. Этот умник в генеральских штанах рос в высоких кабинетах Москвы, и его первая должность за рубежом, высшая из всех возможных, — резидент ГРУ в Женеве. Он провалил все, что можно было провалить. Его образом я не стал поганить свою книгу. И настоящих причин ухода никогда не объяснял.

Виктор Суворов бежал один и из Австрии, Владимир Резун — с женой и малыми детьми и из Швейцарии.

Я к чему? К тому, что и «Рассказы освободителя», и «Аквариум» были написаны и опубликованы во времена товарищей Брежнева и Андропова, когда союз нерушимый республик свободных был велик и могуч, когда мало кто верил, что скоро его не станет. «Аквариум» — не обо мне, не о моих похождениях, а о том, как работает военная разведка от батальона и выше, до самых важных резидентур. И было два у меня пути.

Первый: назвать всех, с кем выпало служить, по именам, и поломать много судеб.

Второй: изменить все имена, начиная с собственного, сдвинуть действие во времени и пространстве. Особую осторожность проявил, когда речь шла об агентуре. Прошу заметить, после моего ухода не было ни одного шпионского процесса. Никто не был арестован и осужден.

Может быть, плохо работал и ничего не знал?

Того, кто в стратегической агентурной разведке плохо работает, выгоняют после первого года. Я же отбыл полный срок командировки, все три года. В виде исключения был оставлен на четвертый год, в виде особого исключения — на пятый.

Чтобы никому не причинять неудобств, назвалс я чужим именем и решил псевдоним никогда не раскрывать. Меня впервые раскрыл начальник ГРУ генерал-полковник Е.Л. Тимохин:

Псевдоним «Суворов» взял себе бывший майор Резун Владимир Богданович («Красная звезда», 29 апреля 1992 года).

И вот теперь критики укоряют меня: надо же было сдать всех, кого знал! Надо было всех назвать настоящими именами, точно привязать действие к месту и времени, чтобы легко было вычислить не только тех, кто был рядом, но и тех, кто далече! И следовало раскрыть явки, имена, пароли! Особенно подробно и ярко подбало иностранную агентуру высветить, чтоб всех повязали и посадили!

Спасибо за совет, дорогие товарищи. Но в этой жизни я иду только тем путем, который выбрал сам.

Теперь о главном.

А что для меня главное?

Главное — «Ледокол».

В Советском Союзе изучение Великой Отечественной войны запрещалось и преследовалось. Песни задушевные о войне петь — это пожалуйста. Уродливую бабу в Сталинграде слепить — денег не жалко. А то, что бетон через пару десятков лет растрескается и статуя на рукотворном кургане неизбежно накренится и просядет — это никого не волновало. Давай бюджет сейчас, а проблемы пусть грядущие поколения решают. Так вот: государство наше родное возводило циклопических идолов на курганах, денег на то не жалело, чтобы патриотизм подстегнуть (и бюджет распилить), а к архивам военных лет доступ намертво закрыло. Это и привлекло мое внимание. Война вроде бы и Великая, вроде бы и Отечественная, да только в детали вникать не рекомендуется. Что-то там прячут. Интересно, а что именно?

Сижу в академии на лекции, мне матерый волк агентурного добывания объясняет, какие признаки разведчик должен искать для того, чтобы определить, готовит супостат нападение или нет. Среди этих признаков: противник подтягивает к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, разворачивает аэродромную сеть... А следующую лекцию другой полковник читает о нашей вопиющей глупости 1941 года: ничего не соображающие сталинские генералы и маршалы подтянули к границе штабы и командные пункты, узлы связи и стратегические запасы топлива, боеприпасов и инженерного имущества, развернули аэродромную сеть. Одновременно строили в западных районах страны 254 аэродрома! Да с бетонными полосами! Завезли туда топливо, продовольствие, бомбы, землянок нарыли, палаток наставили, немцы пришли на все готовенькое: на складах картошка тоннами, капуста в бочках, в санчасти — бинты, даже и бомбы советские немцам сгодились, самолету один черт, какие бомбы под него вешают. Не было бы этих аэродромов — не было бы немецким летчикам такого раздолья в нашем небе, особенно в распутицу.

И все мы смеялись над глупостью товарища Сталина и его генералов. Над нами до сих пор весь мир смеется. А смеяться не надо. Не для Гитлера и его асов те аэродромы готовили, а для внезапного удара по Гитлеру. И ничего в том нет зазорного. Это же Гитлер!

Не надо семь пядей во лбу иметь, чтобы сообразить: Сталин готовил нападение. А уяснив это, можно брать любой аспект подготовки страны к войне, и мы невооруженным глазом увидим доказательства этому простому предположению. Вот были в мирное время подготовлены партизанские отряды — их разогнали прямо перед войной. Почему? Да потому, что готовились воевать на чужой территории. Наготовили неимоверное количество парашютистов, которые в оборонительной войне вовсе не нужны. Зачем? Да все затем же.

Множество вопросов в своих книгах я не рассматривал — тема-то неисчерпаемая. Но возьмите любой непонятный вопрос, и «Ледокол», как золотой ключик, вам ответ откроет.

А мне говорят: в настоящей науке действуют не так — собирают факты, анализируют их, потом выводы делают. А у тебя наоборот: сначала вывод сделал, а потом этим выводом щелкаешь как орешки любые факты. Это не научный подход!

Это и впрямь подход не научный. Это подход разведывательный — усечь какую-то мелкую странность, какой-то пустячок. Вот веточка на тропинке поломанная. Отчего бы вдруг? Найти этому странному факту объяснение, а уж тогда станет понятно и все остальное. Кстати, так не только разведка действует. Про Шерлока Холмса книжки читали? Вот! Этот самый Холмс тоже внимание обращал на какие-то странные соринки, травинки и пятнышки, находил логику в вещах на первый взгляд нелогичных, и тогда все остальные факты становились понятными.

Аналитик военной разведки работает как следователь. Никто ему логику событий раскрывать не будет. В том его работа и заключается, чтобы логику эту найти. И сейфов перед разведчиком никто распаивать не станет. Кстати, и перед историком — тоже. Потому историк и разведчик — смежные профессии. Их задача — в хранилища тайн проникнуть. А если не выходит к бумагам тем доступ получить, тогда остается только вычислить

те тайны, которые в сейфах и хранилищах прячут. Постижение тайн истории — это разведка прошлого. И храбрости историку требуется никак не меньше. Рискует он жизнью, как и разведчик: голову ведь могут оторвать. Или еще что-нибудь.

Но если вникнуть глубже, то придется согласиться: в науке неисчислимое количество методов. Главное — чтобы они приближали нас к истине. Вот пример: нашел исследователь кость неизвестного допотопного зверя, прикинул, к какой части скелета эта кость относится, какие кости должны с ней соседствовать, какой формы, какого размера они должны быть. Имея перед собой одну только кость, человек восстановил весь скелет из тысяч недостающих косточек. Он их «вычислил»! Через сотню лет почти целый скелет такого же динозавра нашли, сопоставили с реконструкцией столетней давности, изумились точности, сняли шляпы в знак почтения. Вот это и есть настоящая наука.

Мне говорят: пишешь о войне, а где подтверждающие документы?

Отвечаю: динозавры после себя документов не оставили. Только косточки. Разве этого достаточно, чтобы сомневаться в их существовании? А вот пример ближе. Президент США Джон Кеннеди был убит. Убийство кто-то готовил. Но где документ? Документа нет. Разве из этого следует, что убийство было совершено без всякой подготовки?

«Ледокол» я сел писать в первую же после ухода ночь. Думал уложиться в одну статью. Написал ее, но сообразил, что для ее понимания надо написать еще две поясняющих статьи, а для их понимания — еще четыре. Статьи множились, превращаясь в главы, однако надо было на что-то жить. Пришлось, не прекращая работы над главной темой, на первый план выдвинуть другую. За несколько месяцев написал «Рассказы освободителя». Для этого не надо было составлять картотеки, собирать заново сведения о дивизиях и корпусах, о генералах и маршалах, перечитывать книги отрочества и юности.

«Рассказы освободителя» — о том, как был я курсантом, как сидел на гауптвахте, как чистил генеральские сортиры, как

стал офицером, как освобождал братскую страну, которая норовила с верного пути свернуть.

Найти литературного агента, издателя, переводчика, проверять перевод, редактировать, — все это требует времени, терпения и нервов. Книжка вышла только в 1981 году. Издатель настаивал, чтобы она была опубликована под моим настоящим именем. В этом случае книга гарантированно станет бестселлером. Для того были все условия: в нейтральной Швейцарии пропал советский дипломат Владимир Резун с женой и двумя детьми.

Дипломат — это не частное лицо, а официальный представитель своей страны. Исчезновение дипломата любого ранга — сенсация. Холодная война в самом разгаре. Две сверхдержавы противостоят друг другу по всему миру от Кубы и Чили до Египта и Сирии, от Индонезии и Вьетнама до Чехословакии и Германии. В любой момент может возникнуть обострение с непредсказуемым исходом для всего человечества. Такое уже не раз бывало. А переговоры о ядерных зарядах и средствах их доставки, о подводных лодках и противоракетной обороне, о танках и пушках идут в Женеве, в стенах Постоянного представительства СССР при отделении ООН.

И вот пропал не просто дипломат из какого-то посольства, а дипломат из этого самого Постоянного представительства СССР. И Форин Офис* заявляет, что беглому дипломату предоставлено убежище в Великобритании. Радио, телевидение, пресса в нетерпении и готовности: вот первые полосы газет, вот обложки журналов для фотографий, вот эфирное время в сводках новостей. Но беглец молчит. В прессе — самые невероятные версии случившегося. Все ищут объяснения, почему нет публичных выступлений с обличениями и разоблачениями. Высказывают предположения, что дипломатия для Резуна была только прикрытием какой-то тайной деятельности. Это еще интереснее. В прессе появилась даже робкая версия: а уж не из ГРУ ли он? Из КГБ много перебежчиков. А из ГРУ последний раз человек убежал 32 года назад, в 1946 году. Кроме того, из ГРУ был полковник Пеньковский. Но он не

* Форин Офис (англ. Foreign Office) — Министерство иностранных дел Великобритании.

убежал. Если этот из ГРУ, то... Издатели обращаются в Форин Офис — вот контракты, готовы купить книгу, если он вздумает ее писать. Платим сейчас, платим обильно, неважно, что будет в той книге, главное — скорее, и чтобы на обложке было имя автора: Владимир Резун!

Но я так и не появился ни на экранах, ни на первых полосах газет. Никогда. Владимир Резун пропал навсегда. Я решил пробиваться в литературу не на гребне дешевой сенсации, а, так сказать, «на общих основаниях», и найти путь к читателю не именем на обложке, а содержанием книг. Потому начал с нуля: вот книга автора, которого никто не знает. Пробриться оказалось весьма непросто. После многих попыток, наконец, нашел издателя, который решил опубликовать книгу неизвестного автора о Советской Армии. И однажды он меня спросил: а ты, случаем, не Резун? И, узнав, что это так, возрадовался: да мы сейчас под настоящим именем! Да мы бестселлер предъявим миру! Но я не хотел никому доставлять неприятностей, потому твердо решил — только под псевдонимом. Но если так, то аванс будет мизерным, тиражи — уж как получится, никаких гарантий успеха.

Я стоял на своем: только под псевдонимом. Тогда встал вопрос: под каким? Издатель говорит: должно быть что-то русское, лучше в три слога и чтобы как-то было с армией связано, но чтобы читатель не знал, как именно это связано. Что-то где-то слышал, но не уверен.

Я говорю: Калашников! Он: нет, этого мы знаем. Да и слогов четыре. Короче надо. Я ему: Суворов. А это кто? — спрашивает. Да был такой — отвечаю.

Так и порешили. Я-то думал, один раз пошучу, а потом что-нибудь серьезное придумаю. До Советского Союза мои опусы все равно никогда не дойдут, а тут, в Британии, про Суворова знают не больше, чем про гениального полководца виконта де Тюренна, маршала Франции.

И вот один мудрый разоблачитель меня уел: пиши под своим именем или под псевдонимом, гонорар-то ведь все равно одинаковый! Вот оно, доказательство: не сам ты книжки пишешь!

Мил человек, псевдоним я выбирал только для первой книги — для той, которая про киевскую гауптвахту. Валера Симонов, мой хороший приятель по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу, а впоследствии начальник разведки армии, вот что написал:

Лично я, читая книгу «Освободитель», был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности пятьдесят с лишним суток. («Московская правда», 31 июля 1994 года).

Но если верить не моему другу, на порядок больше моего там отсидевшему, а разоблачителю, то выходит, что русский человек (с украинскими корнями), который там побывал и через это прошел, рассказать о своих впечатлениях не способен, и только мудрые британцы, которых там не было, которые генеральские сортиры не чистили, за меня смогли все это описать. Не иначе, что точность повествования достигнута не мной, а проникшей в те сортиры вездесущей британской разведкой.

И имя на обложке, гражданин разоблачитель, вещь не последняя. Под своим именем напиши — одни гонорары, под псевдонимом — совсем другие. Не понимать это может только тот, кто никогда не имел дела с издательским миром. Так вот: имя автора (настоящее или псевдоним) часто важнее содержания.

В моем случае ситуация выглядела просто.

Существовала в мире великая сверхдержава по имени Советский Союз. Вожди сверхдержавы учили всех, как надо жить, танками навязывая свой порядок, но в собственной стране не могли обеспечить население одеждой и обувью.

Сверхдержава бесплатно завалила мир танками Т-54, пулеметами Владимирова и автоматами Калашникова, ракетами С-75 и гранатометами РПГ-7, но была не способна себя прокормить.

Сверхдержава помогала всем, от Анголы и Эфиопии до Мозамбика и Ливии. Но эта сверхдержава была не способна построить жилье для своих офицеров.

Сверхдержава первой проложила дорогу в космос, но никак не могла обеспечить свои школы теплыми сортирами, а родильные дома — горячей водой.

Ради победы коммунизма на Кубе сверхдержава чуть было не ввергла мир в ядерную катастрофу.

Сверхдержава держала своих кормильцев в колхозах, не давая им внутренних паспортов, чтобы не разбежались, и вела упорную борьбу за свободу угнетенных народов Азии и Африки.

Сверхдержава не платила своим мужикам денег, а если потом и стала платить, то на эти деньги ничего невозможно было купить. И эта же сверхдержава каждый год вывозила сотни тонн золота в Америку в обмен на зерно: пусть американский фермер будет богат и счастлив, пусть купит себе дом, автомобиль и трактор.

Сверхдержава вела смертельную борьбу против капитализма, заявив на весь мир устами своего вождя: мы вас похороним! Но если сверхдержава похоронит проклятых капиталистов, то кто же ее будет кормить?

Так вот: из Генерального штаба этой сверхдержавы бежал офицер. И написал книгу о Советской Армии. Представьте, что издатель объявляет: вот его настоящее имя, вот фотография, вот биография. В этом случае интерес обеспечен. Успех книги в те годы, в той обстановке зависел только от имени на обложке.

А вот другая ситуация. Выходит та же самая книга о Советской Армии. Но об авторе известно только то, что зовут его, например, Македонский Александр Сергеевич. И читатель, и критики к такой книге, понятно, отнесутся с недоверием. И гарантировать успех в этом случае никак нельзя. Потому и аванс жиденький.

Я хотел, чтобы книгу оценили не по имени на обложке, а по содержанию.

И ее оценили. И она стала бестселлером.

После того ситуация изменилась на противоположную. Теперь читатель хочет новых книг, на обложке которых стоит это странное имя. Предложи издателю писать под другим

псевдонимом или даже под настоящим именем, а он уже не соглашается.

Пока «Освободителя» переводили, пока готовили к изданию, — а дело это долгое и муторное, — я сочинил вторую книгу. Новый псевдоним придумал, но издатель отрезал: поздно, братец, ты теперь знаменит под псевдонимом Суворов.

Вторую книгу назвал «Советская Армия: проблемы и решения». Издатель название отверг. Книга вышла под названием «Inside the Soviet Army» («В Советской Армии»). Книга эта была о самых простых вещах: о преимуществах сапога перед ботином, о том, почему советскими батальонами не всегда командуют подполковники, но бывают и майоры, а то и капитаны. Объяснял я самые элементарные вещи.

Над нами тогда смеялись. У русских есть калибр 76 мм. Были у них и зенитные, и корабельные, и танковые, и полковые, и дивизионные пушки этого калибра. А они, глупенькие, для СПГ-9 зачем-то новый калибр выдумали — 73 мм. Есть у них калибр 122 мм — это и гаубица, и танковая пушка, и самоходка на базе ИС-2, и корпусная пушка. А они зачем-то создают самоходную гаубицу того же калибра 122 мм, а для танков новый калибр выдумали — 125 мм! Где стандартизация? Где логика? Глупость, да и только. И хохот по обе стороны Атлантики эхом гремел.

Я в книге на этом и других примерах объяснил: нет, господа, все тут правильно, все логично. Это у вашей мамы дурные дети. Додуматься надо: в Западной Германии миномет 120 мм и танковая пушка 120 мм. Но ведь снаряды танковой пушки к миномету не подходят. Так зачем вам такая стандартизация? Она только путаницу порождает. Нужно в бою под грохот канонады заказать боеприпасы такого-то калибра, да потом еще орать в телефонную трубку, что именно имеется в виду.

Книга эту писал для людей военных, доказывая единственную идею: не надо нас считать дураками, не дурнее вас, господа. Почему-то эту книгу стали покупать не только военные, но и студенты, пенсионеры, школьники, домохозяйки. Книга стала не просто бестселлером, но «книгой месяца» в США. Это позволило мне одним махом рассчитаться со всеми долгами и

купить домик с мраморным камином. Теперь можно было всю жизнь вообще ничего не делать или делать только то, что нравится. А нравится мне книжки писать. После этого был «Аква-риум», «Контроль», были другие книги.

Отдельная тема — многострадальная книга «Спецназ».

Ради чего она была написана? Отвечаю: многое в нашем родном Отечестве делается не так, как у людей. Не знаю, как бы это деликатно выразить... Одним словом, многое, если не все, делается у нас не через голову. Официально наша самобытность именуется красивым термином «особый путь развития». В соответствии с «особым путем» — когда делается не через голову — мы получили самую большую на планете территорию. И дичающий, спивающийся, деградирующий, равнодушный ко всему, в том числе к собственной судьбе, вымирающий народ.

Обратимся к потрясающим полотнам Верещагина «Смертельно раненый», «Нападают врасплох», «После удачи», «Представляют трофеи». Мы видим чудовищную войну в Туркестане, жестокую бойню, разбитых врагов и отрезанные русские головы. Кстати, на уроках истории это мы не проходили, это нам не задавали.

Зачем же нам Туркестан? И зачем отрезанными русскими головами те победы оплачивать? Нам места на земле не хватало?

Обратимся к великой русской литературе. Весь XIX век — война на Кавказе. О ней писали многие наши классики, от Лермонтова до Толстого. И ради чего десятками лет воевали?

Возразят: не мы одни. Испанцы тем же занимались, и португальцы, британцы и французы, потом немцы подтянулись, Бельгия с Голландией не отставали. Правильно. Но завоевав необъятные территории, колонизаторы использовали природные и человеческие ресурсы новых земель себе на пользу. А мы, присоединив соседние государства, следуя «особым путем», тут же начинали платить дань местным царькам.

Где же денег достать, чтобы кормить эту рать?

Как где? Содрать пять шкур с русского мужика. Так было при царях, так было и при генсеках: всевозможные узбекские и туркменские, грузинские и азербайджанские начальники жили

в царской роскоши, получали невиданные дотации, не принося покорившему их народу никакой пользы.

А ребятам в Кремле было мало. Им не терпелось больше земли прирезать, больше дани платить все новым нахлебникам. В деле расширения владений Советского Союза не последнюю роль играло Главное разведывательное управление Генерального штаба (ГРУ ГШ) и его ударные части — Спецназ.

С момента создания и почти до самого крушения Советского Союза термин этот был секретным. Спецназ был только в руках военной разведки. Это сейчас разнообразных «спецназов» развелось во множестве. А тогда не надо было уточнять: если Спецназ — значит, Спецназ ГРУ.

Про существование самого ГРУ тоже мало кто знал. В Грузии машины ходили с номерными знаками «ГРУ», и никого это не удивляло. Кстати, именно поэтому Штирлиц в «Семнадцати мгновениях весны» провожает пастора Шлага на машине с советским номером — белым по черному русскими буквами: «21-47 ГРУ». Случилось это потому, что освободители Европы в 1945 году везли трофеи из Германии, а потом трофеи почему-то осели на Кавказе. Для съемок фильмов немецкие машины времен войны арендовали у богатых кавказских владельцев, поленившись перед камерой поменять номера.

Но не будем отвлекаться.

Идея создания частей СпН ГРУ была вот такая: давайте отберем лучший человеческий материал — не просто самых физически здоровых, выносливых и крепких, но кроме того, — и это главное, — умных, способных, развитых, создадим из них мощные боевые соединения и бросим на захват все новых земель! А захватив территории соседей, обложим русский народ новым оброком и будем платить дань покоренным! И всем будет хорошо! И пусть на наши деньги все новые князьки и царьки возводят дворцы себе и своей челяди, пусть содержат гаремы, закупают звезд мирового футбола в свои районные команды и приглашают светил Голливуда на празднование своих маленьких юбилейчиков. И весь мир с содроганием будет смотреть на карту, видеть самую большую территорию и считать нас самыми сильными!

Я принципиальный противник превращения русского народа в кормильца и донора бездельников и нахлебников, я против выплаты дани, я против захвата все новых ненужных земель и оплаты этих захватов русскими головами.

Спецназ — лучшие боевые части Советской Армии, но предназначены эти части были для решения задач, которые прямо противоположны интересам русского народа. Вот почему я сообщил не кому-нибудь, а всему миру о существовании, структуре, вооружении и тактике этого любимого мною гибкого, сильного, хитрого и свирепого зверя. И совесть не грызет. Я действовал в интересах русского народа так, как эти интересы понимаю. Не нужен нам берег Турецкий, и Африка нам не нужна! И незачем нам кормить паразитов, особенно если мы не можем даже своих офицеров обеспечить жильем, а своих стариков — достойной пенсией.

Написал книгу, отдал британскому издателю, тот долго-долго сопел и пытел, не решаясь издавать. В Германии — та же история: книга почему-то никак не выходила. А потом вдруг она внезапно вышла в Лондоне. Я открыл — и был шокирован. Текст книги беспощадно сократили. Я — к издателю, а он объясняет: слишком длинно у тебя получилось, да и зачем о том, да об этом, зачем политической корректности вопреки в какие-то глубины лезть?

Основной удар длинных цензорских ножниц пришелся по психологии бойца, по способам выживания в экстремальных условиях, по тактике боевых действий, по методам добывания (вернее — выбивания) разведывательных сведений.

Немедленно все проблемы пропали и у немецкого издателя. Книгу он тут же издал, но в переводе с английского, даже и обложку ту же оставил: нам так было удобнее.

В это время в Польше поднималась мощная волна протестов, Самиздат процветал. У меня связи с подпольными польскими издателями не было, а они не могли меня найти. Потому, меня не спрашивая, польские подпольные издатели перевели эту книгу с немецкого...

Русских издательств за границами Советского Союза было много, я — к ним: граждане-господа, книгу в истерзанном виде

публикуют, но вот полная моя версия, берите бесплатно, только пусть выйдет весь текст!

Храбрых не нашлось. Ни на полный текст, ни даже на кастрированный. На русском языке книга никогда не выходила.

Потом Советский Союз рухнул. И разом все осмелели: давай!

А зачем? Чтобы узнать задач частей СпН Западной группы войск в предстоящих сражениях с войсками НАТО? Так ведь нет больше никакой Западной группы, и нет Германской Демократической Республики, на территории которой располагались армии, корпуса и дивизии ЗГВ. Нет больше ни Центральной, ни Южной, ни Северной групп войск. Там теперь суверенные государства, и все они нашими братьями больше не являются. Нет больше ни Прикарпатского, ни Прибалтийского, ни Белорусского, ни Киевского, ни Одесского военных округов. А ведь округ — это группа армий! В каждом округе была бригада СпН. Кроме того — в каждой общевойсковой и танковой армии — собственная отдельная рота СпН. Но рухнуло все.

Если бы книга до крушения Советского Союза вышла в полном объеме, то сейчас можно было бы сказать: это самое первое, что было опубликовано по данному вопросу, не судите строго, не ангел Божий писал, а человек, зело незнанием преисполненный.

Но если не вышло тогда, то теперь возвращаться к прошлому нет смысла. Тем более что в одном вопросе я глубоко ошибся. Я предсказывал, что Советская Армия никогда не уйдет из Афганистана. Вводить войска в Афган было величайшей глупостью, но выводить — самоубийством. Вот уж действительно: вход — рубль, выход — два. Ведь все понимали: если войска из Афгана вывести, Советский Союз рухнет мгновенно. Потому я считал: оттуда не уйдут.

Но ушли. И ровно через шесть месяцев посыпался социалистический лагерь. С августа до декабря 1989 года весь «лагерь» распался. А через полтора года — и сам Советский Союз.

Во времена моей службы части СпН ГРУ не сделали ни одного выстрела на войне. А после моего ухода они ни на один день не выходили из боя. Потому у меня нет морального права что-либо о них сейчас писать.

Варианты книги «Спецназ», которые ходят в Сети, являются злым и безграмотным переводом с польского, который является вольным переводом с немецкого, который является переводом с английского, который является плохим переводом с изрезанного, извращенного, неполного русского оригинала.

В тексте из Сети возьмите самую первую фразу про какие-то «лопатки». Переводчик явно стремился унижить и осрамить наших славных ребят, представить дело так, что все это не серьезно, что речь о чем-то вроде песочницы на детской площадке.

Но нет в частях СпН никаких лопаток! Инструмент, который люди, не служившие в армии, по незнанию именуют «саперной лопаткой», носит другое название — лопата малая пехотная.

Весь остальной текст в том же духе — безграмотный!

К этим сочинениям я отношения не имею. Прошу за них меня не судить.

В 1985 году я завершил «Ледокол». Издательств тут много, но опубликовать книгу не удалось. Я поместил несколько фрагментов в газете «Русская мысль», в журнале «Континент» и в журнале Королевского консультативного института по вопросам обороны (Royal United Services Institute for Defence and Security Studies). Упорно искал издателя. Работу над книгой тем временем продолжал. Добавлял новые главы, переписывал старые. Книгу впервые удалось опубликовать на немецком языке в 1989 году, на английском — в 1990 году. На русском языке за рубежом «Ледокол» так никогда и не вышел. Брались некоторые, а потом заявляли, что надо бы стиль изменить. А то какой-то не научный.

Я им: а мне научного не надо. Книги для кого пишем? Правильно — для народа. Так вот и давайте писать тем языком, который нашему народу понятен и близок. Писать ученым языком ума не надо. Писать ученым языком любой академик способен. А вот вы попробуйте так написать, чтобы и школьникам, и домохозяйкам, и солдатам, и офицерам, и лесорубам, и музыкантам интересно было.

Совершенно преднамеренно я не стал свою теорию доказывать на поле академическом, не стал спорить с нашими высоколобы-

ми и мудрыми. Писал так, чтобы мысль моя дошла до широких народных масс, а уж они пусть высоколобым вопросы задают и требуют ответа.

Тем временем в Советском Союзе разбушевалась так называемая «гласность», под прикрытием которой архивные документы уничтожались тоннами. Журнал «Нева» опубликовал «Аквариум» и обратился ко мне: давай еще что-нибудь! Я им: так ведь не напечатаете. А они: давай, у нас свобода слова. Дал я им «Ледокол», и повисла тишина. Звоню через месяц: ну как? Отвечают, что здорово, только вот даты нет такой, к которой публикацию можно было бы приурочить. Идут месяцы, подходит дата: пятидесятая годовщина начала Великой Отечественной войны! Звоню: ну так как? Понимаешь, отвечают, не можем же мы к такой дате ветеранов обижать.

После этого снова все замерло. Причина все та же: даты нет, к которой приурочить можно. А если просто так публиковать, то кто же это читать будет? Так никто и не решился, даже и после того, как рухнул Советский Союз.

Издавать «Ледокол» взялся Дубов Сергей Леонидович. Сомневался: каким должен быть тираж? Человек был осторожный, рисковать не любил, потому сначала сделал робкий заход — всего 320 тысяч. Потом сообразил, что мало, и пока печатали пробный тираж, добавил первый миллион.

А у меня других книг — полное лукошко. Пока «Ледокол» не начал писать, думал, что обойдусь одной большой статьей. Через много лет выяснилось, что и книги одной не достаточно. Для того, чтобы пояснить некоторые моменты в «Ледоколе», пришлось написать «День М» и «Последнюю республику», а «Последняя республика» в свою очередь растянулась на три книги.

Пришлось разрабатывать и параллельные темы, которые возникали по ходу дела. Мне твердили: да не могли эти русские такое замышлять, они же к войне были совершенно не готовы. На это решил ответить мощной статьей: да вы на Гитлера посмотрите! На его воинство, на готовность к войне. Статья, как только сел ее писать, тут же разрослась в книгу «Самоубийство»: дури в гитлеровском государстве и в армии было никак

не меньше, чем у нас. Написав книгу, сообразил, что тема только вскользь затронута. Будет время — я к ней вернусь.

Критики не унимаются: не мог Сталин нападение готовить, он же сам свою армию обезглавил. На это решил ответить мощной статьей, которая вылилась в книгу «Очищение»: любуйтесь на Тухачевского и подобных ему «гениев». И эта тема оказалась бездонной. Я ее только приоткрыл. Может быть, и к ней вернусь. Нет времени на все, другая проблема горизонт затмила: уж такой у нас гениальный был полководец по фамилии Жуков, уж такой талантливый... Пришлось и на это откликнуться статьей, которая потребовала двух пояснительных статей, которые потребовали... В итоге сейчас у меня о Жукове только две книги — «Тень победы» и «Беру свои слова обратно». Но уж до него я однажды снова точно доберусь.

Вот уже четверть века «Ледокол» опровергают, казалось бы, зубодробительным аргументом: один человек не мог такое написать, тут работала группа экспертов из британской разведки.

Прием старый. Приему этому много сотен лет. Когда ребятам из Святейшей Инквизиции — тем самым, у которых холодные сердца и горячие головы, — нечем было крыть, они объявляли: да это не ты писал, твоей рукой водил Дьявол! Вот и все. И поди докажи, что это не так. Тем этот ход хорош, что позволяет сразу уйти от обсуждения существа вопроса: это творение Дьявола, о чем еще спорить?

Так вот, использование аргумента про британскую разведку — проявление трусости и попытка увернуться от обсуждения действительно важных вопросов. Я вот уже скоро тридцать лет требую: выставляйте же группу экспертов против меня, сшибем перед телекамерами, а народ рассудит.

Но ни министр обороны, ни начальник Генерального штаба, ни президент Академии наук, ни вышестоящие вожди пока на сей призыв не откликнулись. И не откликнутся никогда. Потому, что их точка зрения не логична и глубоко аморальна. Они отстаивают два взаимоисключающих постулата.

Первый: Красная Армия спасла Европу от нацизма.

Второй: Советский Союз был верным союзником Гитлера, никогда на Германию нападать не стал бы, никого освобождать не собирався и не замышлял.

Зачем это делается? Зачем вожди и их идеологическая обслуга с остервенением доказывают недоказуемое? Да затем, что надо разворовать остатки былой мощи и богатства страны, но воровать у людей умных не просто. Потому их нужно одурачить. И вот результат: десятки миллионов дружно повторяют: Советский Союз освободил Европу от коричневой чумы, но освобождать не хотел, да и был на это не способен, потому что был к войне совершенно не готов.

Дружба и сотрудничество с Гитлером, соучастие в его преступлениях, поставки стратегического сырья, без которого ведение войны и захват Европы были невозможны, — это наш национальный позор. Я поломал свою судьбу, изломал судьбу родным, друзьям, близким ради того, чтобы доказать стране и миру: союз с Гитлером был тактическим приемом, отвлекающим маневром. А стратегический замысел Сталина — разгром Германии и освобождение Европы от коричневой чумы. Быть другом Гитлера — срам и запредельная мерзость. Напасть на Гитлера — дело святое. Заявляя это, я спасаю честь своей страны, народа и армии. Об этом все мои книги.

Написать книгу за кого-то легко. Но написать хорошую книгу за кого-то невозможно.

С ранней юности, еще когда сочинял историю о механическом коте, я пытался разрешить загадку: а что же это такое — хорошая книга? Каким требованиям она должна удовлетворять?

Долго думал, мудрил, размышлял и вот к чему пришел.

Позвольте поделиться: на мой взгляд, хорошая книга должна удовлетворять только одному требованию — она должна быть интересной.

Возразят: да как же так! Она ведь еще должна быть и мудрой, и толковой, и содержательной, познавательной, зовущей, мобилизующей, вдохновляющей, душевной. Еще кучу нам разных требований вывалят.

Возразим на возражения: если книга интересная, разве этим не сказано все? Разве этим не исчерпаны сразу все возможные характеристики? Разве к этому надо что-то добавлять?

Ну давайте же рассудим. Если книга интересная, то может ли она к тому же быть еще и дурацкой? Если интересная, то может ли быть бестолковой? Бессодержательной? Пустой? Бездушной?

Интересная книга всегда и умна, и толкова, и познавательна, и душевна.

Но как же ее такой сделать? Говорят, что надо вложить в свое творение кусочек души.

Нет, граждане! Не обольщайтесь! Кусочка не хватит!
Не жлобствуйте! Не жмитесь! Не жадничайте! Не скупитесь!
Вкладывайте ее всю! Целиком! Без остатка!

А как же потом? Если всю душу вложишь, с чем же останешься?

Успокойтесь, скептики, циники и пессимисты. Она же бессмертна. Вложите душу в свое творение, от вас не убудет. Наоборот, душа ваша после того станет выше, шире, глубже и чище.

Интересно, а что проще: интересную книгу сочинить или снять интересный фильм?

Тут двух мнений быть не может. Чтобы снять интересный фильм, нужно вложить душу и деньги. А для книги достаточно одной только души. Согласимся: пузырь чернил, перо из гусяного хвоста и папирус — не такие большие расходы. По большому счету — инвестирована одна только душа.

И это все?

И это все.

Но и тут не так все просто. Не каждый способен душу свою обнажить и выложить. Да не у каждого она и есть. Некоторые, может быть, и хотели бы ее выложить, да не могут по причине ее полного отсутствия. Потому-то хорошую книгу встречаешь отнюдь не каждый день. Именно поэтому хорошую книгу за кого-то написать невозможно. Свою душу в чужую обложку не втиснешь.

И когда у моих противников иссякают аргументы, они начинают сочинять обо мне грязные и мерзкие лживые истории. Меня это расстраивало. Но судьба в подруги жизни послала звонкую девочку из группы контроля. Тут ее иногда спрашивают: у вас такой красивый акцент, вы, наверное, шведка? Да, — отвечает, — шведка, из-под Полтавы. Эта мудрая женщина, с которой мы недавно справили Рубиновую свадьбу, меня однажды успокоила: пусть говорят! Пусть громче говорят! Пусть кричат, визжат и вопят! Это же свидетельство того, что возразить им нечего. Это — признание.

Виктор Суворов, он же Владимир Резун
21 августа 2011 года

Действие новой остросюжетной повести Виктора Суворова «Змееед», приквела романов-бестселлеров «Контроль» и «Выбор», разворачивается в 1936 году в обстановке непрекращающейся борьбы за власть, интриг и заговоров внутри руководства СССР. Повесть рассказывает о самом начале процесса укрощения Сталиным карательной машины Советского Союза; читатель узнает о том, при каких обстоятельствах судьба свела друг с другом главных героев романов «Контроль» и «Выбор» и какую цену пришлось заплатить каждому из них за неограниченную власть и возможность распоряжаться судьбами других людей.

Повесть «Змееед» — уникальная историческая реконструкция событий 1936 года, в том числе событий малоизвестных, а прототипами ее главных героев — Александра Холованова, Ширманова, Сей Сеича и других — стали реальные исторические личности, работавшие рука об руку со Сталиным и помогавшие ему подняться на вершину власти.

В центре повествования — карьера главного героя по кличке Змееед в органах НКВД от простого наблюдателя, агента наружной слежки и палача, исполнителя смертных приговоров, работающего с особо важными «клиентами», до уполномоченного по особо важным делам и заместителя одного из приближенных Сталина.

В специальном приложении собрано более 50 фотографий, в том числе уникальные архивные снимки 1930-х годов, публикующиеся впервые и рассказывающие о действующих лицах повести и прототипах ее героев.

ISBN 978-5-98124-567-1

9 785981 245671

www.dknighta.ru

ДОБРАЯ КНИГА

книги для высокоэффективной жизни™